

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ

2019 Том 21 № 1

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-1

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Научный журнал

Издается с 1999 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61179 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

Почта Ю.М., доктор философских наук, профессор кафедры сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»

E-mail: pochta_yum@rudn.university

Ответственный секретарь

Иванов В.Г., доктор политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»

E-mail: ivanov_vg@rudn.university

Заместитель главного редактора

Грачев М.Н. — доктор политических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной политологии ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»

Члены редакционной коллегии

Мчедлова М.М. — доктор политических наук, профессор и заведующая кафедрой сравнительной политологии ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»

Платонов В.М. — кандидат юридических наук, профессор и заведующий кафедрой политического анализа и управления факультета гуманитарных и социальных наук ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»

Карадже Т.В. — доктор философских наук, профессор и заведующая кафедрой политологии и социологии ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»

Попова О.В. — доктор политических наук, профессор и заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Коваленко В.И. — доктор философских наук, профессор и заведующий кафедрой российской политики факультета политологии ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

Жильцов С.С. — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и политической философии ФГБОУ ВО «Дипломатическая академия МИД РФ»

Капустин Б.Г. — доктор философских наук, профессор Йельского университета (США)

Абсаттаров Р.Б. — доктор философских наук, профессор и заведующий кафедрой политологии и социально-философских дисциплин Казахского национального педагогического университета им. Абая (Казахстан)

Дуткевич Петр — доктор политических наук, директор Института европейских, российских и евразийских исследований при Карлтоновском университете (Канада)

Францке Йохан — доктор политических наук, профессор, заместитель декана факультета экономических и социальных наук Потсдамского университета (ФРГ)

Карлос Пачеко Амарал — доктор политических наук, профессор Университета Азорских островов (Португалия)

Николя Када — доктор политических наук, профессор Университета Пьера Мендеса Франса, г. Гренобль (Франция)

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ

ISSN 2313-1446 (online); 2313-1438 (print)

4 выпуска в год

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Включен в каталог периодических изданий Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>).

Языки: русский, английский, французский.

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka.

Цели и тематика

Журнал *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология* (*Вестник РУДН. Серия: Политология*) — периодическое международное рецензируемое научное издание в области политических исследований. Журнал является международным как по составу редакционной коллегии, так и по авторам и тематике публикаций.

Научный журнал издается с 1999 г. С момента своего создания журнал ориентировался на высокие научные и этические стандарты и сегодня является одним из ведущих и старейших политологических журналов России.

Цель журнала — способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными политологами.

Журнал предназначен для публикации результатов фундаментальных и прикладных научных исследований. Тематическая направленность журнала отражается в следующих постоянных рубриках: «Политический процесс в современной России: тенденции и перспективы», «Политические процессы в современном мире», «Актуальные вопросы политической науки».

Формат публикаций: научные статьи, обзорные научные материалы, материалы круглых столов, научные сообщения, посвященные исследовательским проблемам в сфере политологии.

В своей деятельности редколлегии серии руководствуется принципами, определяемыми ВАК России для научных журналов, в том числе: наличие института рецензирования для экспертной оценки научных статей; информационная открытость издания; наличие и соблюдение правил и этических стандартов представления рукописей авторами.

Целевой аудиторией журнала являются российские и зарубежные специалисты-политологи, а также аспиранты и студенты, обучающиеся по направлениям «Политология» и «Международные отношения».

Электронный адрес: politjournalrudn@rudn.university; vestnikrudn@yandex.ru.

Литературный редактор: *К.В. Зенкин*
Компьютерная верстка: *Е.П. Довголевская*

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Адрес редакционной коллегии серии «Политология»:

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2
Тел.: (495) 936-85-28
e-mail: politjournalrudn@rudn.university

Подписано в печать 01.04.2019. Выход в свет 15.04.2019. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 17,21. Тираж 500 экз. Заказ № 9. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)
117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН
115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3,
тел. (495) 952-04-41; ipk@rudn.university

© Российский университет дружбы народов, 2019

RUDN JOURNAL OF POLITICAL SCIENCE

2019 VOLUME 21 No. 1
DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-1
<http://journals.rudn.ru/political-science>

Founded in 1999

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

CHIEF EDITOR

Pochta Yu.M., PhD, full professor
of the Department of Comparative Politics,
Peoples' Friendship University of Russia
E-mail: pochta_yum@rudn.university

EXECUTIVE SECRETARY

Ivanov V.G., PhD, associate professor
of the Department of Comparative Politics,
Peoples' Friendship University of Russia
E-mail: ivanov_vg@rudn.university

DEPUTY EDITOR

Grachev M.N., PhD, full professor of the Department of Theoretical and Applied Political
Science, Russian State University for the Humanities

ASSOCIATE EDITOR

Mchedlova M.M. — PhD, full professor and head of the Department of Comparative Politics,
Peoples' Friendship University of Russia

Platonov V.M. — PhD, full professor and head of the Department of Political Analysis and
Management, Peoples' Friendship University of Russia

Zhiltsov S.S. — PhD, full professor and head of the Department of Political Science and Political
Philosophy, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry

Popova O.V. — PhD, full professor and head of the Department of Political Institutions and
Applied Political Science, Saint Petersburg State University

Karadje T.V. — PhD, full professor and head of the Department of Political Science and Sociology,
Moscow State Pedagogical University

Kovalenko V.I. — PhD, full professor and head of the Department of Russian Politics, Moscow
State University

Kapustin B.G. — PhD, senior lecturer of Yale University (USA)

Absattarov R.B. — PhD, full professor and head of the Department of Political Science and Socio-
Philosophical Disciplines, Kazakh University named after Abai (Kazakhstan)

Dutkiewicz P. — PhD, full professor, director of the Institute of European, Russian and Eurasian
studies, Carleton University (Canada)

Franzke J. — PhD, full professor and vice dean of the Faculty of Economic and Social Sciences,
Potsdam University (Germany)

Pacheko Amaral C. — PhD, full professor of the University of the Azores (Portugal)

Kada N. — PhD, full professor of the University of Pierre Mendes France (France)

RUDN JOURNAL OF POLITICAL SCIENCE
Published by the Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, Russian Federation

ISSN 2313-1446 (online); 2313-1438 (print)

4 issues per year

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Languages: Russian, English, French

Indexed in Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>

Aims and Scope

RUDN Journal of Political Science is a peer-reviewed international academic journal publishing research in Political Science. The journal is international with regard to its editorial board, contributing authors and topics of the publications.

The journal is published since 1999. Since its inception, the journal focused on the highest scientific and ethical standards and is today one of the leading and oldest political magazines in Russia.

The aim of the journal is to promote scientific exchange and cooperation between Russian and international political scientists.

The journal publishes the original results of fundamental and applied scientific research. The thematic focus of the journal is presented in the following permanent rubrics: "Political process in contemporary Russia: trends and prospects", "Political processes in the modern world", "Some actual problems of political science".

As a Russian journal with an international character, the journal welcomes research articles, book reviews, round tables and scientific reports devoted to the actual problems of political science.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics).

The target audience of the journal are Russian and foreign specialists, scientists and post-graduate students in the fields of political science and international relations.

Further information regarding notes for contributors, subscription and archives is available at <http://journals.rudn.ru/political-science>

E-mail: politjournalrudn@rudn.university; vestnikrudn@yandex.ru

Review editor *K.V. Zenkin*

Computer design *E.P. Dovgolevskaya*

Address of the Editorial Board:

3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: ipk@rudn.university

Address of the editorial board

RUDN Journal of Political Science:

Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198
Ph. 936-85-28, fax 936-85-22
e-mail: politjournalrudn@rudn.university

Printing run 500 copies. Open price

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation
6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,
Ph. +7 (495) 952-04-41;
e-mail: ipk@rudn.university

© Peoples' Friendship University of Russia, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

- Мешкова Т.А., Изотов В.С., Демидкина О.В., Кофнер Ю.К.** ЕАЭС в меняющемся геополитическом контексте: приоритеты международного сотрудничества 7

КУРДСКИЙ ВОПРОС В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

- Мещерякова О.М.** Территориальная автономия и права национальных меньшинств: курдский вопрос 34
- Dalsooz J.H.** Diplomacy of the Kurdistan Region of Iraq in the Age of Terrorism (Далсуз Дж.Х. Дипломатия Иракского Курдистана в период терроризма) 43

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

- Zreik M.** China's Involvement in the Syrian Crisis and the Implications of Its Neutral Stance in the War (Зрейк М. Участие КНР в сирийском кризисе и последствия ее нейтральной позиции) 56
- Ханалиев Н.У.** Треугольник «Россия—Турция—Иран» в контексте стратегии США на Ближнем Востоке 66
- Kouma J.C.** Cameroon's Contribution to the African Union's Security Plan (2000—2018) (Кума Ж.К. Вклад Камеруна в план безопасности Африканского Союза (2000—2018 годы)) 78

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

- Белоконев С.Ю., Титов В.В., Усманова З.Р.** Российская национально-государственная идентичность перед вызовами начала XXI века 90
- Чихарев И.А., Ярмач О.В.** Большое Средиземноморье в дискурсе исследовательских и экспертно-аналитических центров 99
- Белов С.И.** Реабилитация нацистского режима, его сторонников и пособников в европейском кинематографе: текущее состояние и новые тренды в развитии политики памяти 110
- Сатхита Д.** Влияние Интернета на развитие демократии в Таиланде 118
- Мд Сазедул И.** Политические партии Бангладеш и культура политического насилия 129
- Жаров А.С.** О пределах государственной и местной власти в вопросах реализации налоговой политики местного самоуправления: теоретические взгляды А.И. Васильчикова 140

CONTENTS

PROBLEMS AND PROSPECTS OF EURASIAN INTEGRATION

- Meshkova T.A., Izotov V.S., Demidkina O.V., Kofner J.C.** The EAEU in a Changing Geopolitical Context: Priorities for International Cooperation 7

THE KURDISH QUESTION IN WORLD POLITICS

- Mescheryakova O.M.** Territorial Autonomy and National Minorities' Rights: The Kurdish Question 34
- Dalsooz J.H.** Diplomacy of the Kurdistan Region of Iraq in the Age of Terrorism 43

POLITICAL PROCESSES IN CONTEMPORARY WORLD

- Zreik M.** China's Involvement in the Syrian Crisis and the Implications of Its Neutral Stance in the War 56
- Khanaliyev N.U.** Triangle "Russia—Turkey—Iran" in the Context of US Strategy in the Middle East 66
- Kouma J.C.** Cameroon's Contribution to the African Union's Security Plan (2000—2018) 78

CURRENT PROBLEMS OF POLITICAL SCIENCE

- Belokonev S.Yu., Titov V.V., Usmanova Z.R.** Russian National-State Identity: Facing Challenges of the Early 21st Century 90
- Chikharev I.A., Yarmak O.V.** The Greater Mediterranean in the Discourse of Research and Expert Analytics Centers 99
- Belov S.I.** Rehabilitation of the Nazi Regime, Its Supporters and Accomplices in the European Cinematography: Current State and New Trends in Developing Memory Policies 110
- Sathita D.** The Impact of the Internet on the Development of Democracy in Thailand 118
- Md Sazedul I.** Political Parties of Bangladesh and the Culture of Political Violence 129
- Zharov A.S.** On the Limits of State and Local Authorities in the Implementation of the Tax Policy of Local Self-government: Theoretical Views of A.I. Vasilchikov 140

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-1-7-33

ЕАЭС В МЕНЯЮЩЕМСЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ: ПРИОРИТЕТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА¹

Т.А. Мешкова, В.С. Изотов,
О.В. Демидкина, Ю.К. Кофнер

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
ул. Мясницкая, 20, Москва, Россия, 101000

В работе исследуется международная деятельность Евразийского экономического союза (ЕАЭС) как актора мировой экономики, обладающего полноценной правосубъектностью. Проведена диагностика текущего состояния евразийской интеграции в сфере международного сотрудничества с фокусом на взаимодействие с межправительственными организациями и интеграционными объединениями. На основе анализа нормативных документов Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), Основных направлений международной деятельности ЕАЭС на 2019 г. и повестки российского председательства в ЕАЭС в 2018 г. выделяются концептуальные подходы к оценке и прогнозированию его внешней стратегии. В ходе сравнительного анализа рассматривается наиболее релевантный по отношению к ЕАЭС опыт внешней политики других интеграционных объединений. Определяются перспективные модели международного взаимодействия ЕАЭС с учетом нестабильного мирового экономического и геополитического контекста. Приоритетные направления международного сотрудничества ЕАЭС выделены, прежде всего, исходя из стратегических интересов Российской Федерации, которые дифференцированы по географическим направлениям с соответствующей оценкой текущего состояния, рисков и возможностей. В заключении даны рекомендации по реализации международной повестки евразийского интеграционного объединения в кратко-, средне- и долгосрочной перспективе. Сформулированы предложения по дальнейшему развитию международного сотрудничества ЕАЭС, направленные на максимизацию экономических эффектов, как для России, так и для Союза, при планировании дальнейших треков международного сотрудничества.

Ключевые слова: интеграция, глобальное регулирование, наднациональность, международные отношения, международные экономические организации, Большое Евразийское партнерство, ЕАЭС, СНГ, ЕС, АСЕАН, МЕРКОСУР

¹ Статья написана в рамках проекта «Анализ перспективных направлений развития евразийской интеграции с учетом стратегических задач социально-экономического развития Российской Федерации и задач российского председательства в ЕАЭС в 2018 году», выполняемого в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2018 г.

ПРЕАМБУЛА

Евразийский экономический союз (далее — ЕАЭС) после вступления в силу Договора о ЕАЭС приобрел статус международной правосубъектности и был наделен правом по согласованию с государствами-членами осуществлять международное сотрудничество и возможность заключать международные договоры с государствами, международными организациями и международными объединениями². Укрепление международной легитимности ЕАЭС имеет большое значение для национальных интересов Российской Федерации в области внешней политики. Создание Союза позволило стране четче вычертить векторы международной ориентации. Сам концепт евразийской интеграции стал определяющей частью внешнеполитической стратегии России, обновленной возможностью, способной вывести государство из кризиса идентичности в условиях ускорения темпов глобализации, развития процессов регионализации и роста сопутствующих возможностей и рисков. Успешная интеграция внутри ЕАЭС и расширение международных контактов может снижать степень военно-политической напряженности как на региональном, так и на глобальном уровне. Наднациональность и международная правосубъектность, государственные интересы России и стран — партнеров по Союзу, процессы глобализации и кризис однополярности, изменения на мировых товарных рынках, технологический прогресс и действия крупных внерегиональных акторов (ЕС, США, Китай) формируют в сумме повестку международного сотрудничества ЕАЭС. Скоординированная «внешняя политика» Союза играет важную роль с точки зрения противодействия внутренним и внешним угрозам для России и евразийского интеграционного проекта в целом. Она позволяет вступать в международные взаимодействия с другими акторами для решения глобальных проблем.

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОБЛАСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ЕАЭС

Интересы Российской Федерации в международном сотрудничестве ЕАЭС имеют как экономическое, так и политическое измерение. Они представлены в национальных стратегических документах (включая Концепцию внешней политики Российской Федерации [19], Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации до 2024 года [24] в части международного сотрудничества, Национальный проект «Международная кооперация и экспорт»), указах и выступлениях Президента Российской Федерации В.В. Путина (в том числе в его обращении к главам государств — членов ЕАЭС в связи с председательством РФ в ЕАЭС в 2018 году [22], Майском указе «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [32] и др.).

Анализ Основных направлений деятельности Правительства Российской Федерации до 2024 года позволяет говорить о том, что сотрудничество на евразий-

² Договор о Евразийском экономическом союзе (П. 1 Ст. 7) [7].

ском направлении является основным приоритетом для государства и включает решение таких задач в области международного сотрудничества, как:

— установление взаимовыгодных связей ЕАЭС с третьими странами, заключение соглашений о свободной торговле;

— развитие сотрудничества в рамках сопряжения ЕАЭС и китайской инициативы «Один пояс и один путь», формирование экономического партнерства, открытого для участия государств — членов ЕАЭС, ШОС и АСЕАН;

— сопряжение инфраструктурных проектов ЕАЭС с программами развития Северного морского пути в целях формирования принципиально новой транспортно-логистической конфигурации континентального масштаба;

— продолжение курса на функционирование и дальнейшее развитие зоны свободной торговли в рамках СНГ, углубление взаимодействия разноуровневых интеграционных процессов, в первую очередь в вопросах гармонизации документов СНГ с нормативно-правовой базой ЕАЭС.

В то же время в числе приоритетов председательства РФ в ЕАЭС в 2018 были следующие цели:

— углубление сопряжения ЕАЭС и СНГ;

— сложение потенциалов таких интеграционных форматов, как ЕАЭС, инициативу «Пояс и Путь» (ИПП), ШОС и АСЕАН;

— эффективное обоюдное дополнение интеграционных форматов ЕАЭС и ИПП;

— ЗСТ ЕАЭС с третьими странами;

— сотрудничество ЕАЭС с БРИКС с целью формирования альтернативной многополярной мировой архитектуры;

— углубление взаимодействия ЕАЭС с ВТО и Всемирной таможенной организацией (ВТамО);

— продолжение взаимодействия ЕАЭС с ООН, в частности в области реализации Целей устойчивого развития ООН и других передовых глобальных инициатив.

Внешнеполитические и внешнеэкономические интересы Российской Федерации в области международного сотрудничества ЕАЭС можно дифференцировать по географическим направлениям. Ядром сотрудничества является поэтапное расширение и углубление процессов интеграции внутри ЕАЭС. Следующий уровень взаимодействия — постсоветское пространство — предусматривает более тесное сопряжение форматов ЕАЭС и СНГ, углубление взаимодействия разноуровневых интеграционных процессов с учетом национальных интересов России, стран ЕАЭС и СНГ. Внешние контуры международного сотрудничества задают:

— Юго-восточное (континентальное) направление: формирование Большого Евразийского партнерства на основе сопряжения форматов ЕАЭС, ШОС и АСЕАН с первоочередным участием больших и малых стран континента (прежде всего Китая, Индии, Ирана, Пакистана, Турции);

— Западное направление: реализация нового формата многостороннего сотрудничества с Европой, прежде всего со странами ЕС и Европейской ассоциа-

цией свободной торговли (ЕАСТ), формирование безбарьерной среды по всем направлениям сотрудничества, включая обновленные механизмы взаимодействия ЕАЭС и ЕС.

Наиболее отдаленным контуром взаимодействия для ЕАЭС являются регионы за пределами «Большой Евразии»³. Стартовой фазой сотрудничества может стать создание зон свободной торговли и заключение соглашений о торгово-экономическом сотрудничестве с заинтересованными странами Южной и Центральной Америки, Африки и Океании.

Отдельно в международном сотрудничестве можно выделить «сквозное направление», проходящее через все субрегионы евразийского материка — транспортно-инфраструктурное сотрудничество в целях формирования принципиально новой логистической конфигурации континентального масштаба — сопряжение инфраструктурных проектов ЕАЭС с развитием транспортных коридоров «Запад — Восток» (с китайской сухопутной инициативой «Экономического пояса Шелкового пути» (ЭПП) и с программами развития Северного морского пути), а также с проектом международного транспортного коридора «Север — Юг» (т.н. «Прямой путь»), в котором свои усилия планируют объединить Россия, Индия и Иран.

ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ ИНТЕГРАЦИИ В СФЕРЕ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ЕАЭС

В мае 2018 г. Высший Евразийский экономический совет (ВЕЭС) одобрил ключевой документ, регламентирующий международное сотрудничество ЕАЭС — Соглашение «О международных договорах Евразийского экономического союза с третьими государствами, международными организациями или международными интеграционными объединениями». Соглашение определяет порядок заключения, прекращения и приостановления действия международных договоров Союза с третьими государствами, международными организациями или международными интеграционными объединениями, в отношении предмета регулирования которых Союз наделен необходимой компетенцией. ЕЭК также разработан порядок принятия в ЕАЭС новых членов и прекращения членства в ЕАЭС. В отношении заинтересованных сторон реализуется коммуникационная политика по разъяснению возможностей развития взаимодействия с Союзом, в том числе по вопросу получения статусов государства-наблюдателя и государства — кандидата на вступление в ЕАЭС.

В начале декабря 2018 г. Высший Евразийский экономический совет (ВЕЭС) утвердил Основные направления международной деятельности ЕАЭС на 2019 год. Документ носит глобальный всеобъемлющий характер, показывая готовность ЕАЭС к открытому взаимодействию по всем направлениям, несмотря на возрастающую геополитическую напряженность [27].

³ Здесь и далее под термином «Большая Евразия» понимается макрогеографический регион, в котором реализуется сложение потенциалов таких интеграционных форматов, как ЕАЭС, «Один пояс и один путь», ШОС и АСЕАН. Такой подход задан в риторике Президента РФ. См.: [2].

В настоящее время ЕАЭС имеет три основных институциональных формата взаимоотношений с внешними партнерами: соглашения о зоне свободной торговли (ЗСТ), непреференциальные соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве, меморандумы о взаимопонимании и сотрудничестве с третьими странами и международными организациями. Далее рассмотрены несколько примеров международного сотрудничества ЕАЭС в данных форматах.

На постсоветском пространстве системное взаимодействие между ЕЭК и СНГ выстраивается с 2013 года. По инициативе ЕЭК были подписаны Меморандум о взаимопонимании с постоянным комитетом союзного государства и Меморандум о взаимодействии с Исполнительным комитетом СНГ. Для обеспечения более эффективного сотрудничества и решения вопросов в области миграционной политики на пространстве ЕАЭС и СНГ Евразийской экономической комиссии в 2012 г. был предоставлен статус наблюдателя в Совете руководителей миграционных органов государств — участников СНГ (СРМО). В последние годы ведется активное взаимодействие ЕЭК и Исполнительного комитета СНГ, например, в сфере гармонизации вопросов трудовой миграции [15]. В ноябре 2018 года ЕЭК и Исполнительный комитет подписали Меморандум об углублении взаимодействия [10].

Система взаимных преференций в рамках Зоны свободной торговли СНГ, созданной в 2011 г., пока устраивает остальных государств — членов Содружества при ведении торгово-экономических отношений со странами ЕАЭС [6]. Ввиду важности рынка ЕАЭС для СНГ некоторые российские эксперты предлагают упразднить ЗСТ СНГ с целью «вынудить» их на поиск новых форматов сотрудничества с ЕАЭС и даже на вступление в Союз. Такой подход представляется ошибочным. Достаточно отметить, что отмена ЗСТ СНГ противоречит заявленному приоритету российского председательства в ЕАЭС в 2018 г. и может привести к переориентации периферийных стран Содружества в сторону Европы или Китая.

Согласно Основным направлениям международной деятельности ЕАЭС в 2019 г. взаимодействие с государствами СНГ, не являющимися членами ЕАЭС, находится в числе главных приоритетов. При этом ставка делается на использование инструментов «мягкой силы» через соответствующих арбитров и легитимизирующие институты [6]⁴.

Отмечается, что «будет продолжена целенаправленная работа по популяризации в указанных государствах идеи евразийской экономической интеграции путем проведения конференций, форумов, презентаций, круглых столов и других мероприятий, посвященных тематике евразийской экономической интеграции в контексте дополнительных возможностей, которые открывает единый рынок Союза» [27].

Рассмотрим отношения с несколькими странами СНГ, наиболее близкими к формату тесного сотрудничества с ЕАЭС.

⁴ Подробнее о феномене «мягкой силы» и ее структурных моделях см.: [16].

Республику Таджикистан часто называют в качестве наиболее вероятного кандидата на вступление в ЕАЭС. Однако в настоящее время к такому шагу не готовы ни Таджикистан, ни остальные государства — члены Союза. Официальный Душанбе присматривается к опыту соседнего Кыргызстана, взвешивая плюсы и минусы вступления. С одной стороны, республике интересны возможности привлечения инвестиций и преференции для трудовых мигрантов, предлагаемые единым рынком труда. С другой стороны, страна боится удорожания импорта из третьих стран, связанного с необходимостью поднять тарифные ставки, способности экспорта своей сельхозпродукции на рынок Союза из-за низкого качества национальной системы технического регулирования, поглощения своей экономики российскими и казахстанскими ТНК.

Трудовая миграция необходима для обеспечения экономического роста Российской Федерации, но кроме этого вступление Таджикистана в ЕАЭС может быть интересно Москве с точки зрения содействия социально-экономической стабильности в регионе. Последние статистические данные свидетельствуют в пользу перспектив интеграции: за первые восемь месяцев 2018 года на 25% увеличился объем внешней торговли товарами ЕАЭС с Республикой Таджикистан. При этом в прошлом году темпы роста товарооборота государств — членов Союза с Таджикистаном составили 19,2%. Тем не менее, неподготовленность правовой базы, системные экономические проблемы, а также постоянный рост наркотрафика из Афганистана вызывают серьезную озабоченность и в сумме остаются серьезными барьерами на пути начала диалога по присоединению Таджикистана к ЕАЭС.

С приходом нового Президента Шавката Мирзиёева в декабре 2016 г. Узбекистан провел ряд важных экономических реформ и активизировал повестку сотрудничества с Россией и своими соседями в Центральной Азии. В октябре 2018 года Москва и Ташкент подписали большой пакет документов о сотрудничестве двух стран в торгово-экономической, энергетической, научной, культурно-гуманитарной, образовательной, социально-трудовой сферах.

Определенную раскладку по внешнеэкономической ориентации страны дает следующая статистика внешней торговли. В 2017 г. Евросоюз занимал 10,5% в географической структуре торговли страны, Китай — 20%, а ЕАЭС — 28%. Тем не менее, Узбекистан пока сохраняет прежнюю дистанцию от интеграционного формата ЕАЭС.

В мае 2018 г. Республике Молдова был предоставлен беспрецедентный статус государства-наблюдателя при Евразийском экономическом союзе. Ранее, в апреле 2017 г., был подписан Меморандум о сотрудничестве между Республикой Молдова и ЕЭК. На сегодняшний день институт наблюдателя является удобным и компромиссным форматом для стран, проявляющих интерес к ЕАЭС, поскольку, с одной стороны, позволяет выстраивать сотрудничество по отдельным направлениям, а, с другой стороны, не налагает на третьи страны каких-либо обязательств по заключению различных соглашений (например, о ЗСТ) или дальнейшему членству в Союзе.

Договор о ЕАЭС (статья 109) предусматривает, что любое государство вправе обратиться к председателю Высшего Евразийского экономического совета

с просьбой о предоставлении ему статуса государства-наблюдателя. Статус наблюдателя дает возможность уполномоченным представителям государства-наблюдателя при Союзе присутствовать по приглашению на заседаниях органов Союза, получать принимаемые документы, не являющиеся документами конфиденциального характера. При этом данный статус не дает права участвовать в принятии решений в органах Союза.

Договор о Союзе также устанавливает, что государство-наблюдатель обязано воздерживаться от любых действий, способных нанести ущерб интересам интеграционной организации и государств-членов, объекту и целям Договора о Союзе. Однако дальнейшее сближение между Кишиневом и ЕАЭС, за которое выступает президент страны Игорь Додон, блокируется проевропейским (в ряде случаев откровенно антироссийским) курсом правительства страны и правовыми рамками Соглашения о глубоком и всеобъемлющем торгово-экономическом сотрудничестве с ЕС, подписанного в июле 2016 года.

Состояние международного сотрудничества ЕАЭС на восточном, юго-восточном и южном направлениях характеризуется стремлением к созданию сети зон свободной торговли и соглашений о торгово-экономическом сотрудничестве, а также сопряжения инфраструктурно-транспортной системы Союза с китайской инициативой «Пояса и Пути» и индийского проекта международного транспортного коридора «Север—Юг». В октябре 2016 года вступило в силу Соглашение о зоне свободной торговли между ЕАЭС и Социалистической Республикой Вьетнам. Промежуточные экономические результаты оцениваются положительно: товарооборот между ЕАЭС и Вьетнамом с момента заключения Соглашения вырос на 35%, причем рост сбалансирован (сбалансированный экспорт возрос на 40%, импорт — на 35%). При этом экспорт агропродукции из ЕАЭС во Вьетнам вырос на 13%, а импорт — на 32% [21].

В мае 2018 г. было заключено Временное соглашение о ЗСТ между ЕАЭС и Исламской Республикой Иран. Снижение таможенных ставок затрагивает порядка 50% товарной номенклатуры (с исключением нефти и нефтепродуктов) и рассчитано на переходный период в три года. Пока отсутствуют статистические данные о первых экономических эффектах от Соглашения, но, по предварительным оценкам ЕЭК, отдельные страны Союза могут рассчитывать на значительное увеличение экспорта [1]. В целом, реализация соглашения позволит значительно увеличить объемы взаимной торговли, которая за прошлый год составила 2,7 млрд долл. США [26].

В мае 2018 г. ЕАЭС и Китай подписали Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве с Китайской Народной Республикой, являющееся неpreferенциальным, т.е. не предполагающим снижения таможенных ставок. В 2015 г. была принята Декларация о сопряжении ЕАЭС и китайской инициативы ЭПШП [30], однако до сих пор точные форматы ее реализации не определены.

Внешняя экономическая политика ЕАЭС по формированию ЗСТ в настоящее время координируется на высшем наднациональном уровне. На сегодняшний день наиболее перспективные переговорные треки выстроены при взаимодействии с Израилем, Сингапуром, Сербией, Индией и Египтом. В целом, свое желание

о сотрудничестве с ЕАЭС изъявили более 40 стран. С некоторыми из них подписаны меморандумы и работают совместные исследовательские группы (СИГ) [20]. «Восточный вектор» внешнеэкономической политики ЕАЭС не отменяет необходимости возобновления официального диалога с Евросоюзом, без которого проекты инфраструктурного и экономического сопряжения двух частей евразийского континента во многом теряют технологическую и инвестиционную привлекательность. Роль ЕЭК как институционального медиатора в налаживании отношений между интеграционными объединениями остается крайне востребованной.

Политические события, начавшиеся в 2014 г., прежде всего «украинский кризис», существенно ухудшили диалог ЕЭК с Европейской комиссией, ЕАСТ, Центральноевропейской инициативой, ОБСЕ, ОЭСР, а также затормозили ряд двусторонних форматов с отдельными странами, направленных на создание ЗСТ.

Несмотря на это, на западном направлении ЕАЭС достиг определенных успехов во взаимодействии на «внешнем контуре» интеграции начиная с 2015 г. В том числе ведутся переговоры по установлению единого преференциального торгового режима между всеми странами ЕАЭС и Сербией. Греция является единственной страной ЕС, с которой ЕЭК подписала совместную Декларацию о сотрудничестве. Важно, что Афины выступают в качестве сторонника прямого диалога ЕС и ЕАЭС, последовательно отстаивая эту позицию внутри ЕС.

В 2016 г. эксперты авторитетного Фонда Бертельсмана (Bertelsmann Stiftung) подготовили обзор «Свободная торговля от Лиссабона до Владивостока». Прогнозы показывают, что экономические выгоды от зоны свободной торговли между ЕС и ЕАЭС (а в перспективе и с другими странами СНГ) будут весомыми. С большой вероятностью произойдет значительное увеличение объема экспорта из ЕАЭС в ЕС. В частности, в случае заключения полномасштабного соглашения о свободной торговле ожидаемое увеличение объема экспорта из России в ЕС составит примерно 30 процентов, а объем экспорта ЕС в ЕАЭС, по прогнозам, вырастет почти на 60 процентов. Подобное увеличение объемов экспорта приведет к значительному росту реальных доходов: приблизительно на 3,1% в России и на 4,1% в Беларуси. В странах — членах ЕС в Восточной Европе также ожидается прирост реальных доходов на уровне от 1,2 до 1,8 процента [29. Р. 5].

В 2019 г. в рамках продвижения инициативы «интеграции интеграций» будет продолжена целенаправленная работа по установлению прямых контактов Комиссии с Европейской комиссией, реализации предложений, изложенных в памятной записке «Евразийский экономический союз — Европейский союз: контуры сотрудничества» от 17 сентября 2015 года, отражающей базовое видение перспектив сотрудничества ЕАЭС и ЕС.

Кроме того, важно понять, как ЕС видит свое участие в интеграционных проектах в «Большой Евразии». С этой точки зрения важен анализ стратегического документа «Connecting Europe and Asia — Building blocks for an EU Strategy» [34], представленного Европейской комиссией и Высоким представителем Евросоюза по иностранным делам и политике безопасности на очередном саммите Форума «Азия — Европа» в октябре 2018 г. Как подчеркивает российский эксперт Н.Б. Кондратьева: «Необходимость выработки Евросоюзом своего видения Большой

Евразии и принципов связывания двух ее частей — Европы и Азии ЕК объясняет тем, что Азия включает очень разнообразные страны с точки зрения экономических моделей и уровня развития. Согласованные правила и выровненные стандарты, по мнению Евросоюза, — необходимые условия как для доступа на европейский рынок, так и для организации подобного порядка передвижения товаров, услуг, капиталов и людей через национальные границы Евразии. Для ЕС имеют принципиальное значение высокие экологические и социальные стандарты, адекватное планирование, а также финансовые гарантии совместных инфраструктурных и прочих проектов, чтобы минимизировать риск их долгового бедствия...» [18. С. 16]. При этом показательно практически полное игнорирование ЕАЭС в данном документе. Ему нашлось место в ссылках в списке региональных организаций, с которыми можно сотрудничать в области соотнесения технических стандартов и транспортной политики. Напомним в связи с этим, что важным шагом в процессе нахождения общих зон сотрудничества между ЕАЭС и ЕС стал заключенный в 2017 г. Меморандум о взаимодействии ЕЭК с Европейским комитетом по стандартизации (CEN) и Европейским комитетом по стандартизации в области электротехники (CENELEC) [13].

Более того, сравнительный анализ текстов «Основных направлений международной деятельности ЕАЭС» в 2018 и 2019 годах показывает, что в список возможных тем для взаимодействия на экспертном уровне добавились защита прав потребителей, таможенное администрирование, конкуренция и антимонопольное регулирование, реализация совместных транспортных и инфраструктурных проектов, урегулирование экономических торговых споров и функционирование внутреннего рынка, а также фитосанитарного контроля и обращения лекарственных средств [27].

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С МЕЖДУНАРОДНЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ И ИНТЕГРАЦИОННЫМИ ОБЪЕДИНЕНИЯМИ

Всемирная торговая организация (ВТО) является важнейшим институциональным партнером ЕАЭС и главной референтной организацией в области либерализации международной торговли. ЕЭК взаимодействует с ВТО по всем вопросам, включенным в нормативную базу ВТО, за исключением торговли услугами, торговых аспектов прав интеллектуальной собственности и инвестиционных мер. Эксперты Комиссии регулярно принимают участие в заседаниях рабочих органов ВТО, в консультациях и других процедурах, связанных с применением защитных мер в ЕАЭС.

В рамках ООН значимым представляется участие ЕЭК в обсуждении Целей Устойчивого Развития (ЦУР). В 2017 г. Комиссия представила доклад ЕЭК о достижении ЦУР в регионе ЕАЭС [25]. Союз существенно укрепил собственные позиции, сделав заявку на статус полноправного субъекта в формирующейся системе глобального управления.

В многосторонние диалоги с ЕЭК вовлечены представители всех региональных комиссий ООН: Экономической комиссии для Латинской Америки (ЭКЛАК), Экономической комиссии для Африки (ЭКА), Экономической и социальной ко-

миссии для Западной Азии (ЭКЗА), Экономической комиссии для Европы (ЕЭК), Экономической и социальной комиссии для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО).

Успешно складывается взаимодействие с Европейской экономической комиссией ООН (ЕЭК ООН). В 2013 г. подписан двухсторонний Меморандум о взаимодействии, позволяющий выстраивать системный диалог между Евразийской экономической комиссией и ЕЭК ООН в ключевых отраслях экономического сотрудничества. Утверждена и успешно реализована трехгодичная (2013—2015 гг.) программа сотрудничества. В настоящий момент взаимодействие пролонгировано и выстроено в сферах торговой, таможенной, инвестиционной, конкурентной, макроэкономической политики, промышленного и энергетического сотрудничества, транспорта, статистики, экономики и финансов.

Действует бессрочный Меморандум о сотрудничестве и взаимопонимании с Конференцией ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), подписанный в 2013 году. В этом же году Комиссия получила статус наблюдателя в организации.

ЕЭК также сотрудничает с Продовольственной и сельскохозяйственной организацией ООН (ФАО), являющейся ведущей международной организацией в области разработки сельскохозяйственной политики, эффективного законодательства и национальных стратегий по развитию сельских регионов. Сотрудничество с ФАО позволяет наращивать эффективность функционирования аграрного рынка ЕАЭС, совершенствовать законодательную и нормативно-правовую базу государств ЕАЭС в области семеноводства и животноводства, обмениваться знаниями и опытом, принимать участие в разработке политики по обеспечению глобальной продовольственной безопасности.

Выстроен диалог ЕЭК с Экономической и социальной комиссией ООН для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО ООН). Взаимодействие ЕЭК и ЭСКАТО ООН развивается в рамках Меморандума о взаимопонимании, целью которого является укрепление сотрудничества в таких сферах, как макроэкономическая политика, торговля, инвестиции и поддержка предпринимательской деятельности, транспорт, энергетика, статистика. Содержание диалога концентрируется на таких сферах, как торговля и инвестиции, макроэкономика, транспорт и логистика, промышленность и агропромышленный комплекс, статистика, энергетическая политика, информационные технологии, функционирование внутреннего рынка, трудовая миграция, интеллектуальная собственность. Данные направления содержатся в проекте Программы сотрудничества между ЕЭК и ЭСКАТО ООН на 2017—2019 гг., разработанном Комиссией в соответствии с Меморандумом о взаимопонимании между ЕЭК и ЭСКАТО ООН.

В апреле 2013 г. между ЕЭК и Международной организацией по миграции (МОМ) был подписан Меморандум о сотрудничестве. Для Союза изучение опыта Организации важно в целях создания условий для эффективного управления миграционными процессами, влияющими на функционирование и развитие государств — членов ЕАЭС, для развития экономического потенциала стран Союза. Развитие процессов взаимодействия в рамках Меморандума привело к тому, что в 2016 г. была достигнута договоренность о предоставлении ЕЭК статуса наблюдателя в данной организации.

В октябре 2018 г. ЕЭК подписала Меморандум о взаимопонимании с Международным торговым центром (МТЦ)⁵. Подписание документа призвано укрепить торговое и экономическое взаимодействие государств ЕАЭС, способствовать их дальнейшей интеграции в систему международной торговли, а также обеспечить формирование более эффективной бизнес-среды на пространстве Союза.

Продолжается взаимодействие со Всемирной таможенной организацией (ВТамО) в рамках подписанного в 2016 г. меморандума. Реализация инициатив меморандума позволит усилить несколько интеграционных эффектов, в частности, повысить конкурентоспособность и безопасность продукции, снизить технические барьеры в торговле государств Союза с европейскими странами, способствовать внедрению цифровых технологий.

В ходе диалога ЕЭК с интеграционными объединениями установлены рабочие контакты с АТЭС, МЕРКОСУР, АСЕАН, ЛАИ, Андским сообществом, Тихоокеанским альянсом. Отметим, что в мировой практике соглашений о ЗСТ между экономическими объединениями нет, хотя в рамках Межрегионального рамочного соглашения о сотрудничестве с 1999 г. идут переговоры, в частности, между ЕС и МЕРКОСУР [35].

Перспективы создания всеобъемлющей ЗСТ между ЕАЭС и АСЕАН стали более осязаемы в долгосрочной перспективе после того, как в ноябре 2018 г. стороны подписали Меморандум о взаимопонимании [9]. Намечаются контуры сотрудничества по таким направлениям, как таможенное регулирование и упрощение процедур торговли, санитарные и фитосанитарные меры, техническое регулирование, электронная торговля, торговля услугами и инвестиции, развитие предпринимательства. Этот шаг стал последовательным воплощением решений по итогам Саммита Россия — АСЕАН в Сочи в 2016 г., где главы и высокие представители участвующих стран договорились о создании совместной исследовательской группы для реализации намеченных инициатив. Углубление диалога с АСЕАН открывает для ЕАЭС и перспективы сотрудничества с макрорегиональной инициативой, созданной под патронажем Китая, — Всесторонним региональным экономическим партнерством (ВРЭП), в которое входят все 10 стран АСЕАН.

Переговоры ЕАЭС с интеграционными объединениями страдают от глобальных и региональных рисков как политического, так и экономического характера. Например, в 2014 г. начались официальные отношения между МЕРКОСУР и ЕЭК [3]. Однако развитие отношений фактически приостановилось в 2016 г. в связи с политическим кризисом в странах Южной Америки и приостановкой членства Венесуэлы в МЕРКОСУР.

В ноябре 2018 г. диалог получил новый импульс. Стороны согласились ускорить переговоры по подписанию всеобъемлющего торгового соглашения между двумя интеграционными объединениями [11].

Роль ЕЭК как институционального медиатора в налаживании отношений между интеграционными объединениями остается крайне востребованной. Спектр

⁵ Совместное агентство Всемирной торговой организации и Организации Объединенных Наций.

вопросов, которые потенциально могут стать предметом диалога, не только не сужается, но, напротив, требует постоянного обновления.

Несмотря на неблагоприятный политический контекст, в последнее время намечился перспективный трек сотрудничества между ЕЭК и ОБСЕ. Среди сфер, где стороны могли бы развивать сотрудничество, генеральный секретарь ОБСЕ выделил транспортную сферу, миграционную политику и трудовые ресурсы, цифровую экономику [14].

Сам факт сотрудничества представляется важным с точки зрения международного имиджа ЕАЭС и выхода из изоляции в диалогах с западными организациями, сфера ответственности которых включает вопросы политической безопасности. Союз придает большое значение сотрудничеству с объединением БРИКС при формировании альтернативной архитектуры мировой многополярности. В 2014 г. представители Комиссии впервые участвовали в заседании экономического модуля стран БРИКС в Бразилии, выступив с презентацией о евразийской экономической интеграции. Сегодня экспертное сотрудничество с БРИКС в основном идет в сфере конкуренции и антимонопольного регулирования и в области развития механизма «единого окна» в системе регулирования внешнеэкономической деятельности стран ЕАЭС. Кроме того, актуальным вопросом является создание единой правовой платформы стран ЕАЭС и БРИКС для плодотворного использования новых цифровых технологий [31].

Показательным также является характер развития взаимодействия с Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в условиях неблагоприятного внешнеполитического контекста и ужесточения режима санкций.

Несмотря на то, что ОЭСР воздерживается от официального диалога с ЕАЭС и развивает параллельный трек сотрудничества с рядом стран — членом Союза (прежде всего Казахстаном, а также Арменией) с перспективой включения их в число приоритетных партнеров (в случае Казахстана — возможно, и членом), ЕЭК проявляет системный интерес к деятельности Организации как глобальному и наиболее авторитетному аналитическому центру (think tank), во многом «примеряя на себя» роль такого аналитического центра регионального масштаба. Весьма показательным, что Взаимодействие с ОЭСР (в том числе в рамках работы департаментов и рабочих органов) вошло в приоритеты международного сотрудничества ЕАЭС в 2019 году [27].

По инициативе России, придерживающейся также прагматичного характера сотрудничества с ОЭСР даже в условиях приостановления процесса присоединения к Организации в 2014 г., ЕЭК рассматривает возможности использования стандартов и лучших практик ОЭСР для совершенствования евразийской нормативно-правовой базы и реализации соответствующих пилотных проектов по ряду приоритетных направлений развития интеграции, включая конкурентную политику, кластерную кооперацию, сельскохозяйственную политику, взаимодействие в области оборота химических веществ, создание системы надлежущей лабораторной практики, развития цифровизации и защита прав потребителей в электронной торговле, внедрение принципов ответственного ведения бизнеса, поддержку МСП.

РИСКИ И БАРЬЕРЫ ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ОБЛАСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ЕАЭС

В условиях углубляющегося кризиса отношений между Россией и Западом политические элиты стран — партнеров по ЕАЭС на сегодняшнем этапе интеграции ожидают от Москвы действий по укреплению союзнических отношений в области международного сотрудничества и, в целом, большую открытость по отношению к внешнему миру. Отвечая на эти запросы, российская сторона включила в приоритеты своего председательства в ЕАЭС в 2018 г. курс на интенсификацию взаимодействия с иностранными партнерами [22]. Соотнося эту стратегию с меняющимися приоритетами внешней политики, Россия придает особое значение взаимодействию с азиатскими партнерами, как в институциональном, так и в межгосударственном формате. «Разворот на Восток» и сопряжение с китайскими интеграционными инициативами стали внешними императивами Союза⁶.

Однако аналитические оценки восточного вектора международной стратегии ЕАЭС остаются в большей степени прогностическими и все еще страдают от отсутствия конкретики [38]. Сомнения экспертов вызывают и перспективы заявленных экономических и инфраструктурных проектов, предлагаемых в рамках сопряжения ЕАЭС и китайской глобальной инициативы «Один пояс и один путь». В частности, обращается внимание на то, что их выбор осуществляется по политическим соображениям, а в реализации задействованы преимущественно государственные компании, подверженные сильному компаративистскому влиянию и теневому лоббизму. Поэтому такого рода проекты могут оказаться в конечном итоге чрезмерно затратными для коммерческих партнеров и конечных потребителей [17].

В целом, проведенный анализ позволяет выделить следующие основные риски для международного сотрудничества ЕАЭС, в том числе с точки зрения российских интересов.

Во-первых, позиция России в санкционном противостоянии с «коллективным Западом» не получила поддержки у остальных участников ЕАЭС, что приводит к определенному рассогласованию внешнеэкономической повестки. На данном этапе это следует признать основным системным риском, особенно в условиях непризнания международной правосубъектности ЕАЭС со стороны ЕС. Ситуацию осложняет то, что страны ЕАЭС по-разному подходят к тому, в каких форматах и с какой скоростью Союз должен выстраивать свои международные связи. При этом государства стараются сохранять контроль над такими сферами, как торговля услугами и инвестиции, что затрудняет переговоры о заключении прогрессивных соглашений о ЗСТ [5].

⁶ В идеологической аргументации стратегии «разворота Восток» важную роль сыграла статистика внешней торговли и первые эффекты от создания ЗСТ между ЕАЭС и Вьетнамом (см. выше в основном тексте). По итогам 2016—17 гг. импорт в ЕАЭС из Азии превысил поставки из Евросоюза.

Во-вторых, отсутствует согласованная стратегия и «дорожная карта» государств — членов ЕАЭС, направленная на более глубокое сопряжение форматов ЕАЭС с СНГ.

В-третьих, существенным риском следует признать политику внерегиональных игроков (прежде всего США и ЕС), направленную на противодействие углублению сотрудничества ЕАЭС со странами СНГ. Здесь можно обратить внимание на глобальную внешнеполитическую стратегию ЕС, принятую в конце 2016 г., в которой взаимоотношения с Москвой, в том числе на постсоветском пространстве, впервые названы «стратегическим вызовом». Анализируя новую стратегическую концепцию ЕС «Связывая Европу и Азию», можно предположить, что конкурентное поведение Брюсселя в странах Восточной партнерства и Центральной Азии в среднесрочной перспективе будет только усиливаться [33].

На юго-восточном направлении можно выделить в том числе следующие риски для международной деятельности:

— содержательную неопределенность проекта ЭПШП и китайской инициативы ИПП;

— концентрацию китайских ПИИ в Республике Казахстан (по географической структуре) [23] и преимущественно в энергетическом секторе (по отраслевой структуре), что не соответствует ожиданиям сопряжения ЕАСЭ и ЭПШП;

— неглубокий и внеконцептуальный характер «Соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и Китаем» от 17 мая 2018 года;

— политические разногласия между опорными игроками «Большой Евразии» (Индия, Пакистан, Китай, Иран, Турция);

— отсутствие прогресса по реализации междуречного транспортного коридора «Север—Юг», как по политическим, так и по экономическим причинам.

Кроме того, риски возникают при взаимодействии с отдельными государствами. Например, при выстраивании диалога ЕАЭС с Турцией необходимо учитывать фактор политического риска для евразийской интеграции, в частности, обновляющуюся стратегию пантюркизма (неоосманизма), направленную на усиление зависимости тюркоязычных постсоветских республик от Турции. Влияние оказывается как инструментами «мягкой силы», так и экономическими методами. Например, в рамках Совета Сотрудничества тюркоязычных народов (Тюркского совета)⁷ периодически поднимается вопрос о создании зоны свободной торговли между странами-участниками. С этой точки зрения надо рассматривать и резонансное предложение Н. Назарбаева в октябре 2013 г. о возможности принятия Турции в ТС-ЕЭП. Растущие амбиции Анкары в условиях обостряющихся отношений с ЕС и перенесением внешнеполитических приоритетов в «евразийскую плоскость» представляют определенную угрозу для процессов постсоветской интеграции в интересах России. В ее интересах использовать международное взаимодействие между ЕАЭС и Турцией для снижения данного риска.

⁷ В состав организации входят Турция, Азербайджан, Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан.

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОПЫТА ЕС ПРИ РАЗВИТИИ СТРАТЕГИИ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ЕАЭС

В настоящее время Европейский Союз является единственным интеграционным объединением, вовлеченным в международные взаимодействия в качестве полноправного субъекта мировой политики и международных экономических отношений. Другие объединения, включая ЕАЭС, имеют фрагментарные функции субъектности, распространяющиеся на различные сферы сотрудничества. Например, Союз южноамериканских наций (УНАСУР) до фактического распада в апреле 2018 г. имел собственный Совет обороны и пытался осуществлять взаимодействие в военно-технической области.

С момента основания ЕС нарастил способность к самостоятельным действиям на международной арене. После достижения высокого уровня экономической интеграции в ЕС Европейская комиссия зарезервировала эксклюзивное право представлять государства-члены на международных торговых переговорах. Лиссабонский договор 2007 г. учредил общий дипломатический институт: Европейская Служба внешнеполитических связей (ЕСВС) начала деятельность в 2011 г. и фактически функционирует как «министерство иностранных дел ЕС».

Во главе ЕСВС стоит Верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности, который одновременно является заместителем председателя Комиссии.

Уникальная политическая форма (сочетание наднационального и транснационального политического управления) и правовые рамки деятельности ЕС на внешнеполитической арене (приверженность многосторонним нормам) составляют его главное «нормативное отличие» от других глобальных держав и коллективных игроков глобального пространства. Специфика международной практики ЕС заключается в аккумуляции так называемой «нормативной силы», укрепляющей интеграционное объединение как субъект международной политики.

Сочетание экономического влияния и нормативно-ценностного подхода позволяет ЕС проводить единую внешнюю стратегию в качестве сильного глобального игрока. В июне 2016 г. ЕС представил новую внешнеполитическую стратегию [37]. В документе отдельно оговариваются отношения России и Евросоюза, представляющие «стратегический вызов» для последнего. Отсутствие упоминания в документе ЕАЭС и ЕЭК стало очередным подтверждением практически нулевого уровня заинтересованности Брюсселя в диалоге на современном этапе.

Важным фактором усиливающегося международного влияния ЕС на международные процессы является активное участие в глобальных и региональных организациях (межправительственных и межрегиональных), саммитах, группах, диалогах, форумах. В Европе закрепились практика многостороннего взаимодействия, подготовки, выработки решений на их основе. Диалоги ведутся в двустороннем формате, в форме постоянных встреч на высшем уровне между ЕС и ведущими странами мира. Представители ЕС участвуют в работе самых международных форумов и организаций (G7, G20, АСЕАН). Создана разветвленная сеть официальных двусторонних соглашений о торговле, партнерстве с отдельными странами Азии, Африки, Южной Америки.

На сегодняшний день ЕС вовлечен в полноценные ЗСТ с 36 странами, включая экономически важное Соглашение о ЗСТ с Канадой (СЕТА). Существует значительный список договоров об ассоциации между ЕС и отдельными странами (Чили, Мексика) и интеграционными объединениями КАРИКОМ, МЕРКОСУР. ЕС является полноправным членом ВТО. Периодически, в контексте вопросов реформы институтов глобального управления, поднимается вопрос о необходимости предоставления ЕС статуса постоянного члена СБ ООН.

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО РАЗВИТИЮ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ЕАЭС С УЧЕТОМ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ

На основе проведенного анализа можно предложить ряд рекомендаций по комплексу мер кратко-, средне- и долгосрочного характера, которые могут способствовать дальнейшему развитию международного сотрудничества ЕАЭС и одновременно — реализации стратегических внешнеполитических и внешнеэкономических интересов России.

Среди краткосрочных мер (до 2020 г.) целесообразна реализация следующих инициатив:

— дальнейшее развитие института наблюдателя при ЕАЭС. Кроме Молдовы в этом формате (в среднесрочной перспективе до 2024 г.) ЕАЭС мог бы работать, как минимум, с двумя постсоветскими странами: Таджикистаном и Узбекистаном;

— разработка Стратегии углубленного сопряжения форматов ЕАЭС и СНГ и выработка конкретных планов сотрудничества ЕАЭС с каждой из стран СНГ;

— подписание унифицированного Соглашения о ЗСТ между ЕАЭС и Сербией;

— подписание соглашений о ЗСТ или торгово-экономическом партнерстве ЕАЭС с Индией и отдельными странами АСЕАН;

— выработка Стратегии сопряжения ЕАЭС с индо-иранской инициативой международного транспортного коридора «Север—Юг» («Пряного пути»). Принятие «дорожной карты» и учреждение трехстороннего проектного офиса по реализации проекта;

— интенсификация диалога профильных рабочих групп, обозначенных в Соглашении о торгово-экономическом сотрудничестве ЕАЭС — Китай с целью активизации сотрудничества в сферах, представляющих повышенный интерес для Российской Федерации и государств — членов ЕАЭС (инвестиции в реальный сектор, промышленная кооперация, транспорт, цифровая экономика);

— использовать председательство Республики Армения (2019 г.) и Республики Беларусь (2020 г.) в органах ЕАЭС для проведения мероприятий, направленных на развитие сотрудничества ЕС с ЕАЭС с учетом их участия в программе ЕС «Восточное партнерство»;

— взаимодействие с международными экспертными центрами по изучению вызовов и возможностей общего экономического пространства ЕС—ЕАЭС (универсальная рекомендация, применимая для средне- и долгосрочного сотрудничества);

— выработка конкретной Стратегии целей, задач, принципов, содержания (конкретных проектов) сопряжения ЕАЭС с ЭПШП;

— учреждение совместной комиссии ЕАЭС — Китай по вопросам гармонизации «мягкой» инфраструктуры ЭПШП (упрощение таможенных процедур, гармонизация технических регламентов, стандартов и транспортно-сопроводительных документов, создание системы «единого окна», цифровизация).

В числе среднесрочных мер (до 2024 г.) представляется необходимым:

— инициирование трехстороннего партнерства между ЕС, ЕАЭС и странами «Восточного партнерства», в том числе подписавшими Соглашение об углубленной и всеобъемлющей зоне свободной торговли (AA/DCFTA);

— использовать председательство Республики Казахстан (2021 г.) и Республики Кыргызстан (2020 г.) в органах Союза для реализации инициатив, направленных на укрепление сотрудничества ЕАЭС и сопредельных стран СНГ, а также на придание большей динамики взаимодействия в рамках сопряжения ЕАЭС и ЭПШП;

— изучить возможности Евразийский банк развития (ЕАБР) и Евразийского фонда стабилизации и развития (ЕФСР) для финансирования проектов в странах СНГ и ближнего зарубежья, направленных на дальнейшее улучшение качества евразийской интеграции;

— учреждение «Большого евразийского партнерства» на базе ШОС в качестве неформальной межгосударственной организации с участием ЕАЭС, Китая, Индии, Ирана, Пакистана, Турции и других стран Большой Евразии;

— углубленная проработка стратегии Сопряжения ЕАЭС и ЭПШП и ее имплементация в нормативно-правовую базу ЕАЭС;

— разработка и подписание меморандумов о взаимопонимании и сотрудничестве между ЕЭК и отдельными странами Европы (при координации с МИДами стран Союза).

Планируя долгосрочную стратегию (до 2030 г.) международного сотрудничества ЕАЭС, целесообразно:

— продолжение разработки стратегии сопряжения ЕАЭС и ЭПШП;

— содействие вступлению Молдовы, Таджикистана и Узбекистана в ЕАЭС;

— учреждение «Евразийского диалога ЕАЭС» (по аналогии с Программой ЕС «Восточное партнерство») с целью более глубокого сопряжения форматов ЕАЭС, СНГ и ближнего зарубежья;

— изучение возможностей использования ресурсов ЕАБР и ЕФСР для финансирования проектов, обладающих интеграционным потенциалом, в странах «Евразийского диалога»;

— подписание соглашения о комплексном и глубоком торгово-экономическом партнерстве ЕАЭС — ЕС (асимметричная ЗСТ, дополненная сотрудничеством в секторальных и кросс-секторальных направлениях);

— начало реализации глобальной стратегии сопряжения нескольких интеграционных форматов в границах «Большой Евразии» — ЕАЭС, ИПП, ШОС и АСЕАН, соотнося ее с долгосрочными целями внешнеполитических приоритетов РФ.

Международное сотрудничество ЕАЭС с интеграционными объединениями необходимо синхронизировать с аналогичными инициативами российской стороны в двустороннем формате. В частности, взаимодействие России с интеграционными объединениями стран АТР и Латинской Америки целесообразно строить на основе принципов «нового регионализма», для которых характерны членство стран с разным уровнем развития, ведущая роль экономических мотивов, низкий уровень институционализации, межправительственный формат принятия решений, а также ЗСТ как основной формат интеграции [28. С. 12]. Взаимодействие с АСЕАН, МЕРКОСУР, Андским сообществом и КАРИКОМ должно быть основано на рамочных договорах, разрабатывающих базовые подходы к экономическому сотрудничеству. Основной акцент должен быть сделан на модели двустороннего сотрудничества России с отдельными странами региональных объединений. Заключение соответствующих соглашений (Египет, Индия, Индонезия, Сингапур) должно опираться на тщательный анализ плюсов и минусов на основе многокомпонентного экономического моделирования.

Значительный интерес для России и ЕАЭС представляет также взаимодействие с АТЭС — децентрализованным форумом стран, ориентированных на нахождение оптимальных подходов к снижению региональных торгово-инвестиционных барьеров. В связи с этим России (в соответствии с Концепцией участия РФ в форуме АТЭС) и ЕЭК целесообразно принимать активное участие в переговорах о создании Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли, последовательно отстаивая приоритет доступа товаров из России и стран ЕАЭС на ключевые рынки АТР и — одновременно — возможности применения изъятия из режима свободной торговли по товарам, особо чувствительным для России и стран ЕАЭС в условиях обостряющейся конкуренции с зарубежными (прежде всего китайскими) производителями.

Поддержка китайской инициативы «Пояса и Пути» может быть использована Россией для улучшения и возможностей взаимодействия с Европейским Союзом. В частности, заслуживает внимания формат диалога, включающий представителей ЕС, России/ЕАЭС, Китая и государств Центральной Азии. Такой процесс может способствовать стабильности и развитию в Центральной Азии, остающейся крайне уязвимой для внешних и внутренних угроз, в нейтрализации которых заинтересована Россия. Этот формат может быть удачно совмещен с усилиями России по гармонизации ИПП и Евразийской интеграции. С другой стороны, любые инициативы по сотрудничеству с Китаем должны учитывать достаточно агрессивную стратегию Пекина в регионе Центральной Азии. Уже сегодня Китай оказывает значительно влияние на экономики двух стран ЕАЭС — Казахстана и Кыргызстана (инфраструктурные и энергетические проекты, кредитные линии). В целом, на наш взгляд, возрастание роли Китая в регионе ведет к опасности трансформации экономического влияния в политическое.

Представляется целесообразным формирование консолидированной позиции ЕАЭС по одному из самых актуальных вопросов глобального экономического регулирования — необходимости реформы ВТО. В интересах России и ЕАЭС

добиваться большего соответствия правил международной торговли интересам Союза. Формулировать позицию необходимо, как минимум, по следующим ключевым вопросам:

- обновление правил международной торговли с учетом изменений в глобальной экономике;
- усиление контролирующей роли ВТО;
- рассогласование в системе контроля организации (трудности с утверждением и полномочиями членов Апелляционного органа ВТО);
- нарастающие проблемы в системе урегулирования споров между членами организации.

В этой связи необходимо отметить, что Европейский Союз в июне 2018 г. предоставил Европейской комиссии мандат на модернизацию ВТО и вступил в диалог по этому вопросу с ведущими субъектами глобальной экономики, включая США и Японию (в рамках трехсторонних дискуссий), Китаем и странами G20. Перспективная задача на среднесрочную перспективу для ЕАЭС видится в подключении к данным механизмам коллективного обсуждения в статусе равноправного партнера. С этой точки зрения показательна инициатива Президента России Владимира Путина по активизации подходов к реформированию ВТО на последнем саммите G20 в ноябре—декабре 2018 г. в столице Аргентины.

России также необходимо продолжить курс на прагматичное и максимально деполитизированное сотрудничество с ОЭСР, последовательно внедряя лучшие стандарты и практики этой Организации на национальном уровне (путем продолжения гармонизации законодательства, имплементации стандартов ОЭСР в государственные программы и национальные проекты), а также выступая хабом по их распространению на евразийском пространстве.

Актуальной представляется разработка новых инициатив в треугольнике взаимодействия ЕАЭС, ЕС и странами «Восточного партнерства», в том числе подписавшими Соглашение об углубленной и всеобъемлющей зоне свободной торговли (AA/DCFTA). ЕС и Россия могли бы совместно инициировать неформальный диалог на высшем уровне с участием представителей из заинтересованных стран — членов ЕС, стран — членов ЕАЭС и стран, подписавших Соглашение AA/DCFTA. Так, по мнению международной экспертной сети по вопросам внешней политики ЕС—Россия (EUREN), это будет содействовать разработке новых идеи совместимости и взаимодействия ЕС и ЕАЭС (что объективно выгодно России) [4].

В рамках двустороннего диалога между интеграционными объединениями эксперты видят среднесрочную перспективу следующим образом. Предполагаемое соглашение между ЕС и ЕАЭС должно быть всеобъемлющим из-за необходимости решать широкий круг проблем, а также с учетом объема и структуры отношений и степени взаимосвязанности ЕС, России и других евразийских стран. Договор может охватывать множество предметных областей: от торговли товарами и услугами до свободы передвижения капитала и труда и безвизовых режимов, развития трансграничной и транзитной инфраструктуры, институциональной конвергенции, защиты прав интеллектуальной собственности и других вопросов

нормативного регулирования. Взаимные уступки и компромиссы в рамках такого документа (или пакета соглашений) будут по необходимости увязаны друг с другом, а уровень важности различных предметных областей будет восприниматься сторонами по-разному. Уступая в одной области, партнер будет ожидать встречных шагов. Такой формат сотрудничества исходит из идеи межрегионального соглашения об интеграции между двумя конкурирующими блоками. Это новая идея, а значит, она сопряжена с особыми проблемами и сложностями [12].

Наконец, международная деятельность ЕАЭС выйдет на новый качественный уровень только в случае нормативно-идеологической трансформации. Необходимо расширить нормативный набор евразийской интеграции, выйдя за пределы экономических категорий. Имплементация в законодательство ЕАЭС норм, отражающих верховенство закона, политический плюрализм, народовластие, права и свободы человека существенно укрепит международный статус Союза и будет способствовать выходу из кризиса взаимопонимания с западными партнерами. С этой точки зрения показателен пример не только ЕС, но и МЕРКОСУР. В этом интеграционном объединении существует «Правило демократии», зафиксированное в Ушуйском протоколе [36]. В соответствии с ним полноценность и эффективность демократических институтов является необходимым условием существования и дальнейшего развития интеграционного объединения. Например, при формировании зоны свободной торговли с МЕРКОСУР Чили и Боливия признали демократию в качестве обязательного условия членства.

Целенаправленная и поэтапная реализация предлагаемой стратегии международного сотрудничества ЕАЭС может привести к следующим положительным эффектам для России:

- дальнейшее усиление экономического и политического влияния государства на евразийском континенте;
- укрепление роли России в качестве опорного логистического и инфраструктурного центра Большой Евразии, связывающего Европу и Азию (транспорт, энергетика, цифровая инфраструктура);
- эффективное встраивание российской экономики и экономик государств — членов Союза в международные производственные цепочки;
- содействие привлечению прямых иностранных инвестиций и технологий;
- создание благоприятной среды для увеличения конкурентоспособной продукции России в странах «Большой Евразии»;
- выстраивание баланса сил и пространства взаимного доверия на евразийском континенте и ослабление влияния внерегиональных политических субъектов;
- содействие созданию вокруг России пояса партнерства, экономической стабильности и соразвития.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На современном непростом этапе международного сотрудничества ЕАЭС с внешними партнерами важнейшей задачей остается поиск баланса между восточным и западным направлением. Обновленные Основные направления меж-

дународной деятельности ЕАЭС на 2019 г., прежде всего, направлена на ее решение. При этом выстраивание отношений с институтами и интеграционными объединениями подчинено единой цели: системной интеграции базовых инфраструктур, обеспечивающих создание «многоуровневой интеграционной модели в Евразии — Большого Евразийского партнерства»⁸. Сохраняя заинтересованность в деполитизированной «перезагрузке» западного трека (ЕС, ЕАСТ, ОБСЕ, ОЭСР⁹), необходима дальнейшая динамика в диалогах с АСЕАН, АТЭС, многосторонними институтами, обеспечивающими инициативу «Пояса и Пути». Самостоятельным треком международного взаимодействия должно стать дальнейшее укрепление отношений с ВТО, нормы и правила которой остаются приоритетными для ЕАЭС, и активизация совместной работы с участием экспертов ЕЭК.

Для ЕАЭС важно в ходе международного сотрудничества отталкиваться не только от экономической прагматичности, но и стремиться к сближению позиций по вопросам глобального экономического регулирования и эффективности принципа многосторонности. Более широкий подход может быть связан с глобализацией повестки в области Целей устойчивого развития. Стратегия ЕАЭС на этом направлении уже была представлена в ходе диалога с ООН¹⁰. Представляется целесообразным встроить ее в темы взаимодействия как с «Западом» и «Востоком», так и на других направлениях — с МЕРКОСУР, УНАСУР, СЕЛАК, Андским сообществом, Африканским союзом. Включение в диалоги с интеграционными объединениями таких вопросов, как борьба с изменением климата, миграция, кибербезопасность, туризм, ответственное потребление, уменьшение неравенства, сохранение культурного наследия не только содержательно расширит партнерские перспективы, но и укрепит имидж ЕАЭС как ответственного игрока многополярной экономической системы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Беларусь может ожидать рост экспорта вдвое от временного соглашения с Ираном, ведущего к ЗСТ // Сайт Евразийской экономической комиссии. 09.07.2018. Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/9-07-2018-2.aspx>. Дата обращения: 27.11.2018.
- [2] В Пекине Владимир Путин выступил на церемонии открытия Международного форума «Один пояс, один путь» // Официальный сайт Президента России. 14.05.2017. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/54491>. Дата обращения: 12.12.2018.
- [3] Встреча Евразийской экономической комиссии и МЕРКОСУР (Совместное заявление) // Сайт Евразийской экономической комиссии. 25.11.2014. Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/memorandymi/Documents/Joint%20conclusion%20-%20UEE-MERCOSUR_%20rus%20_2.pdf. Дата обращения: 11.12.2018.

⁸ Формулировка согласно риторике Послания Президента России Федеральному Собранию 1 декабря 2016 г.

⁹ Несмотря на то, что членами ОЭСР являются также незападные страны, интенсивность и повестка диалога с РФ и ЕАЭС задается США и их европейскими союзниками.

¹⁰ В ООН представлен доклад ЕЭК о достижении Целей устойчивого развития в регионе ЕАЭС [8].

- [4] Выборочное сотрудничество между ЕС и Россией (Фишер З., Тимофеев И.) Промежуточный доклад EUREN — октябрь 2018. Режим доступа: http://russiancouncil.ru/papers/EU-Russia-Network-Interim-Report_RUS.pdf Дата обращения: 11.12.2018
- [5] *Девятков А.В.* ЕАЭС между Европой и Китаем // Эксперт. 27.06.2017. Режим доступа: <http://expert.ru/2017/06/27/perspektivy-eaes/>. Дата обращения: 11.12.2018.
- [6] Договор о зоне свободной торговли СНГ. Режим доступа: <http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=3183>. Дата обращения: 29.11.2018
- [7] Договор о Евразийском экономическом союзе. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/. Дата обращения: 19.11.2018.
- [8] Доклад ЕЭК о достижении Целей устойчивого развития в регионе ЕАЭС // Сайт Евразийской экономической комиссии. 12.07.2017. Режим доступа: <http://eec.eaeunion.org/ru/nae/news/Pages/12-07-2017.aspx>. Дата обращения: 11.12.2018.
- [9] ЕАЭС и АСЕАН углубляют торгово-экономическое и инвестиционное сотрудничество // Сайт Евразийской экономической комиссии. 14.11.2018. Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/14-11-2018-1.aspx>. Дата обращения: 10.12.2018.
- [10] ЕАЭС и СНГ углубляют сотрудничество // Сайт Евразийской экономической комиссии. 27.11.2018. Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/27_11_2018_2.aspx. Дата обращения: 29.11.2018.
- [11] ЕАЭС развивает сотрудничество с МЕРКОСУР // Сайт Евразийской экономической комиссии. 02.11.2018. Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/02-11-2018-2.aspx>. Дата обращения: 04.12.2018.
- [12] Европейский Союз и Евразийский экономический союз: долгосрочный диалог и перспективы соглашения. Доклад Евразийского банка развития № 38. 2016. Режим доступа: https://eabr.org/upload/iblock/f28/edb_centre_2016_report_38_eu_eaeu_rus.pdf. Дата обращения: 11.12.2018.
- [13] ЕЭК выстраивает диалог с европейскими комитетами по стандартизации // Сайт Евразийской экономической комиссии. 27.06.2018. Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/27-06-2017.aspx>. Дата обращения: 11.12.2018.
- [14] ЕЭК и ОБСЕ активизируют контакты для повышения эффективности взаимодействия // Сайт Евразийской экономической комиссии. 02.11.2018. Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/02-11-2018-3.aspx>. Дата обращения: 11.12.2018.
- [15] ЕЭК и СНГ будут сотрудничать в сфере трудовой миграции и социальной защиты трудящихся // Сайт Евразийской экономической комиссии. 24.09.2018. Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/24-09-2018-1.aspx>. Дата обращения: 02.12.2018.
- [16] *Изотов В.С.* Мягкая мощь: обновленный теоретический концепт и российская модель для сборки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2011. № 4. С. 146—155.
- [17] *Кондратьева Н.Б.* ЕАЭС 2018 глазами экспертов // Институт Европы РАН. Аналитическая записка № 43, 2018 (№ 139). Режим доступа: <http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/2018/an139.pdf>. Дата обращения: 10.12.2018.
- [18] *Кондратьева Н.Б.* Условия участия Европейского Союза в Большом евразийском партнерстве // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2018. № 5. С. 15—20. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran520181520>.
- [19] Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.). Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/%20content/id/2542248. Дата обращения: 10.12.2018.

- [20] Меморандумы с третьими странами и международными организациями // Сайт Евразийской экономической комиссии. Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/Pages/default.aspx>. Дата обращения: 24.11.2018.
- [21] Министр ЕЭК: Опасения бизнеса по свободной торговле ЕАЭС с Вьетнамом не оправдались // News.am. 23.10.2018. Режим доступа: <https://news.am/rus/news/477380.html>. Дата обращения: 30.11.2018.
- [22] Обращение Президента России к главам государств — членов Евразийского экономического союза // Официальный сайт Президента России. 18.01.2018. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/56663>. Дата обращения: 06.12.2018.
- [23] Объем китайских инвестиций в Казахстан вырос в 7 раз. Режим доступа: https://www.inform.kz/ru/ob-em-kitayskih-investiciy-v-kazakhstan-vyros-v-sem-raz_a2993009. Дата обращения: 09.12.2018.
- [24] Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года // Официальный сайт Правительства РФ. 01.10.2018. Режим доступа: <http://government.ru/news/34168>. Дата обращения: 07.12.2018.
- [25] Показатели достижения целей в области устойчивого развития в регионе ЕАЭС. Доклад ЕЭК. 2017. Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/Documents/OON_Rus.pdf. Дата обращения: 11.12.2018.
- [26] Пресс-брифинг Председателя Коллегии ЕЭК Тиграна Саркисяна о соглашениях с Ираном и Китаем // Сайт Евразийской экономической комиссии. 16.05.2018. Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/events/Pages/16-05-2018-k4.aspx>. Дата обращения: 03.12.2018.
- [27] Решение ВЕЭС № 19 «Об основных направлениях международной деятельности ЕАЭС». Режим доступа: https://docs.eaunion.org/docs/ru-ru/01420197/scd_07122018_19. Дата обращения: 11.12.2018.
- [28] Россия в современных интеграционных процессах: коллективная монография / [Г.М. Костюнина и др.]; под ред. С.А. Афонцева и М.М. Лебедевой. М.: МГИМО-Университет 2014. 312 с.
- [29] Свободная торговля от Лиссабона до Владивостока. Bertelsmann Stiftung. Gütersloh — Berlin. 2016.
- [30] Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути // Официальный сайт Президента России. 08.05.2015. Режим доступа: <http://kremlin.ru/supplement/4971>. Дата обращения: 11.12.2018.
- [31] Странам БРИКС и ЕАЭС необходима единая правовая платформа // РАПСИ. 16.04.2018. Режим доступа: http://rapsinews.ru/legal_market_news/20180416/282510760.html. Дата обращения: 05.12.2018.
- [32] Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204. Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/bank/43027>. Дата обращения: 28.11.2018.
- [33] Brussels' Approach to Greater Eurasia in Need of Revision // Euractiv. 31.10.2018. Режим доступа: <https://www.euractiv.com/section/global-europe/opinion/brussels-approach-our-rules-our-interests-in-greater-eurasia-in-need-of-revision/>. Дата обращения: 08.12.2018.
- [34] Connecting Europe and Asia: Building Blocks for an EU Strategy // European Union External Action. 19.09.2018. Режим доступа: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/50708/connecting-europe-and-asia-building-blocks-eu-strategy_en. Дата обращения: 11.12.2018.
- [35] Interregional Framework Cooperation Agreement between the European Community and Mercosur. Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=LEGISSUM:r14013>. Дата обращения: 10.12.2018.
- [36] Protocolo de Ushuaia sobre compromiso democratico en el Mercosur, la Republica de Bolivia y la Republica de Chile. Режим доступа: http://www.internationaldemocracywatch.org/attachments/112_1998_ProtocoloUshuaia-CompromisoDemocratico_ES.pdf. Дата обращения: 11.12.2018.

- [37] Shared Vision, Common Action: a Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. June 2016. Режим доступа: https://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf. Дата обращения: 10.12.2018.
- [38] *Wilson J.L.* The Eurasian Economic Union and China's Silk Road: Implications for the Russian-Chinese Relationship // *European Politics and Society*. 2016. № 17 (1). P. 113—132. DOI: 10.1080/23745118.2016.1171288.

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-1-7-33

THE EAEU IN A CHANGING GEOPOLITICAL CONTEXT: PRIORITIES FOR INTERNATIONAL COOPERATION

**T.A. Meshkova, V.S. Izotov,
O.V. Demidkina, J.C. Kofner**

National Research University — Higher School of Economics (HSE)
20 Myasnitskaya str., 101000, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article focuses on the international activity of the Eurasian Economic Union (EAEU) as an actor in the global economy with a full-fledged legal standing. It analyzes the current state of Eurasian integration within international cooperation and spotlights its correlations with intergovernmental organizations and integration associations. By means of examining the Eurasian Economic Commission's (EEC's) regulatory documents, the Main Directions of the EAEU International Activities for 2019 and the agenda of the Russian EAEU presidency in 2018, the author determines key conceptual approaches to evaluation and prognosis of the EAEU integration strategy. By applying comparative analysis, the author studies the experience of other integration associations relevant to the EAEU. The article determines the highest-potential models of EAEU international cooperation with due regard to the unstable global economic and geopolitical context. The author points out priority directions of the EAEU cooperation with an eye on strategic interests of the Russian Federation, differentiating them according to geographic areas of focus and taking into account the current state, risks and opportunities. The author concludes the article by giving recommendations on the implementation of the international agenda of the EAEU on a long-, mid- and short-term horizon. The author offers her ideas on further development of the EAEU international cooperation with a view to maximizing economic benefits for both Russia and the Union with future partnership in mind.

Key words: global governance, international relations, international economic organizations, integration, supranationality, Greater Eurasia, EAEU, CIS, EU, ASEAN, MERCOSUR

REFERENCES

- [1] Belarus Can Expect Export Growth to Double from the Interim Agreement with Iran Leading to the FTA. *Official Website of the Eurasian Economic Commission*. 09.07.2018. Available from: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/9-07-2018-2.aspx>. Accessed: 27.11.2018 (In Russ.).
- [2] In Beijing, Vladimir Putin Spoke at the Opening Ceremony of the International Forum “One Belt, One Road”. *Official Website of the President of the Russian Federation*. 14.05.2017. Available from: <http://kremlin.ru/events/president/news/54491>. Accessed: 12.12.2018 (In Russ.).
- [3] The Meeting of the Eurasian Economic Commission and MERCOSUR (Joint Statement)]. *Official Website of the Eurasian Economic Commission*. 25.11.2014. Available from: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/memorandymi/Documents/Joint%20conclusion%20-%20UEE-MERCOSUR_%20rus%20_2.pdf. Accessed: 11.12.2018 (In Russ.).

- [4] *Selective Cooperation Between the EU and Russia*. (Fisher Z., Timofeev I.) EUREN Interim Report — October 2018. Available from: http://russiancouncil.ru/papers/EU-Russia-Network-Interim-Report_RUS.pdf. Accessed: 11.12.2018 (In Russ.).
- [5] Devyatkov A.V. The EEU Between Europe and China. *Expert*. 27.06.2017. Available from: <http://expert.ru/2017/06/27/perspektivyi-eaes/>. Accessed: 11.12.2018 (In Russ.).
- [6] *CIS Free Trade Area Agreement*. Available from: <http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=3183>. Accessed: 29.11.2018 (In Russ.).
- [7] *Treaty on the Eurasian Economic Union*. Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/. Accessed: 19.11.2018 (In Russ.).
- [8] The EEC Report on the Achievement of Sustainable Development in the EEU Region. *Official Website of the Eurasian Economic Commission*. 12.07.2017. Available from: <http://eec.eaeunion.org/ru/nae/news/Pages/12-07-2017.aspx>. Accessed: 11.12.2018 (In Russ.).
- [9] The EAEU and ASEAN Deepen Trade-economic and Investment Cooperation. *Official Website of the Eurasian Economic Commission*. 14.11.2018. Available from: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/14-11-2018-1.aspx>. Accessed: 10.12.2018 (In Russ.).
- [10] The EAEU and the CIS Deepen Cooperation. *Official Website of the Eurasian Economic Commission*. 27.11.2018. Available from: http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/27_11_2018_2.aspx. Accessed: 29.11.2018 (In Russ.).
- [11] EAEU Develops Cooperation with MERCOSUR. *Official Website of the Eurasian Economic Commission*. 02.11.2018. Available from: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/02-11-2018-2.aspx>. Accessed: 04.12.2018 (In Russ.).
- [12] *European Union and Eurasian Economic Union: Long-term Dialogue and Prospects of the Agreement. Report of the Eurasian Development Bank № 38*. 2016. Available from: https://eabr.org/upload/iblock/f28/edb_centre_2016_report_38_eu_eaeu_rus.pdf. Accessed: 11.12.2018 (In Russ.).
- [13] EEC is Building Dialogue with the European Committees for Standardization. *Official Website of the Eurasian Economic Commission*. 27.06.2018. Available from: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/27-06-2017.aspx>. Accessed: 11.12.2018 (In Russ.).
- [14] EEC and OSCE Intensify Contacts to Improve Interaction Efficiency. *Official Website of the Eurasian Economic Commission*. 02.11.2018. Available from: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/02-11-2018-3.aspx>. Accessed: 11.12.2018 (In Russ.).
- [15] EEC and CIS Will Cooperate in the Field of Labour Migration and Social Protection of Workers. *Official Website of the Eurasian Economic Commission*. 24.09.2018. Available from: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/24-09-2018-1.aspx>. Accessed: 02.12.2018 (In Russ.).
- [16] Izotov V.S. “Soft Power”: The Updated Theoretical Concept and Russian Assembly Model. *RUDN Journal of Political Science*. 2011; 4: 146—155 (In Russ.).
- [17] Kondratyeva N.B. EAEU 2018 through the Eyes of the Experts. *Institute of Europe RAS. Analytical note № 43, 2018 (№ 139)*. Available from: <http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/2018/an139.pdf>. Accessed: 10.12.2018 (In Russ.).
- [18] Kondratyeva N.B. Guidelines for a Participation of the European Union in the Great Eurasian partnership. *Nauchno-analiticheskiy vestnik IE RAN*. 2018; 5: 15—20. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran520181520> (In Russ.).
- [19] *The Foreign Policy Concept of the Russian Federation (Approved by the President of the Russian Federation V.V. Putin on November 30, 2016)*. Available from: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/%20content/id/2542248. Accessed: 10.12.2018 (In Russ.).
- [20] Memoranda with Third Countries and International Organizations. *Official Website of the Eurasian Economic Commission*. Available from: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/memorandymi/Pages/default.aspx>. Accessed: 24.11.2018 (In Russ.).

- [21] The EEC Minister: The Business' Fears of EAEU Free Trade with Vietnam Are not Justified. *News.am*. 23.10.2018. Available from: <https://news.am/rus/news/477380.html>. Accessed: 30.11.2018 (In Russ.).
- [22] Address of the President of Russia to the Heads of the Member States of the Eurasian Economic Union. *Official Website of the President of the Russian Federation*. 18.01.2018. Available from: <http://kremlin.ru/events/president/news/56663>. Accessed: 06.12.2018 (In Russ.).
- [23] *The Volume of Chinese Investments in Kazakhstan Increased Sevenfold*. Available from: https://www.inform.kz/ru/ob-em-kitayskih-investiciy-v-kazahstan-vyros-v-sem-raz_a2993009. Accessed: 09.12.2018 (In Russ.).
- [24] The Main Activities of the Government of the Russian Federation for the Period up to 2024. *Official website of the Government of the Russian Federation*. 01.10.2018. Available from: <http://government.ru/news/34168>. Accessed: 07.12.2018 (In Russ.).
- [25] Indicators of Achievement of Sustainable Development Goals in the EAEU region. *The EEC Report*. 2017. Available from: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/Documents/OON_Rus.pdf. Accessed: 11.12.2018 (In Russ.).
- [26] Press Briefing by Chairman of the EEC Board Tigran Sargsyan on Agreements with Iran and China. *Official Website of the Eurasian Economic Commission*. 16.05.2018. Available from: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/events/Pages/16-05-2018-k4.aspx>. Accessed: 03.12.2018 (In Russ.).
- [27] *The Decision of the Supreme Eurasian Economic Council № 19 "On the Main Directions of International Activities of the EAEU"*. Available from: https://docs.eaunion.org/docs/ru-ru/01420197/scd_07122018_19. Accessed: 11.12.2018 (In Russ.).
- [28] *Russia in Contemporary Integration Processes: The Collective Monograph*. Ed. by S.A. Afon-tsev, M.M. Lebedeva. Moscow: MGIMO-University; 2014. 312 p. (In Russ.).
- [29] *Free trade from Lisbon to Vladivostok*. Bertelsmann Stiftung. Gütersloh — Berlin. 2016 (In Russ.).
- [30] Joint statement of the Russian Federation and the People's Republic of China on Cooperation in Construction of the Eurasian Economic Union and the Silk Road Economic Belt. *Official Website of the President of Russian Federation*. 08.05.2015. Available from: <http://kremlin.ru/supplement/4971>. Accessed: 11.12.2018 (In Russ.).
- [31] The BRICS and the Eurasian Economic Union Require a Uniform Legal Platform. *RAPSI*. 16.04.2018. Available from: http://rapsinews.ru/legal_market_news/20180416/282510760.html. Accessed: 05.12.2018 (In Russ.).
- [32] *Decree of the President of the Russian Federation of 07.05.2018 № 204*. Available from: <http://kremlin.ru/acts/bank/43027>. Accessed: 28.11.2018 (In Russ.).
- [33] Brussels' Approach to Greater Eurasia in Need of Revision. *Euractiv*. 31.10.2018. Available from: <https://www.euractiv.com/section/global-europe/opinion/brussels-approach-our-rules-our-interests-in-greater-eurasia-in-need-of-revision/>. Accessed: 08.12.2018.
- [34] Connecting Europe and Asia: Building Blocks for an EU Strategy. *European Union External Action*. 19.09.2018. Available from: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/50708/connecting-europe-and-asia-building-blocks-eu-strategy_en. Accessed: 11.12.2018.
- [35] *Interregional Framework Cooperation Agreement between the European Community and Mercosur*. Available from: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=LEGISSUM:r14013>. Accessed: 10.12.2018.
- [36] *Protocolo de Ushuaia sobre compromiso democratico en el Mercosur, la Republica de Bolivia y la Republica de Chile*. Available from: http://www.internationaldemocracywatch.org/attachments/112_1998_ProtocoloUshuaia-CompromisoDemocratico_ES.pdf. Accessed: 11.12.2018.
- [37] *Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy*. June 2016. Available from: https://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf. Accessed: 10.12.2018.

- [38] Wilson J.L. The Eurasian Economic Union and China's Silk Road: Implications for the Russian-Chinese Relationship. *European Politics and Society*. 2016; 17 (1): 113—132. DOI: 10.1080/23745118.2016.1171288.

Информация об авторах:

Мешкова Татьяна Анатольевна — кандидат политических наук, заместитель первого проректора, директор Информационно-координационного центра по взаимодействию с ОЭСР, доцент Департамента мировой экономики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) (ORCID ID: 0000-0003-1008-2161) (e-mail: meshkova@hse.ru).

Изотов Владимир Сергеевич — кандидат политических наук, ведущий эксперт Информационно-координационного центра по взаимодействию с ОЭСР Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) (ORCID ID: 0000-0002-4822-5896) (e-mail: vizotov@hse.ru).

Демидкина Ольга Вячеславовна — ведущий эксперт Информационно-координационного центра по взаимодействию с ОЭСР Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) (ORCID ID: 0000-0001-8689-4188) (e-mail: odemidkina@hse.ru).

Кофнер Юрий Кристофер — аналитик Информационно-координационного центра по взаимодействию с ОЭСР Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) (ORCID ID: 0000-0001-9731-2411) (e-mail: ykofner@hse.ru).

Information about the authors:

Tatyana A. Meshkova — PhD in Political Science, Deputy First Vice Rector, Director of the OECD-HSE Partnership Centre, Associate Professor of School of World Economy, National Research University — Higher School of Economics (HSE) (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0003-1008-2161) (e-mail: meshkova@hse.ru).

Vladimir S. Izotov — PhD in Political Science, Leading Expert of the OECD-HSE Partnership Centre Institute for Statistical Studies and Economics of Knowledge, National Research University — Higher School of Economics (HSE) (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-4822-5896) (e-mail: vizotov@hse.ru).

Olga V. Demidkina — Leading Expert of the OECD-HSE Partnership Centre Institute for Statistical Studies and Economics of Knowledge, National Research University — Higher School of Economics (HSE) (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0001-8689-4188) (e-mail: odemidkina@hse.ru).

Jurij C. Kofner — Analyst of the OECD-HSE Partnership Centre Institute for Statistical Studies and Economics of Knowledge, National Research University — Higher School of Economics (HSE) (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0001-9731-2411) (e-mail: ykofner@hse.ru).

Статья поступила в редакцию 12.12.2018.

Received 12.12.2018.

КУРДСКИЙ ВОПРОС В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-1-34-42

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ АВТОНОМИЯ И ПРАВА НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ: КУРДСКИЙ ВОПРОС

О.М. Мещерякова

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье автор анализирует курдский вопрос и права национальных меньшинств. Целью статьи является анализ правовых проблем национальных меньшинств и влияние религиозного аспекта на их решение. Территориальную автономию, являющуюся одним из элементов административного деления, традиционно рассматривают как национальную компетенцию государства, урегулированную национальной Конституцией. Однако решение курдского вопроса осложняет религиозная проблема. Методологическую основу данного исследования составляет совокупность методов научного познания, среди которых основное место занимают методы историзма, сравнительно-правовой. Использование в процессе исследования исторического метода позволило проследить эволюцию подходов к стандартам территориальной автономии. В свою очередь, применение сравнительно-правового метода позволило сопоставить нормы различных правопорядков. В статье отражены основные проблемы, связанные с курдским вопросом и попытками его решения.

Ключевые слова: курдский вопрос, автономия, территориальная автономия, национальные меньшинства, самоуправление

1. ВВЕДЕНИЕ

Происходящие в современном мире процессы, обусловленные глобализацией и созданием информационного общества, требуют не только переосмысления многих сложившихся стереотипов, но и некоей унификации подходов к пониманию различных проблем, основанной на международных стандартах. Если говорить о проблеме территориальной автономии, то к таким стандартам следует отнести, в первую очередь, нормы, принятые ООН и ОБСЕ, акты Парламентской Ассамблеи Совета Европы, Конгресса местных и региональных властей в Европе, а также Венецианской комиссии. Кроме того, необходимо учитывать различные доктринальные подходы к пониманию территориальной автономии и смежных проблем.

Под территориальной автономией понимают ту степень независимости, которой пользуется та или иная территориальная единица в составе государства в соответствии с его конституционными основами. Следует отметить, что та или

иная административная единица может обладать некоторыми чертами автономии также в составе унитарного государства [8. Р. 8].

Таким образом, территориальная автономия — это наделение некоей территориальной единицы правами самоуправления. Объем этих прав может быть различен и регулируется национальным конституционным законодательством. При определении объема прав национальных меньшинств национальный законодатель как правило, ориентируется на существующие международные стандарты в этой сфере. Однако это не всегда представляется возможным, поскольку при определении тех или иных параметров своего территориального деления государства руководствуются не абстрактным общим благом, а национальными интересами. Поэтому учесть интересы национальных меньшинств не всегда представляется возможным, поскольку проблема, как правило, имеет несколько аспектов, связанных как с внутренними, так и с внешними факторами.

Вопрос о территориальной автономии в Европе является темой для обсуждения достаточно давно. Возникновение вопроса о территориальной автономии и правах меньшинств в Европе традиционно связывают с зарождением протестантизма в странах северной Европы, когда стали появляться протестантские общины.

Конституционно-правовые аспекты этого института постепенно разрабатывались и совершенствовались. Однако, как отмечает Венецианская комиссия, «международное сообщество не вправе навязывать государствам какие бы то ни было конкретные решения в данной области» [9]. Сложность в решении проблем территориальной автономии путем закрепления международных стандартов в этой сфере состоит, прежде всего, в том, что федеративное устройство, статус автономии в составе федерации и т.д. являются предметом внутреннего права государств и регулируются их конституционными нормами.

Тем не менее, на сегодняшний день имеется значительное количество правовых актов, направленных на стандартизацию подходов в рассматриваемой сфере. Типичным примером попыток некоей стандартизации подходов являются международные договоры, определяющие статус автономных единиц, например, Аландских островов в составе Финляндии [3. С. 158]. Аландские острова с 1854 года по Парижскому мирному договору получили особый статус, впоследствии в 1921 году они были присоединены к Финляндии по решению Лиги Наций, принявшей так называемую «Аландскую конвенцию». При этом обязательным условием присоединения к Финляндии в Конвенции ставилось предоставление этническим шведам, проживающим на островах, широкой автономии. Однако большинство шведского населения островов выступило за воссоединение с исторической родиной — Швецией, их не устраивала автономия в составе унитарного государства — Финляндии.

В настоящее время правовой статус Аландских островов на национальном уровне регулируется Актом Финляндии «Об Аландской автономии», принятым 16 августа 1991 г. и вступившим в силу с 1 января 1993 г., закрепившим их статус как демилитаризованной зоны. Однако в Финляндии не раз поднимался вопрос о пересмотре демилитаризованного статуса островов ввиду внешних угроз безопасности Финляндии.

Данный пример показывает, насколько сложно и неоднозначно подчас бывает решение вопроса о территориальной автономии, поскольку оно затрагивает не только аспекты соблюдения прав меньшинств, но и территориальной целостности и национальных интересов государств.

Вопрос о территориальной автономии не раз являлся предметом встреч на высшем уровне, однако, как показывает приведенный пример, однозначного решения проблемы не удастся достичь ввиду ее многогранности, т.к. она зачастую затрагивает национальные интересы сопредельных государств.

Вместе с тем, если на сегодняшний день в Европе вопросы территориальной автономии и соблюдения прав меньшинств решаются как на национальном уровне, так и на уровне Европейского Союза, в других регионах мира попытки решить эту проблему зачастую приводят к нестабильности, как в отдельных государствах, так и в регионе в целом. Так, несмотря на существование неких исторически сложившихся обычаев в сфере защиты прав меньшинств в Османской империи, курдская проблема, доставшаяся Турции «в наследство» от Османской империи, и сегодня является основным камнем преткновения, делающим ситуацию в регионе не только нестабильной, но и взрывоопасной.

В Османской империи исторически сложилась система миллетов, которая отвечала сложившимся представлениям о правах меньшинств и их автономии [5. Р. 28]. Однако в Османской империи также исторически сложилось представление о том, что к национальным меньшинствам могут быть отнесены только иноверцы, исповедующие религии, отличные от ислама.

Многоаспектность проблемы национальных меньшинств целесообразнее всего продемонстрировать на примере так называемого «курдского вопроса», решение которого осложняется не только религиозным фактором, но и проблемами в отношениях между сопредельными государствами ближневосточного региона.

II. АСПЕКТЫ, УСЛОЖНЯЮЩИЕ РЕШЕНИЕ ВОПРОСА О КУРДСКОЙ АВТОНОМИИ

Даже не углубляясь в различные аспекты курдского вопроса, можно констатировать, что сложность его решения определяется, в первую очередь, тем, что эта этническая группа проживает на территории, которая поделена между четырьмя государствами — Турцией (Северный Курдистан), Ираном (Восточный Курдистан), Ираком (Южный Курдистан) и Сирией (Западный Курдистан).

Религиозный аспект также является фактором, определяющим нестабильность, как в перечисленных государствах, так и на Ближнем Востоке в целом. Подавляющее большинство курдов придерживается суннитского направления в исламе, незначительная часть этнических курдов принадлежит к шиитам, поэтому фактором, определяющим непримиримые противоречия между ними, является то, что в отличие от шиитов, представители суннитского направления в исламе не признают идею о праве Али ибн Абу Талиба и его потомков на имамат. Другая часть курдской этнической группы (езиды) исповедует синкретическую религию, кото-

рая берет начала в учении арабского шейха Ади. Езиды относятся к субэтносу курдов и проживают преимущественно на севере Ирака, в так называемом иракском Курдистане.

Таким образом, на только геополитический аспект проблемы, но и религиозный является предпосылками для нагнетания напряженности в регионе. Для решения вопроса о создании некоей территориальной автономии курдов, проживающих на территории сопредельных государств, необходимо создание политических партий и общественных движений, которые выражали бы интересы всех представителей этой этнической группы.

На сегодняшний день на территории таких государств, как Турция, Иран, Ирак и Сирия, существуют партии и общественные объединения курдов самого различного толка. Самыми известными из них являются такие, как, например, Движение за перемены, Демократическая партия Курдистана, Демократический союз, Коммунистическая партия иракского Курдистана, Партия демократического общества, Партия свободной жизни в Курдистане, Патриотический союз Курдистана, Союз общин Курдистана, Хизболла и другие. Эти объединения, возникшие в разное время на территории упомянутых четырех государств, являются своеобразным децентрализующим фактором в вопросе территориальной автономии, поскольку даже внутри одного государства движение курдов за их права в силу религиозных различий не является однородным.

Наиболее успешно курдский вопрос решается на севере Ирана, где речь идет о международном признании независимого курдского государства. Однако этот процесс осложняется тем, что большинство государств мира также имеют проблемы в сфере обеспечения прав национальных меньшинств и территориальных автономий, созданных по этническому признаку. Поэтому международное признание Иранского Курдистана осложняется тем, что государства опасаются, что признание независимости Иранского Курдистана приведет к усилению движения за широкую национальную автономию на их собственной территории.

Таким образом, курдская проблема представляет собой одну из болевых точек на Ближнем Востоке.

III. МЕЖДУНАРОДНЫЕ УСИЛИЯ В РЕШЕНИИ КУРДСКОГО ВОПРОСА

Вопрос о создании независимого курдского государства на международном уровне был поставлен в 1920 году, когда по окончании Первой мировой войны в рамках так называемой Версальско-Вашингтонской системы¹ был подписан проект мирного договора — Севрский мирный договор. Создание курдского независимого государства предусматривалось условиями этого мирного договора, ознаменовавшего собой окончание Первой мировой войны.

¹ Версальско-Вашингтонскую систему можно охарактеризовать как мировой порядок, созданный после окончания Первой мировой войны Версальским мирным договором и соглашениями, заключенными в ходе Вашингтонской конференции 1921—1922 гг.

Договор, текст которого был разработан державами-победительницами, предполагалось заключить между заинтересованными странами Антанты и Османской империей в тот период, когда значительная часть Турции была оккупирована странами Антанты.

Статья 62 раздела III проекта Севрского мирного договора, который имел соответствующее название — «Курдистан», предусматривала обязательство создавать местные автономии «для областей с преобладающим курдским элементом» [2. С. 69]. Такую автономию предполагалось создать на территории «к востоку от Евфрата и к югу от южной границы Армении». Для достижения этой цели проект договора предполагал создание комиссии, состоящей из представителей британской, французской и итальянской сторон. В комиссию должны были также войти представители персидской и курдской сторон в том случае, «если возникнет необходимость пересмотра турецко-персидской границы» [2. С. 71]. Согласно этому договору Турция должна была взять на себя обязательство отказаться от своих прав на области, населенные преимущественно курдами.

Таким образом, текст Севрского мирного договора, который предполагалось заключить между странами Антанты и Турцией, содержал в себе положения, которые предусматривали делимитацию границ Турции в сторону значительного сокращения ее территории и, следовательно, должен был юридически закрепить распад Османской империи.

Проект Севрского мирного договора предполагал также раздел арабских и европейских владений Османской империи. Однако возникли проблемы с ратификацией договора, решение которых так и не удалось найти: Турция отказалась ратифицировать договор, объявив его колониальным.

Сегодня такие государства, как Иран и Ирак, признают наличие социально-культурных проблем, связанных с курдами, однако они не готовы к тому, чтобы допустить создание на своей территории курдской автономии с широкими правами. В этих государствах курды могут интегрироваться в местное общество, как на общинном уровне, так и в индивидуальном порядке, а территории, населенные преимущественно курдами, имеют соответствующее название — иранский Курдистан и т.д. Это обстоятельство обусловлено, прежде всего, тем, что в этих государствах общество является полиэтничным. Это, в свою очередь, является, если можно так выразиться, значительным прогрессом, так как, например, в Турции, чтобы занять достойное место в обществе, представитель курдской этнической группы должен идентифицировать себя как турок.

Севрский мирный договор так и не вступил в силу, а последовавший за ним Лозаннский мирный договор от 24 июля 1923 года отменил часть положений, содержащихся в проекте Севрского мирного договора.

Лозаннский мирный договор был подписан между Британской империей, Францией, Италией, Японией, Грецией, Румынией, Королевством сербов, хорватов и словенцев — с одной стороны и Турцией — с другой. На конференции в Лозанне было отмечено, что «курдская проблема и армянская проблема, прежде всего, не были проблемами вообще, а самое главное, их даже не существовало...» [2].

Лозаннский мирный договор закрепил границы Турции, которые в общем совпадают с границами современной Турции, за исключением Александреттского санджака, который был возвращен Турции и вошел в ее состав только 29 июня 1939 года.

Лозаннский мирный договор имел важное международное значение, поскольку он являлся одновременно актом международного признания Турции, делимитировавшим ее границы. Договор предусматривал также защиту этнических и религиозных меньшинств. Договор разделил территорию компактного проживания курдов между Турцией, Сирией, Ираком и Ираном, заложив тем самым «мину замедленного действия» во всем регионе.

На первых порах правительство Ататюрка стремилось к сотрудничеству с курдами в целях укрепления своего влияния. Однако в дальнейшем, чтобы не лишиться поддержки своих сторонников, правительство перешло к политике непризнания за курдами статуса национального меньшинства.

Таким образом, Лозаннский мирный договор не стал сколько-нибудь значительным шагом на пути решения курдской проблемы. Поэтому очаг напряженности продолжает тлеть, а периодические вспышки носят характер вооруженных конфликтов.

На юбилейной конференции в честь очередной годовщины заключения Лозаннского мирного договора, состоявшейся в отеле Хилтон в Опфиконе (кантон Цюрих) 22 июля 2005 года в Цюрихе, было отмечено, что в решении курдской проблемы за истекший период не было достигнуто сколько-нибудь значительного прогресса.

Как было указано выше, значительную роль в развитии курдской проблемы играют различные объединения и организации курдов, как на территории Турции, так и на территории других государств, где компактно проживают этнические курды, поскольку и сегодня курды являются крупнейшим этносом, который, не имея собственной государственности, ведет активную борьбу за ее создание.

Особенно напряженной остается ситуация в Турции, где начиная с 1920-х годов двадцатого века курды ведут вооруженную борьбу за создание своей автономии. Наиболее значительным является восстание курдов, вошедшее в историю под названием Дерсимская резня 1937—1938 годов. Такое название восстание получило потому, что было жестоко подавлено вооруженными силами Турции. В годовщину Дерсимской резни 23 ноября 2011 г. премьер-министр Турции Р. Эрдоган публично извинился за события Дерсимской резни, назвав их в своем выступлении по этому случаю одним из самых трагичных событий в истории Турции.

Курдские восстания также имели место в Ираке в 1961 году. Это восстание продолжалось несколько лет и перекинулось на территорию Турции. В результате этого восстания была образована рабочая партия Курдистана, которая в тот период представляла собой ни что иное, как военно-политическую организацию, целью которой было создание независимого курдского государства на территории Турции.

В Турции перманентно продолжавшееся в течение двух десятилетий восстание постепенно переросло в партизанскую войну на юго-востоке Турции. Для турецких властей подавление этой войны представляло большие сложности, поскольку эпицентр восстания и его основной штаб располагался на территории Ирака.

Был заключен ряд двусторонних соглашений между Турцией и Ираком, согласно которым турецкие вооруженные силы могли преследовать повстанческие отряды курдов на территории Ирака [1].

В 1987 году между Сирией и Турцией также было заключено соглашение, аналогичное тому, что заключено между Турцией и Ираком по курдскому вопросу. Согласно этому соглашению Сирия брала на себя обязательство препятствовать проникновению военизированных группировок, возглавляемых рабочей партией Курдистана, в Турцию с сирийской территории, а также обязалась закрыть на своей территории военизированные лагеря рабочей партии Курдистана [4. Р. 17—42].

К началу двухтысячных годов боевые действия на территории Турции практически прекратились. Однако в дальнейшем партизанская война вспыхнула вновь. В ходе этой войны турецкие вооруженные силы провели ряд военных операций на территории Ирака, т.к. все основные базы повстанцев по-прежнему находились на территории, называемой Иракским Курдистаном [7].

Этот конфликт значительно усложнил двусторонние отношения между Турцией и сопредельными государствами региона, т.к. в некоторых случаях имели место не только несанкционированные вторжения на территорию сопредельных государств, но и бомбардировки турецкими вооруженными силами территорий Ирака, которые контролируются Исламским государством.

В 2018 году военная операция, имевшая целью ликвидацию курдских партизанских группировок, была проведена на территории Сирии. Операция называлась «Оливковая ветвь» и была направлена на подавление курдских повстанцев на сирийской территории.

Курдские повстанцы представляют левое крыло организации Рабочая партия Курдистана, которая с течением времени постоянно реформируется, создавая все новые группировки, которые работают под ее защитой и покровительством и ведут подрывную и дестабилизирующую деятельность в регионе.

Очевидно, что борьба за создание территориальной автономии и права курдского национального меньшинства в государствах их проживания не только дестабилизирует ситуацию в странах, где проживают этнические курды — Турции, Иране, Ираке и Сирии, но и создает нестабильность в международных отношениях на всем Ближнем Востоке, делая этот регион нестабильным и взрывоопасным.

Таким образом, в вопросе о территориальной автономии и правах национальных меньшинств имеется множество аспектов, и решение этого вопроса зачастую упирается не в отсутствие доброй воли и усилий на международном уровне, а обусловлено как внутренними факторами внутри самой этнической группы, так и национальными интересами соответствующих государств.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Кава Д.* Регионально-международный аспект курдской проблемы // Белорусский журнал международного права и международных отношений 1998. № 4. Режим доступа: <http://evolutio.info/content/view/204/49/>. Дата обращения 14.10.2018.

- [2] Севрский мирный договор и акты, подписанные в Лозанне [Текст]: Полный пер. с фр. текста / Под ред. проф. Ю.В. Ключникова и проф. А.В. Сабанина; Со вступ. статьей проф. Ю.В. Ключникова и предметным указателем. Москва: Литиздат НКВД, 1927. 303 с.
- [3] *Соколовский С.В.* Права меньшинств. Антропологические, социологические и международно-правовые аспекты. М., 1997. 124 с.
- [4] *Aslan S.* Incoherent State: The Controversy over Kurdish Naming in Turkey // *European Journal of Turkish Studies*. 2009. № 10. P. 17—42. Режим доступа: <http://ejts.revues.org/4142>. Дата обращения: 14.10.2018.
- [5] *Benedikter T.* The World's Modern Autonomy Systems. Concepts and Experiences of Regional Territorial Autonomy. Bozen/Bolzano, 2009. 305 p.
- [6] *Czernicka M.* Realizm i liberalizm w badaniach nad bezpieczeństwem i polityką bezpieczeństwa państwa // *Przegląd Europejski*. 2018. № 1. С. 39—54.
- [7] *Gunes C.* The Kurdish National Movement in Turkey: From Protest to Resistance. London and New York: Routledge, 2011. 256 p.
- [8] *Hannum H.* Autonomy, Sovereignty and Self-Determination. The Accommodation of Conflicting Rights. Philadelphia, 1996. 552 p.
- [9] Venice Commission Opinion on the Interpretation of Article 11 of the Draft Protocol to the European Convention on Human Rights Appended to Recommendation 1201 of the Parliamentary Assembly (CDL-MIN(1996)4). Режим доступа: [http://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-MIN\(1996\)00](http://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-MIN(1996)00). Дата обращения: 14.10.2018.

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-1-34-42

TERRITORIAL AUTONOMY AND NATIONAL MINORITIES' RIGHTS: THE KURDISH QUESTION

O.M. Mescheryakova

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russian Federation, 117198

Abstract. In the article, the author analyzes the Kurdish question and national minorities' rights. The aim of the article "Territorial Autonomy and National Minorities' Rights: the Kurdish Question" is to analyze national minorities' legal problems and the effect of religion on their solution. Territorial autonomy as an element of the territorial structure of a state is traditionally regarded as part of the state's jurisdiction regulated by the national constitution. The research is based on a set of scientific methods, historical and comparative-legal approaches being the key ones. The historical method, used in the study, allows us to trace the evolution of approaches to territorial autonomy standards. The comparative-legal method, in its turn, permits us to compare different law enforcement norms. The article looks at the current problems related to the Kurdish question and its resolution.

Key words: the Kurdish question, autonomy, territorial autonomy, national minorities, self-government

REFERENCES

- [1] Kava D. Regional and International Aspects of the Kurdish Question. *Belorusskij zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnoshenij*. 1998; 4. Available from: <http://evolutio.info/content/view/204/49/>. Accessed: 14.10.2018 (In Russ.).

- [2] *Sevres Peace Agreement and Acts Concluded in Lausanne*. Translated from French. Eds. Y.V. Kluchnikov and A.V. Sabanin; preface by Y.V. Kluchnikov. Moscow: Litizdat NKID; 1927. 303 p. (In Russ.).
- [3] Sokolovskij S.V. *Minorities' Rights. Anthropological, Sociological and International-Legal Aspects*. Moscow: MONF; 1997. 124 p. (In Russ.).
- [4] Aslan S. Incoherent State: The Controversy over Kurdish Naming in Turkey. *European Journal of Turkish Studies*. 2009; 10: 17—42. Available from: <http://ejts.revues.org/4142>. Accessed: 14.10.2018.
- [5] Benedikter T. *The World's Modern Autonomy Systems. Concepts and Experiences of Regional Territorial Autonomy*. Bozen/Bolzano; 2009. 305 p.
- [6] Czernicka M. Realism and Liberalism in the Research Concerning Security and Security Policy of State *Przegląd Europejski*. 2018; 1: 39—54 (In Pol.).
- [7] Gunes C. *The Kurdish National Movement in Turkey: From Protest to Resistance*. London and New York: Routledge; 2011. 256 p.
- [8] Hannum H. *Autonomy, Sovereignty and Self-Determination. The Accommodation of Conflicting Rights*. Philadelphia; 1996. 552 p.
- [9] *Venice Commission Opinion on the Interpretation of Article 11 of the Draft Protocol to the European Convention on Human Rights Appended to Recommendation 1201 of the Parliamentary Assembly (CDL-MIN(1996)4)*. Available from: [http://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-MIN\(1996\)00](http://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-MIN(1996)00). Accessed: 14.10.2018.

Информация об авторе:

Мещерякова Ольга Михайловна — доктор юридических наук, профессор кафедры международного права Российского университета дружбы народов (ORCID ID: 0000-0003-1786-668X) (e-mail: om23375@gmail.com).

Information about the author:

Olga M. Mescheryakova — PhD, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor of the Department of International Law, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0003-1786-668X) (e-mail: om23375@gmail.com).

Статья поступила в редакцию 12.12.2018.

Received 12.12.2018.

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-1-43-55

DIPLOMACY OF THE KURDISTAN REGION OF IRAQ IN THE AGE OF TERRORISM

J.H. Dalsooz

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
23 Gagarina Prosp., 603950, Nizhny Novgorod, Russian Federation

Abstract. In this paper, we empirically study the effects of terrorism on the para-diplomacy of Kurdistan Region of Iraq during the last two decades. The research paper analyses the form of diplomacy, in the current age, has covered new style, in particular, when the new actors (non-state actors) are playing significant roles. In this regard, the Kurdistan region government as non-state actor has successfully used terrorism as a great instrument to attract the attention of the world community and created broad its para-diplomatic relations with actors around the world. In turn, we find suggestive evidence that the Kurdistan Region Government should further enhance the ability of its foundations to sustain its relations with world community. Our findings are consistent with the idea that the threat of terrorism is never going to be end, thereby it is not easy for the state-actors to keep their eyes away from the role of any world actors (including non-state actors).

Key words: Kurdistan Regional Government, Terrorism, Diplomacy, Para-Diplomacy, Ansar Al-Islam, Peshmerga

INTRODUCTION

The Kurdish people in the south of Greater Kurdistan (the Kurdistan Region of Iraq, KRI) need no introduction to the concept and implications of terrorism. Since 1992, when the Kurdish political parties came to power in northern Iraq, the radical ideology has spread like a virus on the territory governed by Kurdistan Region Government in Iraq (KRG). Unhealthy struggle for power between the two major political parties, weakness of self-governing authorities, intervention in the KRI political system by neighboring states, severe economic hardships caused by sanctions, and civil war, among other reasons, contributed to the unprecedented spread of extremist ideology in the region.

In 2001, the emergence of local terrorist groups Jund Al Islam and Ansar Al Islam, signified a new chapter in the development of home-grown terrorism in the KRI. The lack of academic research on Kurdistan terrorist organizations was one of the reasons the real proportions of terrorist activities in Kurdistan remained hidden from the international community. Before 2003, terrorism had affected the Kurdish population in the north of Iraq on different levels: economically, individual and political security, community life, and resources. The Kurdish government alone, without international support, did not have sufficient resources to handle the terrorist threat. In the last decade, due to the growing influence of the Islamic State in Iraq and Levant (ISIL) — a foreign terrorist organization — the threat has significantly increased. While gaining global prominence, ISIL has been attracting local Kurdish terrorist groups as well. The ISIL terrorist activities were not bound to one particular location but gradually spread all over the world, which

compelled the global community to take action. Different counter-terrorism coalitions have been formed and anti-terrorist activities have been initiated, as different countries came together in a common effort to fight terror. This brings us to the key concern of the paper: *What is the degree of KRGI's participation in the anti-terrorism coalition program, and what role does the KRGI play in the global war against terror?*

The paper consists of five sections. In the first section, the author studies the connection between terrorism and international diplomacy: with the emergence of a world terrorism network, the major global actors use the war on terror to strengthen their position and gain more influence in the international arena. The second section presents a brief review of terrorist groups in the KRI and the history of their origins, and describes how a local political organization is assigned the status of a terrorist group. The third section sheds light on the connection between international terrorism and the KRI's local insurgent formations, which has enabled the Kurdish leadership to get the attention of the global community. The fourth part covers the process of world leaders coming together in a common effort to fight terrorism. In the final section, the author presents his reflections about the international role of the KRGI and the future development of its paradiplomacy.

TERRORISM AND DIPLOMACY

In his thesis for the Master of Arts degree, published by the Australian National University in 1985, Andrew Selth argues that terrorism and diplomacy share a number of parallels: both have their roots in the ancient past and both have developed in response to changes in the global environment. The purpose of each is to 'persuade and prevail, and both rely heavily on symbolism'. Among their differences, Selth mentions that, traditionally, terrorism has been used by disparate non-state actors against established authority, while diplomacy has grown as an organized tool of states within a recognized international system. Terrorism seeks radical change by violent means, where diplomacy tries to manage political change through compromise and peaceful negotiation. Diplomacy is directed towards conciliation and adjustment, its objectives largely incompatible with ideology, while terrorism almost always originates from a radical ideological base 'rarely sympathetic to such an approach' [16. P. 8]

Drawing on Selth's ideas, the author admits that diplomacy and terrorism are interconnected. In other words, whenever terrorism springs to action, global diplomatic activity picks up the pace as well. To elaborate this interconnection, the author will first look into the definition of diplomacy and then will proceed to analyze what it takes for Kurdish local extremist forces to be labelled as "terrorist groups" and thus draw the world's attention to their activity and create international coalitions against them.

H.M. Virupakshiah defines diplomacy as rational compromise sought by actors in the world community achieved through discussion of differences and challenges, rather than conflict. "Diplomacy", thus, seems to be a "principle known to, and practiced by all human societies in modern states" [18. P. 29—30].

Diplomacy functions through a 'labyrinth' of foreign officers, consulates, embassies, and special missions all around the world. It is bilateral and multilateral in character:

the bilateral nature was very prominent in traditional diplomacy. In modern days, its multilateral aspects have rapidly grown as a result of the increasing importance of international organizations, regional arrangements and collective security measures. “It may embrace a multitude of interests, from the simplest matter of detail in the relations between two states to vital issues of terrorism and war”. When the danger of war or a major crisis becomes real, nations create alliances or seek to isolate a potential victim of attack through diplomacy [18. P. 29—30].

After the events of 9/11, the level of vulnerability in the world community had reached its peak. As terrorist groups realized the “opportunities which lay beyond their own national boundaries, the scope of their operations expanded and, as circumstances demanded, many formed loose cooperative alliances with other terrorist organizations and sympathetic states” [16. P. 23].

Contemporary terrorist groups have changed their tactics and moved beyond traditional local partisan attacks. New methods employed by modern-day terrorists present a serious threat to all states, communities, groups, and individuals around the world. A single state cannot cope with the global terrorist threat independently; therefore, the necessity for different international actors (including state and non-state actors) to unite is obvious. Consequently, the function of diplomacy becomes more crucial than ever. When it comes to relations between state and non-state actors, we have to turn to the term “paradiplomacy” rather than “diplomacy”. Traditionally, diplomatic liaisons occurred only between sovereign states; nowadays, however, relations on the international arena have expanded beyond central governments: interactions are happening between state and non-state actors, on regional and even individual levels. Duchachek, cited by Herish Khali Mohammed [10. P. 67] clarifies that para-diplomacy comes to existence as a result of “decentralization of power and increase of jurisdictional autonomy in domestic affairs; regional governments are also involved in foreign policy via establishing contacts with foreign partners at governmental and non-governmental levels”. Paradiplomacy generally refers to three domains: economic, cultural and political. In this article, we will focus on the security field (more specifically, anti-terrorist efforts) in the political domain.

The former United Nations Secretary General, Kofi Annan openly backed up the idea of paradiplomacy in the context of the global fight against terrorism and encouraged global cooperation between state and non-state actors. In his article, “World Inclusivity” published on 4 October 2002, he talks about “new insecurity” and concludes that “peace, tolerance, mutual respect, human rights, the rule of law and the global economy are all among the casualties of the terrorists’ acts”. He makes a strong argument saying that “we cannot continue to exclude the poor, the disenfranchised or those who are denied basic rights to liberty and self-determination. Or that if we do, we cannot at the same time hope to secure lasting peace and prosperity”.

Today, with every state, organization or human in the world being under the growing threat of terrorism, the global community is compelled to become proactive and take urgent measures. The more powerful world actors are forced to turn to smaller state and non-state actors for assistance. In this connection, the international community’s

interest has been drawn to the Kurdistan Region Government of Iraq, whose role as a non-state actor has grown stronger, favoring the development of its paradiplomacy.

To shed light on the practice of paradiplomacy of the KRI as a federal region, we need to look into the history of terrorism and terrorist activities on the territory of Iraqi Kurdistan. Analyzing the origin of terrorism in the region will help us get a better understanding of why global actors need to create international coalitions and fight terrorism through diplomatic effort, what success KRG diplomatic endeavors have reaped, and how non-state actors establish paradiplomatic relations with world governments.

THE ORIGIN OF TERRORISM IN KURDISTAN

The history of terrorism in Kurdistan goes back to the late 1980s — early 1990s. After the Iraqi government withdrew its troops in three provinces in northern Iraq, Kurdish forces took power in the region in October 1991, with a number of insurgent groups operating in the area. One of the most influential political parties was the Islamic Movement in Kurdistan (IMK).

The IMK, founded in 1987, represented political forces of Islam in Iraqi Kurdistan and was comprised entirely of Sunni Muslims. The IMK combined several factions, some of whose combatants had had experience fighting Islamic groups in Afghanistan in the 1980s. The IMK was believed to be the third most important political and military organization in the Kurdistan region between 1990 and 1997. After the parliamentary election in 1992, the Islamic Movement of Kurdistan tried to stay away from participation in the Kurdish administration, focusing instead on developing and strengthening a separate administrative, political and military infrastructure in areas under its control [6].

In 1997, the IMK split over a power struggle, as well as policy differences. Some smaller groups within the IMK, which advocated a more radical and ultra-orthodox Islamic ideology, also broke away from the movement at different times. Of these groups, the most important militaristic factions were the *Soran Forces*, *Tawhid and Hamas*. These smaller separatist groups eventually merged together. On September 1, 2001, they announced the formation of *Jund al-Islam* (Soldiers of Islam). In December 2001, the group changed its name to *Ansar al-Islam (AAI)* (Supporters of Islam) and declared *jihād* (holy war) against secular and other political parties in Kurdistan because the group did not accept Kurdish political administration and authority. AAI was financially and militarily sponsored by al-Qaeda and the Iran and Saudi Arabian Wahhabi movement. Najmuddin Faraj Ahmad (Mala Fateh Krekar), a longstanding member of the IMK, became the leader (Emir) of Ansar al-Islam [13. P. 6]. However, as a result of growing anti-terrorist pressure and changes in the political environment following 9/11, the Patriotic Union of Kurdistan (PUK) soldiers (*peshmerga*), backed by the US Special Forces, carried out a large-scale military operation against AAI. On March 29, 2003, they neutralized and disarmed hundreds of AAI militants. According to the CIA report cited in Rubin [13. P. 17], more than 300—350 Ansar survivors fled to Iran. Some eye witnesses we interviewed in the course of our research testify that remaining AAI members

settled in two areas: some are still remaining in Iran, called ‘ sleeper cells ’ by the witnesses, while others joined Al-Qaida and the Islamic State in Iraq and Levant (ISIL), formed in 2014. During its rise, ISIL was able to capture large areas of the Kurdistan region, which created a favorable environment for former AAI members and prompted them to join ISIL.

WHY THE KURDISH IN THE SOUTH OF GREATER KURDISTAN LABELED ANSAR AL-ISLAM (AAI) A TERRORIST GROUP

In this section, we will turn to criteria that make a political organization a terrorist group and conclude if AAI can be counted as one. We will also look into what paradigmatic steps the KRG took to handle Ansar Al-Islam with international assistance.

There has been an intense academic discussion regarding the definition of terrorism; there is no consensus in political literature as to who is labeled a ‘ terrorist ’ and when a political faction acquires the status of a terrorist group. The absence of unanimity on this matter leads to a lot of confusion in political science.

To avoid perplexity, we will allude to the most popular definition of terrorism, suggested by Schmid and Jongman [7. P. 104]: “ Terrorism is an anxiety-inspiring method of repeated violent action, employed by (semi-) clandestine individuals, group or state actors, for idiosyncratic, criminal or political reasons, whereby... the direct targets of violence are not the main targets ”. Victims of violence are chosen randomly or selectively from population to deliver a message. “ Threat- and violence-based communication process between terrorist (organization), (imperiled) victims, and main targets are used to manipulate the main target (audience(s)), turning it into a target of terror, a target of demands, or a target of attention, depending on whether intimidation, coercion or propaganda is primarily sought ” [7. P. 104].

Following this definition, we are going to look at how the threat posed by the AAI is related to terrorism. The US high commissioner in Iraq, Paul Bremer III, mentioned that there were “ quite a number of these Ansar al-Islam professional killers on the loose in the country ”, and their primary objective was attacking secular political parties in the Kurdistan Region [15. P. 41]. Thus, targeting and assassinating high profile politicians and government officials, the AAI was initially using the orthodox terrorist methods. Among the AAI victims were Franso Hariri, former governor of Erbil and head of the Kurdistan Democratic Party, who was assassinated on February 18, 2001, and Shawkat Haji Moshir, one of the senior PUK commanders. In June 2002, AAI bombed a restaurant, injuring scores and killing a child. A number of gruesome images of the AAI victims — with slit throats, and some entirely decapitated — were posted on the Internet.

Furthermore, in September 2002, within the framework of their missions in Iraqi Kurdistan, the Human Rights Watch released a survey report on human rights abuses committed by the AAI on the territory of KRI. The report explained that the AAI was accountable for arbitrary captures of large numbers of Kurdish civilians, prolonged and illegal imprisonment, torture and maltreatment of detainees, and murdering soldiers after their surrender [6].

The aforementioned traditional terrorist practices and the multiple instances of human rights abuse allow us to further refer to the AAI as a terrorist group. The AAI

introduced a number of policies restricting personal freedom: mandatory beards for men, certain clothing and hair styles, obligatory closure of offices and businesses during prayer time and enforced attendance of the mosque. Women were obligated to wear the traditional hijab (*Abaya*) and veil in public. Anyone disobeying these decrees would receive punishment. Some of the AAI penalties were barbaric: in particular, amputation, flogging and stoning to death were introduced for offenses such as theft, consumption of alcohol and adultery.

Besides violation of personal human rights, the AAI was engaged into praxis that presented a threat for whole communities. The Ansar Al Islam declared a crackdown on religious practices it considered polytheistic. On September 4, 2001, the AAI's forces entered three villages whose inhabitants — an estimated 450 families — were a minority religious sect named *Ahl al Haq* (known locally as *Kaka'is*), their beliefs a combination of Zoroastrianism and Shi'ism. The families were gathered together, ordered to abandon their faith and adhere strictly to the AAI decrees. Those who refused were told they would be made to pay a “religious tax” imposed on all non-Muslims, as well as risk having their property seized. On September 23, 2001 representatives of Ansar al-Islam told the inhabitants that they had three choices: to adhere to the group's school of Islam, pay fines in lieu, or leave the area. According to Human Right Watch report in 2002, all the inhabitants of these villages fled their homes and became internally displaced. To deter these people from returning to their homes, the AAI laid mines in the agricultural plots owned by *Kaka'is* villagers.

The group promptly declared *jihad* (holy war) against secular and other political parties in Iraqi Kurdistan deemed to have deviated from the “true path of Islam”. The AAI announced it was seeking to “defend the areas under the influence of the Muslims from interference and control by the secularists”, and that among its goals was “the propagation of virtue and the prevention of vice” (*al-amr bil ma'ruf wal nahiy 'an al-munkar*), as well as ensuring the application of Shari'a and undertaking “the religious duty of jihad against the secularist apostates”.

Unless one fully complies with the AAI decrees, they immediately become a target. Inhabitants of Biyara, Tawela and the surrounding region gave Human Rights Watch testimony that they were imprisoned, tortured and fined because of their political ideology and beliefs. Some of the AAI victims were accused of violating the Islamic codes imposed by the Ansar and detained due to their alleged affiliation with the PUK.

The precedents described above are but a few examples of the AAI's detrimental impact on community and humanity. As was acknowledged by the witnesses, the threats posed by the Ansar al Islam and their actions can be explicitly classified under the definition of terrorism.

DIRECT CONNECTION BETWEEN LOCAL AND INTERNATIONAL TERRORIST GROUPS

International terrorist organization Al-Qaida openly started operating in Iraq after 2003, and its activities galvanized after the US invasion in the country. Al-Qaida's influence in Kurdistan took off when its leaders were able to draw the attention of former AAI members and those who had strong sympathy for extremism. The political

instability in the region served as a breeding ground for the unprecedented spread of terrorism in the area. The connection between Al Qaida and Ansar Al-Islam was further fortified by the AAI's strong affiliation with Mossab Zarqawi, the leader of Al-Qaida in Iraq. In particular, following the 2001 US airstrike in Afghanistan, Zarqawi led his followers out of Afghanistan to Iran and then to the Middle East, choosing Kurdistan as their main hide-out [3].

According to the 2013 IHS Markit report, “In a presentation to the United Nations Security Council in February, US Secretary of State Colin Powell claimed that Ansar al-Islam was connected with both the Baghdad regime (Saddam regime) and Al-Qaeda”¹.

Shortly after the US invasion of Iraq, Al-Qaida commenced its brutal insurgencies targeting thousands of innocent civilians in Iraq (including Kurdistan Region). According to the data presented by *Iraq body count* in January 2012, casualties in Iraq between 2003 and 2011 reached 119,735 individuals. Figure 1 illustrates the statistics.

After Zarqawi's death, there was great deal of confusion about Al-Qaida leadership structure; the situation worsened after both Abu Hamza and Abu Omar were terminated on April 18, 2010 as a result of a counterterrorist operation in Iraq. “Once again, the group was quick to name successor: Abu Bakr al Husayni al Qurashi al Baghdadi replaced Abu Omar as the nominal emir of Islamic State of Iraq (ISI)”². These events lead to the formation of the contemporary terrorist organization Islamic State of Iraq and the Levant (ISIL) in June 2014.

If we compare the ISIL to its predecessors, it definitely appears to be more powerful and formidable, as it has more territories to exercise its strategy and policies. Furthermore, the ISIL comes across as far more capable of securing the territories under its authority. The situation is compounded by the ISIL's possession of heavy weapons, including anti-aircraft weapons and large caliber sniper rifles. The ISIL's members continue to equip, train and recruit highly motivated volunteers, and indoctrinate them against any groups and individuals who do not comply with the ISIL's interpretation of sharia law.

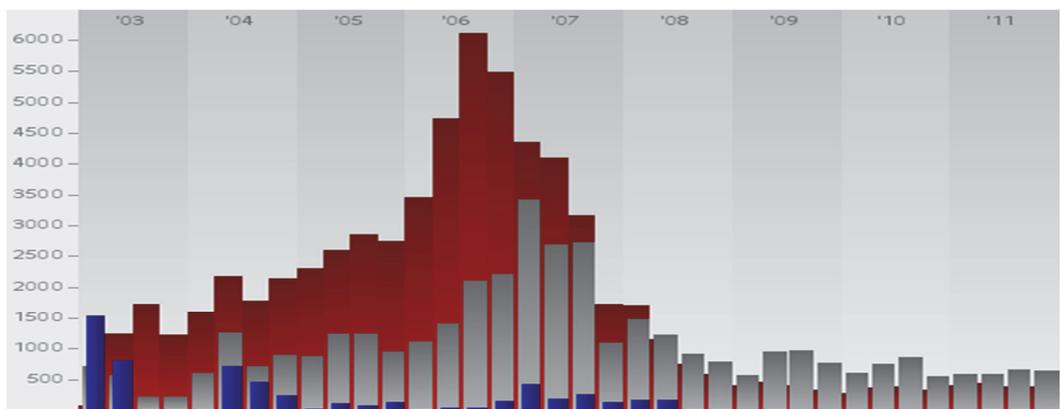

Fig. 1. Civilians killed by Gunfire Explosives Air attacks 2003—2011 by quarter

Source: [7].

¹ IHS Markit Report 2013. P. 5.

² CSIS 2011. P. 5.

The territory of the ISIL's influence is not restricted to Iraq and its Kurdistan region; the ISIL has been widely practicing its activities around the globe. According to the CNN (2018), "Since declaring its caliphate in June 2014, the self-proclaimed Islamic State has conducted or inspired more than 140 terrorist attacks in 29 countries other than Iraq and Syria, where its carnage has taken a much deadlier toll".

FINDINGS AND REFLECTIONS WORLD DIPLOMACY AGAINST TERRORISM

As was pointed out in the previous section, the threat of terrorism is not limited to one specific community — it has become international. With the emergence of the terrorist movement in the Kurdistan Region of Iraq in the 1990s, the global terrorist threat has snowballed. However, due to the isolation of the Kurdistan government from the world community, the KRG had to stand against the AAI alone (the UNSC resolution No. 661 imposed sanctions on the state of Iraq, including the Kurdistan region, from 1990 to 2003). Fighting terrorism solo was an impossible task for the KRG. This situation went on until 9/11, when the USA declared global war on terror, which meant launching anti-terrorist operations anywhere in the world, from Afghanistan against Al-Qaida and Taliban to Kurdistan against Ansar Al-Islam (March 29, 2003). Washington was well aware that in order to implement this plan they will need assistance of the local authorities. On November 21, 2002, the U.S. Department of State declared: "Military force alone will not suffice; indeed, for many phases of this long conflict, military power alone will not be the most important element of our campaign. We must also fight terror with every diplomatic, economic, law enforcement, and intelligence weapon we have in our arsenal".

As we have mentioned before, the connections and affiliations among terrorist groups around the world are very strong; therefore, a comprehensive and coordinated effort of the international community should be made to break the back of such global giants as Al-Qaida. In light of this, the USA called upon nations to unite and forge coalitions to fight the terrorist menace. There has been a very eager and positive response from the international community, and as the U.S. Department of State declared in 2002, "We [US-led anti-terrorist coalition] have enjoyed resounding diplomatic success in various multilateral forums". "The war being waged on the financial front is also showing impressive results. So far, over 160 countries have joined us in blocking \$113 million in terrorist assets". The US has been establishing diplomatic relations not only with sovereign governments but regional actors as well. In this regard, the Kurdistan Region Government played a significant role [17].

When the AAI initially launched their terrorist activities in the KRI, the Kurdish leadership tried to draw the world's attention to the AAI's real nature by means of paradiplomatic efforts. As a result, they were able bring the AAI case to the United Nations Security Council, and the US Secretary of State Colin Powell identified the AAI as a 'brutal terrorist group'. In his report, Colin Powell also mentioned that the Iraqi regime has a "training camp, specializing in the production and use of poisons, in territory controlled by Ansar al-Islam".

During the US-led invasion in Iraq in September 2003, Kurdish local forces fought alongside US troops against Hussein's government. As a result, Ansar Al-Islam was eradicated and, in the period between 2003 and 2014, the Kurdistan region appeared to be the safest area in Iraq.

In 2005, the two main Kurdish adversaries, the KDP and the PUK started cooperating, and a regional Kurdish parliament was formed. In September 2006, as a result of systematic efforts and in accordance with the Region's legislation and the Constitution of the Republic of Iraq, the KRG established its own diplomatic office — Department of Foreign Relations, headed by Falah Mustafa Bakir. One of its primary objectives was to promote and boost the KRG's paradiplomatic relations with the international community.

With the emergence of the Islamic State group (IS) from the ashes of Iraq's al-Qaeda branch in June 2014, a second wave of terroristic activities in the region began. The Kurdistan leadership was able to put up resistance and prevent the IS from reaching the Kurdistan territory. In this regard, the former KRI president Masoud Barzani and the Kurdistan Foreign Relations office played a great role.

The IS activities were very rapidly spreading in the area, threatening to reach the KRI capital city Erbil. As was mentioned by the Pentagon [12], when it was brought to Barack Obama's knowledge that the Islamic militants were advancing towards Erbil, the US former president authorized airstrikes in Iraq on August 08, 2014. According to Kurdistan local news sources, the US military operation was launched after a phone conversation between Masoud Barzani and Barack Obama. The US Deputy National Security Adviser for Strategic Communications, Ben Rhodes, explained the necessity of US intervention, describing Washington's initial action as a "necessary step to protect its joint operation center in Erbil, which is being used to co-ordinate defenses with Peshmerga fighters (Kurdish fighters)" [12].

After Washington's positive response to the Kurdish leaders' plea to send in troops, the door to international assistance for the KRG was opened. The US issued Combined Joint Task Force Operation Inherent Resolve, and numerous world states announced their participation in this coalition agreeing to provide their assistance to Iraq and Kurdistan. The following countries consented to train Iraqi and Peshmerga forces: Australia, Canada, Belgium, Denmark, France, Germany, Italy, the Netherlands, New Zealand, Norway, Slovenia, Spain, the United Kingdom, and the United States. Outside of this coalition, a few other countries expressed their willingness to provide assistance to the KRG. When the ISIS fighters approached Erbil, the first country to provide its support and weapons to Kurdish forces was Iran [11]. In August 2014, the US-led international military coalition formed an operations room in Erbil consisting of representatives from Iraq's government, the KRG and eight other countries including the US, UK, France, Germany, Italy, and Canada [1].

As for recent financial support, "In May, the US House of Representatives passed the massive National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2019, which includes \$290 million for the Kurdish Peshmerga" [8].

Meanwhile, outside of the US-led coalition, Russia has been providing substantial military and logistics support to the Peshmerga forces. According the Rudaw website, the Russian military assistance included 'five anti-aircraft autocannons and 20,000 shells' [14].

The international support for the KRG in its fight against ISIS has been a great opportunity for the development of Iraqi Kurdistan's paradiplomatic relations with the world. The IS intervention on the Kurdish territory triggered an increased international interest in the region, which was followed by numerous visits of state leaders, foreign ministers, ministers of defense and international delegations in Kurdistan. Global leaders showed their eagerness to continue developing their diplomatic relations with the KRG. There have been two visits by President of France in 2014 and 2017, one visit by Italian prime minister in 2014, three visits by General Secretary of the United Nations in 2014, 2016, and 2017, one visit by the Head of the International Red Cross in 2015, a visit by the President of Senate (Italy) in 2015, and a visit by the Swedish Prime Minister in 2016. Among other top-ranking officials paying a visit to the KRG were ministers from the USA, UK, Canada, Belgium, Austria, Czech Republic, Hungary, Norway, Japan and other countries.

Alternatively, the former president of the Kurdistan Region Masoud Barzani was welcomed by the Turkish president in 2014, 2015 and 2017, by the Pope of the Vatican in 2014, by the President of Austria in 2015, and by the President of France in 2015 and 2016. Barzani visited Hungary and Saudi Arabia in 2015, the European Parliament in 2017, Belgium in 2017. He also participated in the World Economic Forum, where he met with the King of Jordan, German Chancellor Angela Merkel, the President of Azerbaijan, US Vice President Joe Biden, the Prime Minister of the Netherlands, the Croatian and Macedonian presidents, the Prime Minister of Lebanon, as well as others.

FUTURE DIPLOMACY

The increase in the paradiplomatic activity of Iraqi Kurdistan Region occurred due to a direct terrorist threat. On December 9, 2017, the former Iraqi Prime Minister Haider Al-Abadi announced the 'end of war against IS' in Iraq. Here, the question arises: Is the KRG paradiplomacy going to come to an end with the extermination of terrorism in the area?

In regard to this question, we would like to offer some of our contemplations. Firstly, it is very unlikely that war on terror is ever going to end. If we look back at the history of terrorism, we can find some convincing evidence that it is impossible to eradicate terrorism as a phenomenon by weakening or eliminating a single extremist group. History demonstrates that it is feasible to debilitate and terminate one radical group, but, eventually, new groups will emerge and succeed, reiterating the ideology and methods of their predecessors. Secondly, although ISIS has mostly been neutralized in the territory of Iraq, the group is still active on the border with Syria. If given the opportunity, they will return to Iraq and the Kurdistan region in short order. Thirdly, after three years of systematically promoting their dogma, the Islamic State has planted the seed of radical ideology in the minds of the region's younger generation. Therefore, the probability of an IS resurgence in the area is very high. Lastly, terrorist groups around the world have a well-established network: logistic collaboration and member exchange is quite common, as could be seen in the case with the AAI in Kurdistan and Al-Qaida in Afghanistan.

The world actors are well aware of the dormant potential of world terrorism and it is in their best interests to continue diplomatic collaboration with both state and non-state actors. As it was proven in the case with Iraqi Kurdistan, regional assistance can be of crucial significance. On the other hand, the Kurdistan Region Government should further improve its diplomatic institutions to pursue its own body of foreign relations objectives and obtain stronger leverage in the international community.

CONCLUSION

In contemporary world politics, terrorism and diplomacy are greatly interrelated. In particular, with the growing threat of terrorism, the major world actors need to unite to successfully repel aggression. Traditionally, diplomatic relations were developing only among sovereign states. Recently, the importance of regional and non-state actors in global diplomacy is ramping up. One of the reasons for their growing significance is their crucial role in fighting terrorist organizations on their territories. To talk about international relations conducted by subnational or regional governments we use the term ‘paradiplomacy’. With the IS onslaught, the Kurdish leadership was able to get the attention of the world states, who sent troops to fight alongside with the Peshmerga. Thus, the KRG has been developing its paradiplomatic relations with the international community, which are bound to continue, as different actors around the world realize that terminating one extremist group does not guarantee the end of terrorism as a global phenomenon.

REFERENCES

- [1] Al-Salhy S. Our priority is to arm the Peshmerga. *Aljazeera*. 28.10.2014. Available from: <https://www.aljazeera.com/news/middleeast/2014/10/priority-arm-peshmerga-20141027764994436.html>. Accessed: 01.11.2018.
- [2] *Department of Foreign Relations — Kurdistan Regional Government. The Kurdistan Regional Government Department of Foreign Relations*. 8.11.2018. Available from: <http://dfr.gov.krd/p/p.aspx?p=25&l=12&s=010000&r=332>. Accessed: 01.11.2018.
- [3] Gregory K. Ansar al-Islam (Iraq, Islamists/Kurdish Separatists), Ansar al-Sunnah. *Council of Foreign Relations*. 05.11.2008. Available from: <https://www.cfr.org/backgrounder/ansar-al-islam-iraq-islamistkurdish-separatists-ansar-al-sunnah>. Accessed: 01.11.2018.
- [4] Hawrami, Hemin. Dynamics in Iraqi Kurdistan. *Middle East Institute: Providing non-partisan, expert information and analysis on Middle East*. 08.07.2015. Available from <http://www.mei.edu/events/dynamics-iraqi-kurdistan>. Accessed: 01.11.2018.
- [5] *Human Rights Watch. Ansar al Aslam in Iraqi Kurdistan*. September, 2002. Available from: <https://www.hrw.org/legacy/backgrounder/mena/ansarbk020503.htm>. Accessed: 01.11.2018.
- [6] *Human Rights Watch. Ansar al-Islam in Iraqi Kurdistan*. 05.02.2003. Available from: <http://www.hrw.org/backgrounder/mena/ansarbk020503.htm>. Accessed: 01.11.2018.
- [7] Iraqi Death from Violence 2003—2011. *Iraq Body Count*. 02.01.2012. Available from: <https://www.iraqbodycount.org/analysis/numbers/2011/>. Accessed: 01.11.2018.
- [8] Kurdpress: US Provides Peshmerga with Money for 2018 and 2019: Official. *Kurdpress*. 01.08.2018. Available from: <http://www.kurdpress.com/en/details.aspx?id=11403>. Accessed: 01.11.2018.
- [9] Lister T., Sanchez R., Bixler M., O'Key S., Hogenmiller M., Tawfeeq M. ISIS Goes Global: 143 Attacks in 29 Countries have Killed 2,043. *CNN*. 12.02.2018. Available from: <https://edition.cnn.com/2015/12/17/world/mapping-isis-attacks-around-the-world/index.html>. Accessed: 01.11.2018.

- [10] Mohammed H.Kh., Owtram F. Paradiplomacy of Regional Governments in International Relations: The Foreign Relations of the Kurdistan Regional Government (2003—2010). *Iran and the Caucasus*. 2014; 18: 65—84. Available from: <http://www.soran.edu.iq/images/fof/staff/Hersh-Khalil/Herish-Kh-Mohammed-Research.pdf>. Accessed: 01.11.2018.
- [11] KRG President Thanks Iran for Helping Kurds in Fights against ISIL. *Press TV*. 26.08.2014. Available from: <https://www.youtube.com/watch?v=GgwypNRmRqQ>. Accessed: 01.11.2018.
- [12] Roberts D., Ackerman S. US Begins Air Strikes against Isis Targets in Iraq, Pentagon Says. *The Guardian*. 08.08.2014. Available from: <https://www.theguardian.com/world/2014/aug/08/us-begins-air-strikes-iraq-isis>. Accessed: 01.11.2018.
- [13] Rubin M. Ansar al-Sunna: Iraq's New Terrorist Threat. *Middle East Intelligence Bulletin*, 2004: 17—22. Accessed: 01.11.2018.
- [14] Russia to Support Peshmerga in the Battle for Mosul. *Rudaw*. 15.07.2016. Available from: <http://www.rudaw.net/english/kurdistan/150720164>. Accessed: 01.11.2018.
- [15] Schanzer J. Ansar al-Islam: Back in Iraq. *Middle East Quarterly*. 2004; 11; 1: 1—9.
- [16] Selth A. *Against Every Human Law: The terrorist Threat to Diplomacy [dissertation]*. The Australian National University; 1985.
- [17] Taylor F.X. *The Global War Against Terror: The Challenge of Diplomacy*. U.S. Department of State, 21.11.2002. Available from: <https://2001-2009.state.gov/m/ds/rls/rm/19650.htm>. Accessed: 01.11.2018.
- [18] Virupakshiah H.M. *Terrorism Challenge Diplomacy*. New Delhi; 2009. Available from: https://books.google.iq/books?hl=en&lr=&id=EktKAZkHRSoc&oi=fnd&pg=PA13&dq=terrorism+and+diplomacy&ots=6nZVpdHEkd&sig=FwYfe_BDpBzbCeMThhKox6tK63c&redir_esc=y#v=onepage&q=terrorism%20and%20diplomacy&f=false. Accessed: 01.11.2018.
- [19] World Bank Group. *The Kurdistan Region of Iraq: Assessing the Economic and Social Impact of the Syrian Conflict and ISIS*. 12.02.2015. 94032.

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-1-43-55

ДИПЛОМАТИЯ ИРАКСКОГО КУРДИСТАНА В ПЕРИОД ТЕРРОРИЗМА

Дж.Х. Далсуз

Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет имени Н.И. Лобачевского
просп. Гагарина, 23, Нижний Новгород, Россия, 603950

В данной работе изучается влияние терроризма на парадипломатию Иракского Курдистана в течение последних двух десятилетий. Автором анализируются современные формы дипломатии, включающие значительную роль негосударственных субъектов. В связи с этим правительство Иракского Курдистана в качестве негосударственного субъекта успешно использовало угрозу терроризма в качестве важного инструмента привлечения внимания мирового сообщества и установило широкие парадипломатические отношения с политическими акторами во всем мире. В свою очередь, мы находим убедительные доказательства того, что правительство Курдистанского региона должно и далее укреплять свою способность поддерживать отношения с мировым сообществом. Данные выводы автора согласуются с идеей о том, что угроза терроризма никогда не исчезнет, и поэтому государствам становится сложнее игнорировать фактическую и потенциальную роль негосударственных субъектов.

Ключевые слова: Региональное правительство Курдистана, терроризм, дипломатия, парадипломатия, Ансар аль-Ислам, Пешмерга

Информация об авторе:

Далсуз Джалал Хуссейн — аспирант кафедры истории и теории международных отношений Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского (ORCID ID: 0000-0001-5002-9221) (e-mail: dlsoz84@hotmail.com).

Information about the author:

Dalsooz Jalal Hussein — PhD Student of the Department of History and Theory of International Relations, N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0001-5002-9221) (e-mail: dlsoz84@hotmail.com).

Статья поступила в редакцию 09.11.2018.

Received 09.11.2018.

© Далсуз Дж.Х., 2019.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-1-56-65

CHINA'S INVOLVEMENT IN THE SYRIAN CRISIS AND THE IMPLICATIONS OF ITS NEUTRAL STANCE IN THE WAR

M. Zreik

Central China Normal University

No. 152, Luoyu Road, 430079, Wuhan, Hubei, People's Republic of China

Abstract. China today is a powerful state and an influential player in the global arena, as was demonstrated during the Syrian crisis, when China took a counterposition to the United States' stance in Syria and supported the Assad regime. Beijing put a veto on the international resolutions related to the Syrian crisis and abstained from voting, as it did in the past when dealing with the crises in the region. In a move that marked a new page in China's foreign policy, Beijing backed what was known as the six-point plan, calling for a ceasefire and settlement of the crisis through internal dialogue and proclaiming the inviolability of Syrian national sovereignty. In a subsequent move, China sent its envoy Li Huaqing (former Chinese ambassador to Syria) to Damascus to encourage the initiation of a dialogue between government forces and opposition. Following that, China sent Assistant Foreign Minister Zhang Ming (who had previously visited Egypt, Saudi Arabia and France) to the region to discuss ways of approaching the Syrian crisis. For the first time in its modern history, China renounced its policy of non-interference in crises outside its direct interests and immediate geopolitical space. The following paper will focus on China's stance in the Syrian crisis (supporting its peaceful settlement and keeping equal distance from all the parties in the conflict) and the future of Sino-Syrian relations based on the common history of the two countries.

Key words: China, Syria, Syrian Crisis, Chinese foreign policy, Middle East

INTRODUCTION

The Syrian Civil War, which started on Friday, March 15, 2011, is one of the most brutal multi-sided contemporary armed conflicts. It started with demonstrations against the Syrian regime and demands for more freedom and the end of corruption, but shortly escalated into a civil war involving multiple global actors. Numerous internationally supported terrorist groups, mostly composed of non-Syrian militants, began their attacks against the Assad regime, which led to the intervention of the Syrian government's allies, including Russia, China and Iran.

China, following the policy of non-intervention in other countries' internal affairs¹, supported the Syrian regime politically (using the veto power) and, whenever necessary,

¹ *Principles of China's Foreign Policy*. Asia for Educators; Columbia University; 2009.

rendered humanitarian and economic assistance. Unlike Russia, China abided by non-violent methods and had no direct military involvement in the Syrian war. From the beginning, Beijing has been a proponent of peace and a supporter of bloodless settlement of the Syrian crisis. Chinese government has welcomed several Syrian delegations in order to initiate a negotiation process between the Assad regime and their opposition, and to work on a strategy to stop the conflict.

Owing to its conciliatory position in the Syrian crisis, China has proven that power and diplomacy can be successfully combined to secure the nation's influence in the international arena. The evidence of Beijing's diplomatic strength is the fact that China is one of the few countries that have been conducting a dialogue with both the Assad regime and the opposition. Being an ally of the Syrian regime and saying "no" to military intervention, China ensured its diplomatic success and a prospect of developing friendly relations with Syria in the future.

The following work presents an overview of the Sino-Syrian diplomatic, economic, cultural and political relations throughout history and addresses the issue of China's role in the Syrian crisis, in particular, how through diplomatic efforts, Beijing managed to participate in conflict settlement without making enemies with any of the parties involved. China's diplomatic approach in dealing with conflicting international interests while maintaining their alliances indicates the wisdom of the incumbent Chinese leadership. The article focuses on future relations between the two countries following the Syrian crisis. As a result of his analysis, the author comes to the conclusion that China is highly unlikely to leave Syria without support, as taking Syrian side in the conflict strengthens its ties with the country that presents strategic value for the Chinese government.

Reports from Chinese officials show that China is not prepared to abandon its strategic ally (Syria) because it may harm its economic and political interests. Syria's geographical location at the crossroads of East and West has a special value for the Chinese "One Belt, One Road" initiative. China directly benefits from reestablishing diplomatic rapport with Syria, while Syrian officials welcome Chinese involvement.

I. HISTORY OF SINO-SYRIAN RELATIONS

China—Syria relations go back to ancient times; modern relations between Syria and China, however, were not officially established until 1956, when the two countries signed the Trade Payment Agreement [7. P. 89]. Syria was the second Arab country after Egypt to establish diplomatic rapport with China. It is noteworthy that Syria was one of the countries supporting a draft resolution to restore China's seat in the United Nations during the 26th General Assembly.

Syria was part of the ancient Chinese Silk Road, greatly contributing to strong Chinese presence in the Middle East. In October 1957, Chen Zhi Fang, the first Chinese ambassador to Damascus, arrived in Syria; a month later, the Syrian Embassy in Beijing began diplomatic missions. In June 1965, Chinese Premier Wen Jiabao visited Damascus and held talks with the Syrian president. Later that year in September, Vice Premier and Foreign Minister of China Chen Yi visited Syria [9. P. 35—40].

The relationship between the Chinese Communist Party and the Syrian Ba'ath Party dates back to March 1986; since then the two parties have been able to maintain

a rapport. In May 1991, the Chinese-Syrian Friendship Association was established in Damascus. In May 1999, the Friendship Association was founded between the Syrian Parliament and the Chinese People's Political Consultative Conference (CPPCC). In late October 2003, a Communist Party of China (CPC) delegation, headed by Wu Zhuanqing, member of the Standing Committee of the Political Bureau of the CPC Central Committee, visited the Secretary of the Central Inspection and Inspection Committee in Syria; as a result of the meeting, the two parties reached an agreement for the years 2004—2006. The meeting was followed by two more visits: a CPPCC delegation, led by Vice President Lee Ming, and one under the chairmanship of Huang Chidong, member of the CPC Central Committee and Secretary of the Chongqing Municipal Party Committee. As the Arab-Israeli conflict unfolded, China sided with the Arabs, regarding Israel as a Western tool in the Middle East [12. P. 25—27]. China also offered to supply Syria with nuclear weapons to help it regain its occupied territories, and mobilized 10,000 troops to support the Palestinian people and the Arabs. China opposed the Iraqi attack on Kuwait and concurred with the Syrians on the need for a peaceful solution in accordance with the Arab joint decision.

Top-level Syrian officials holding numerous meetings with the CPC representatives included: Assistant Secretary-General of the Ba'ath Party, Abdullah Al-Ahmar (May 1998), Deputy President of Syria and Vice-President of the Progressive National Front, Muhammad Zuhair Masharaqah (December 1998), Deputy Prime Minister Mohammad Najj Otari (2000) (April 2001), Vice President Abdel Halim Khaddam (May 2001), President Bashar al-Assad (June 2004), and Deputy Secretary-General of the Ba'ath Party, Abdullah al-Ahmar (September 2004). On the Chinese side, the negotiators were: Vice Premier Wu Bangguo (May 1996), Vice Premier and Minister of Foreign Affairs, Qian Qichen (December 1997), Chairman of the National Committee of the National People's Congress, Li Peng (April 1999), Chairman of the Military Committee of the CPC Central Committee, State Councilor and Minister of National Defense, Chi Haotian (October 1999), Vice President Hu Jintao (January 2001), Foreign Minister Tang Jiaxuan (December 2001), and Foreign Minister Li Zhaoxing (2005).

Chinese President Hu Jintao visited Damascus in 2001 and in June 2004. Later that year, Bashar al-Assad repaid a visit to China. In the course of the meeting, Hu Jintao outlined the development of China—Syria relations in three major directions. The first direction included promoting political exchanges between the two countries, involving high-level officials, parliament representatives and members of major parties. The presidents agreed to strengthen consultation and coordination between the two countries' government agencies on important international issues. The second direction of China—Syria bilateral relationship involved expanding the countries' economic and trade ties. The two sides consented to bolster trade in basic amenities, textiles and household electrical appliances, enhance cooperation in the fields of agriculture, science, technology, petroleum, and communications, as well as explore new areas of partnership. Finally, Jintao and Assad agreed to continue cooperation in the spheres of education, culture, tourism and health. In the course of the negotiations, the two sides spoke about maintaining high level exchanges in all fields and promoting friendship between the two peoples, which laid solid foundations for the evolution of the countries' bilateral relations.

The Syrian president welcomed Jintao's proposals as well as Chinese investments in economic reconstruction of Syria. The package of cooperation agreements signed by the two presidents boosted the Sino-Syrian relations to a new level.

Among agreements promoting trade exchange between the two countries were: the Trade and Payment Agreement (December 1955), the Trade and Economic Cooperation Agreement (February 1963), the Trade Agreement (1972), the Long-Range Trade Agreement (1982) Promotion and Protection of Investment (1996), Agreement on Trade and Economic and Technological Cooperation (2001), Convention on the Prevention of Double Taxation (March 2003). A joint Chinese-Syrian economic and trade commission was established.

On March 18, 1965, the countries signed Cultural Cooperation Agreement. Within its framework, multiple executive programs were implemented, including cooperation in the fields of education, higher education, culture, art, cinema, music, publishing, fine arts and intellectual property rights. The agreement provided for construction of monuments, cultural centers, and libraries, as well as conducting seminars, training courses, scientific conferences, festivals, cultural weeks and holding cinematographic, theatrical and cultural exhibitions. In 1983, the Writers Union of China and the Syrian Writers Union signed an arrangement, as part of which numerous Arabic publications were translated into Chinese and published in China.

II. CHINA'S SUPPORT FOR THE ASSAD REGIME

A long-standing friend of the Syrian government since the rule of the late President Hafez al-Assad, China is the most important current ally of the Assad regime. Historically, Syria reciprocated the support by submitting the draft resolution to restore China's seat in the United Nations during the 26th General Assembly. During the Syrian crisis, China backed the Syrian regime using the right of veto and defending Syrian sovereignty in all international forums. Since March 2017, the Bashar al-Assad government has been on the rise, which was made possible by China's participation in the crisis resolution. While the US is losing its position in the Middle East, China's leverage in the region is growing, thanks in large part to its rapport with Assad and secured by Beijing's participation in the reconstruction of Syrian economy.

The Syrian Civil War has entered the global arena and opportunities arose for international players to consolidate their influence in the region. Standing by the Syrian regime was necessary for China in order to keep Syria in the eastern camp. China's diplomatic efforts were directed towards keeping Syria's territory undivided and preserving the sovereignty of the state, as well as preventing military aggression from the West. Another step towards securing China's position in the Middle East was appointment of a special envoy to Syria (March 29, 2016), a diplomat who had previously served as an ambassador to Iran. Since the beginning of the crisis, China has advocated its peaceful resolution and opposed military intervention. It supported political initiatives and meetings held under the international community's umbrella in Geneva, Vienna and Astana and provided humanitarian and financial assistance to the Syrian government during the war.

China has supported peaceful resolution of the Syrian crisis for several reasons. First of all, as a proponent of “no outside interference”, the Chinese government regarded the incumbent Syrian regime as a better alternative to chaos created by external intervention. At the same time, Beijing never came into conflict with the opposition, but instead supported national reconciliation and dialogue. The most important reason for China’s non-violent stance, however, is the fact that the Uighurs from Chinese province Xinjiang² have joined Syrian separatists groups³, which is totally unacceptable by China’s non-belligerence policy. Another reason is the need for stability in the Middle East in order for China to complete its “One Belt, One Road” initiative.

The reasons behind China teaming up with Russia in its support for the Assad regime and its opposition to the US foreign policy in the Middle East are obvious. However, unlike Russia, China has not gotten involved in the fighting as it doesn’t seek military domination, but instead focuses on economic interests and strives towards a win-win situation. As no ill will between Beijing, Assad and the opposition has been created, China might come out the biggest winner in the situation, establishing a firm foothold in the Middle East.

III. CHINA KEEPS EQUAL DISTANCE FROM ALL THE SIDES OF THE SYRIAN CONFLICT

China’s position regarding the Syrian crisis can be described as “neutral”, because it has always kept an equal distance from all the parties in the conflict in calling for a political resolution that satisfies all sides. In 2016, a delegation representing Syrian opposition visited China and met Chinese Foreign Minister Wang Yi to discuss a way out of the crisis and a fair political solution. The Syrian opposition sees China as an intermediary between itself and the Assad regime, and deems it capable of advancing the reconciliation of the two sides. The fact that China did not support the Assad regime militarily, unlike Russia and Iran, makes them more agreeable for negotiation in the eyes of the Syrian resistance forces.

“I think the Syrian parties should be put on the right track and an effective mechanism should be put in place for a ceasefire and a transition to negotiations,” said Chinese Foreign Ministry spokesperson Hua Shunying. The Secretary-General of the National Coalition for the Forces of the Revolution and Opposition, Yahya Maktabi, alluding to the Geneva I conference, noted that China can contribute to finding a political solution, which stipulates the formation of a full-fledged transitional government authority, and stressed that the coalition distinguishes between the Russian and Chinese positions in the Syrian Civil War. The fact that Beijing has been visited by representatives of both the Syrian government and opposition confirms the importance of China’s neutral stance in resolving the Syrian crisis.

² China has serious security concerns on its northwestern border. Since 1990, radical separatists in Xinjiang have been organizing riots, assassinations, and bombings, claiming that the region is not a part of China and demanding autonomy. The East Turkestan Islamic Movement has sought to establish an Islamic Republic of East Turkestan. According to Chinese official sources, between 1990 and 2001, East Turkestan terrorist groups staged more than 200 attacks in Xinjiang, killing 162 people, including local community leaders and religious personnel.

³ Xinjiang Profile. *BBC News*. 13.08.2013.

China called on the Syrian parties to abide by the UN Security Council Resolution 2254, which proposes a road map for a peace process in Syria, setting out the outlines for UN-sponsored talks and a nationwide ceasefire. China's position is firm and demonstrates Beijing's serious intentions to restore peace in Syria. China has always advocated Syrian people's right to self-determination and showed respect for the sovereignty of the Syrian state.

Calling on the government and the opposition to hold on to their cease-fire commitments, China remains an ally to both. The Chinese envoy to Syria considers China's and Saudi Arabia's views on the crisis to be very much consistent and reiterates that China has assumed a flexible attitude to all parties and is open to suggestions on the peaceful settlement of the crisis. China and Saudi Arabia are actively cooperating on the issue of crisis resolution; meanwhile, China's oil imports from Saudi Arabia keep growing⁴.

We need to elaborate that China did not completely take Assad's or the opposition's side, but adopted a diplomatic approach of keeping an equal distance from both. The neutral status is what distinguishes the Chinese position and secures a promising future for China in the Middle East. What matters most for China is the safety of the Syrian people, therefore, the Chinese have been eagerly providing humanitarian and financial support.

IV. CHINA AS A POLITICAL INTERMEDIARY IN THE SYRIAN CRISIS

Lakhdar Brahimi, a newly appointed peace envoy to Syria, made a four-point proposal to resolve the Syrian crisis. Firstly, the involved parties will cooperate with Brahimi's efforts to overcome the conflict and work together to gradually stop the violence in the region. Secondly, the envoys, with the assistance of the relevant international organizations, will draw up a plan for the political transition in Syria in consultation with the Transitional Council comprised of various parties involved in the conflict. Thirdly, the international community will support Brahimi's efforts to make real progress in the implementation of the Geneva Conference statement [14], the six-point plan suggested by the former Special Envoy Kofi Annan and the Security Council resolutions relevant to the Syrian crisis. Fourthly, Brahimi called upon all parties involved in the Syrian crisis to commit to humanitarian assistance in order to alleviate human suffering in Syria.

Brahimi's four-point initiative was based on philosophical principles adopted by the Chinese government: those of non-violence and 'no outside interference' in national and religious matters. It also relied on the United Nations' canons and international organizations' experience in conflict resolution.

China's recent successful political activity in the Middle East is a result of experience gained by China in negotiations in Afghanistan, Yemen, Iran, and during the Arab-Israeli conflict. Today, because of its clever policy line, China has a strong foothold in the Middle East and acts as an intermediary between conflicting parties in the Syrian crisis.

⁴ China. U.S. Energy Information Administration. 22.04.2013.

Unlike the United States, Russia and France, who launched their military campaigns on the Syrian territory, China has no expansionist aspirations or agendas for their implementation, nor does it get involved in religious matters. It is guided solely by its economic interests while establishing trade ties and friendly relations with different countries around the globe. The Civil War in Syria is a stumbling block on China's way to implementing its economic ambitions, namely 'One Belt, One Road' initiative; so China is working relentlessly to end the Syrian crisis as soon as possible.

China's role as an intermediary and a peace protagonist will strengthen its global influence, earn it a reputation of a peace-loving nation and open new economic perspectives for the republic. While Western ambitions resolve themselves to establishing dominance in the region, Chinese policies are based on long-practiced principles of reciprocal exchange and dialogue.

The problems in the Middle East are an opportunity for China to prove the effectiveness of its diplomacy and boost its political and economic influence. Beijing was able to use the crisis in Syria to serve its interests in the Middle East and might come out as the biggest winner if the crisis is resolved peacefully.

V. CHINA'S FUTURE PARTNERSHIP WITH SYRIA

China's rise on the global stage is impressive: its influence is growing rapidly in both economic and political directions. Having adopted the policy of non-violence, it has the veto power to restrict military endeavors by other global players. When expanding economically, it strives towards mutual benefit; thus, for the Middle East — the main area of China's current interest — bilateral economic partnership may become a way out of the crisis.

With China's President Xi Jinping launching the "Silk Road" initiative, China has become an international economic and political center. This ambitious project covers many parts of the world and runs through Syria, making it a strategically important territory. Therefore, China's interest in peaceful resolution of the Syrian crisis is based, in large part, on its economic objectives. China will invest into economic reconstruction of Syria, and the Syrian government will welcome the investments and allow Chinese infrastructure projects on its territory.

China calls for Syria to be free of chemical weapons and allow a fair investigation if such weapons are found⁵. The inquiry committees should be international and provide strong evidence to support their findings. Having a major strategic interest in Syria, China was one of the first nations to encourage a dialogue between the warring parties. China is concerned with Syria's future and eagerly offers financial help.

China was backing up Syria throughout the crisis, providing financial and humanitarian support [8], as well as political assistance, manifested by the Chinese veto. Now the rapport between the two countries is robust and developing rapidly, and it is inevitable that China will be the main investor in the reconstruction of Syria after the crisis. Criticizing US military support for the Syrian opposition, the PRC urged Syria to restore

⁵ Dorsey J.M. China and the Middle East: Embarking on a Strategic Approach. *RSIS Commentary*. 16.09.2014.

the Golan Heights. Chinese support for the Assad regime increased when the Uighur separatists joined terrorist groups in the Syrian territory.

On February 5, 2015, the Syrian and Chinese parties signed an agreement on the provision of humanitarian assistance in the framework of the two countries' technical and economic cooperation. In early July, the two sides signed a deal securing Beijing's investments in a two-billion-dollar project, which entailed establishing 150 Chinese companies in Syria and providing 40,000 jobs for the Chinese in the Syrian labor market. In August 2017, a Chinese military delegation led by General Guan Youfei, head of the International Military Cooperation Bureau of the Central Military Commission of China, paid an official visit to Damascus, where they were received by Syrian Defense Minister Fahd Jassim Al-Fureij. "We have a strong relationship with China, and the Chinese army is working to further strengthen cooperation and communication in the military field with Syria", said Al-Fureij. It is worth mentioning that about 15 percent of the military equipment in the Syrian army has been supplied by China [10. P. 9]. Military support provided by the Chinese includes unmanned reconnaissance drones and training of Syrian sniper units, and Beijing plans to increase this support in the future.

As the Syrian government's priorities lie in the post-war economic reconstruction, China is ready to play an active role in Syria's future. The process of renovating hospitals has already been started, with China responsible for more than 20 projects. Having made significant investments in Syria's energy sector before the war — China National Petroleum Corporation (CNPC) has holdings in all Syria's major oil companies, — China is also focused on restoring the oil and natural gas industry in the country [6]. Beijing condemned Western sanctions on Syrian oil production and exports when they were implemented in 2012 [4], and continued to purchase Syrian crude oil⁶. Since February 2017, China has regained control of the Syrian oil industry.

Syria's important geographic location, namely its sea ports in Tartous and Lattakia, make the country a strategically crucial to China's 'Belt and Road' initiative. Cultural diversity and multi-ethnicity of Syrian society are also in line with Chinese traditional principles of tolerance and liberalism. For the first time in its modern history, China has taken a firm political stance and stood by the Syrian regime, seizing the opportunity both to gain access to Syria's economy and also to cement an advantageous geopolitical relationship for the future.

Currently, Chinese companies are interested in the opportunities offered by the Syrian Investment Authority in coordination with the ministries and concerned parties. Bassam Haider, assistant Minister of Economy and Foreign Trade of Syria, welcomed Chinese businesses to the Syrian market and expressed hope that economic exchange between the two countries will increase in the near future. He also vouched that Chinese investments will be given priority in the reconstruction process. In retaliation, Chinese business executives pledged their participation in the reconstruction of Syrian economy and mentioned the necessity to work out a trade exchange agreement in order to further improve trade relations between the two countries. Upon entering the Syrian market, Chinese companies will provide their advanced reconstruction expertise, open credit lines

⁶ Donati J. Exclusive: Iran Helps Syria Ship Oil to China: Sources. *Reuters*. 20.03.2012.

of up to \$10 billion, including soft loans to major industries, and open Chinese banks in Syria to facilitate trade relations. “At the moment, we are actively discussing with the Syrian government and the Syrian embassy in China the plan to establish a Sino-Syrian industrial zone”, said Shen Yong, vice president of the China-Arab Exchange Association.

CONCLUSION

China is on its way to becoming one of the greatest powers in the international arena. Its importance as a global player was demonstrated during the Syrian crisis, when China stood up to the United States and supported the Syrian regime by imposing a veto on the US-led military intervention. China has also been calling for peaceful resolution of the crisis and a dialogue between the Syrian government and their opposition. It has held multiple meetings with both government and opposition leaders. Unlike Russia, China has had no direct military involvement in the Syrian Civil War and supported the Syrian regime through political, economic and humanitarian assistance, and continues to do so. China’s neutral stance in the Syrian crisis made it an intermediary in the conflict and secured its role in Syria’s future. The People’s Republic of China actively participates in the post-war reconstruction process on the Syrian territory, which opens the path for its “One Belt, One Road” initiative and fortifies its economic and political presence in the Middle East.

REFERENCES

- [1] Arabs and China. *Amman (Arab Thought Forum)*. 1987: 27.
- [2] Bingbing Wu. *China and The Persian Gulf: Implications for the United States*. Woodrow Wilson International Center for Scholars; Washington D.C.; 2011: 3—4.
- [3] Brown K. *China’s World: What Does China Want?* I.B. Tauris & Co Ltd; 2017. 256 p.
- [4] China Rejects Syria Sanctions. *Voice of America*. 14.06.2012.
- [5] Clarke C.P., Kan P.R. Uighur Foreign Fighters: An Underexamined Jihadist Challenge. *International Center for Counter-Terrorism*. The Hague; November 2017: 7—8.
- [6] CNPC in Syria. *China National Petroleum Corporation*. 20.01.2014.
- [7] Diab M. Russian-Chinese Relations: The Predominance of Strategic Partnership. *East Affairs* 1997; 62: 89.
- [8] Foreign Ministry Spokesperson Hua Chunying’s Regular Press Conference. *Ministry of Foreign Affairs of the People’s Republic of China*. 10.02.2014.
- [9] Guang P. China’s Success in the Middle East. *Middle East Quarterly*. 1997; 4.4: 35—40.
- [10] Grimmett R.F. Conventional Arms Transfers to Developing Nations, 2003—2010. *U.S. Congressional Research Service*. 22.09.2011: 9.
- [11] Lewis S.W. *Political, Economic, Social, Cultural, and Religious Trends in the Middle East and the Gulf and Their Impact on Energy Supply, Security, and Pricing: China’s Oil Diplomacy and Relations with the Middle East*. The James A. Baker III Institute for Public Policy of Rice University. September 2002: 6—7.
- [12] Salman J. China and the Arab-Israeli Conflict. *Political Thought*. 2006; 24: 25—27.
- [13] Sharp J.M., Blanchard Ch.M. Unrest in Syria and U.S. Sanctions Against the Assad Regime. *Congressional Research Service*. 09.11.2011: 10—11.
- [14] Syria’s Friends Conference in Paris without China and Russia. *Al Arabiya.net*. 19.11.2014.
- [15] Swaine M.D. *Chinese Views of the Syrian Conflict*. Hoover Institute; 2012: 4.
- [16] *United Nations, Security Council Seventy-second year 7922nd meeting Wednesday, 12 April 2017, 3 p.m.* New York; 2017: 6.

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-1-56-65

УЧАСТИЕ КНР В СИРИЙСКОМ КРИЗИСЕ И ПОСЛЕДСТВИЯ ЕЕ НЕЙТРАЛЬНОЙ ПОЗИЦИИ

М. Зрейк

Классический университет центрального Китая
№ 152, Лююю Роад, 430079, Ухань, Хубэй, КНР

Современный Китай — мощное государство и влиятельный игрок на мировой арене, как это было продемонстрировано во время сирийского кризиса, когда Китай занял позицию, противоположную США и поддержал режим Б. Асада. Пекин наложил вето на международные резолюции, связанные с сирийским кризисом, и воздержался при голосовании, как не раз было в прошлом при урегулировании кризисов в регионе. В ходе движения, которое ознаменовало новую страницу во внешней политике Китая, Пекин поддержал так называемый план из шести пунктов, призывающий к прекращению огня и урегулированию кризиса посредством внутреннего диалога и провозглашающий нерушимость сирийского национального суверенитета. В качестве следующего шага Китай направил своего посланника Ли Хуацина (бывшего посла Китая в Сирии) в Дамаск, чтобы стимулировать начало диалога между правительственными силами и оппозицией. После этого Китай направил в регион помощника министра иностранных дел Чжан Мина (который ранее посетил Египет, Саудовскую Аравию и Францию) для обсуждения путей решения сирийского кризиса. Впервые в своей новейшей истории Китай отказался от политики невмешательства в кризисы вне своих прямых интересов и непосредственного геополитического пространства. Настоящая статья посвящена анализу позиции Китая в сирийском кризисе (поддержка его мирного урегулирования и сохранение равной дистанции от всех сторон конфликта) и будущему китайско-сирийских отношений на основе общей истории двух стран.

Ключевые слова: Китай, Сирия, сирийский кризис, китайская внешняя политика, Ближний Восток

Информация об авторе:

Мохамад Зрейк — аспирант Классического университета центрального Китая (КНР) (ORCID ID: 0000-0002-6812-6529) (e-mail: mohamadzreik@hotmail.com).

Information about the author:

Mohamad Zreik — PhD Student, Central China Normal University (People's Republic of China) (ORCID ID: 0000-0002-6812-6529) (e-mail: mohamadzreik@hotmail.com).

Статья поступила в редакцию 17.11.2018.
Received 17.11.2018.

© Зрейк М., 2019.

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-1-66-77

ТРЕУГОЛЬНИК «РОССИЯ—ТУРЦИЯ—ИРАН» В КОНТЕКСТЕ СТРАТЕГИИ США НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Н.У. Ханалиев

Министерство иностранных дел РФ
Смоленская-Сенная пл., 32/34, Москва, Россия, 119200

В статье предпринята попытка выявить и проанализировать ключевые принципы внешнеполитической стратегии США в регионе Большого Ближнего Востока, которые в совокупности способствуют сближению России, Турции и Ирана в противостоянии политике Запада в целом и Вашингтона в особенности. Главное внимание концентрируется на сложном и противоречивом характере взаимоотношений государств, составляющих геополитический треугольник Россия—Турция—Иран, и в то же время отношений каждой из них с США. В результате их анализа сделан вывод, что сама логика агрессивной политики Вашингтона подталкивает три названные страны к координации своего политического курса в обеспечении национальной безопасности и защите национальных интересов в регионе. При этом высказаны определенные сомнения относительно возможностей формирования какого-либо прочного долговременного союза между ними.

Ключевые слова: Россия, Турция, Иран, США, Запад, Большой Ближний Восток, политика, НАТО, союзы, нефть, санкции

Отношения в треугольнике Москва—Тегеран—Анкара нельзя считать безоблачными, построенными на долгосрочную перспективу, поскольку каждая из сторон преследует свои национальные интересы как в регионе, так и на мировой арене. Несомненно, что сближение и даже возможный союз между ними может оказаться конъюнктурным, эфемерным, искусственным. Каждая из сторон имеет целый ряд более или менее серьезных противоречий друг с другом.

Проблема состоит в том, что давление внешних сил, прежде всего США и стран Евросоюза, может стать стимулирующим фактором, скрепляющим такой союз на неопределенный период. В силу целого комплекса факторов регионального и глобального уровня проглядываются вполне серьезные возможности формирования в будущем альянса трех самых влиятельных государств в регионе, что может стать серьезным фактором существенного изменения геополитического расклада сил во всем ближневосточном регионе.

Отношения трех государств отягощены многовековой историей конфликтов и войн, прежде всего за контроль над Кавказом. В конечном счете, одержав победу над Османской империей и Ираном, Российской империи удалось присоединить к себе как Северный Кавказ, так и территории, занимаемые в наши дни Грузией, Арменией и Азербайджаном. Что касается нынешней обстановки, то Турция является членом НАТО, с вторыми по численности после США вооруженными силами среди стран альянса, что не может так или иначе не отразиться на ее отношениях с Россией.

Следует напомнить, что в конце Второй мировой войны Москва не была против отделения от Ирана его Северо-Западного региона. В период правления шаха Мохаммеда Реза Пехлеви она поддерживала партию коммунистов «Тудех». Напряженность между Россией и Ираном заметно возросла после исламской революции 1979 года. Лидер Исламской республики аятолла Рухолла Хомейни назвал СССР «Меньшим Сатаной» по сравнению с американским «Большим Сатаной». Показательно и то, что в ирано-иракской войне 1980—1988 годов Москва, хотя и не официально, поддерживала Ирак.

Распад СССР открыл новую страницу в отношениях между тремя государствами. Кавказ вновь стал центром соперничества между ними. При этом обращает на себя внимание то, что как Иран, так и Турция, во всяком случае, на официальном уровне, не поддерживали руководителей сепаратистов в двух чеченских войнах. В 90-х годах прошлого века Иран активно сотрудничал с Россией в деле прекращения гражданской войны в Таджикистане. Одним из факторов, способствовавших такой политике, можно считать то, что для Турции и Ирана всевозрастающее значение приобретали набирающие силу сепаратистские движения. Постепенно для России открылся путь для продажи Ирану оружия. В результате отказа Германии построить атомную электростанцию в иранском Бушере эту задачу взяла на себя Россия [16].

Отношения России как с Ираном, так и Турцией, равно как между самими этими двумя государствами, носят двойственный характер, который стал очевиден в начале второго десятилетия нынешнего века, особенно в условиях развертывания так называемой «арабской весны». Россия продает Ирану конвенциональные вооружения, но она против приобретения этой страной ядерного оружия. В то же время Москва не хотела ухудшения отношений с США и Израилем. Об этом свидетельствует то, что в июне 2010 года в Совете безопасности ООН Россия поддержала ужесточение санкций в отношении Ирана из-за его отказа сотрудничать по вопросу о ядерной программе. К тому же через некоторое время под давлением Вашингтона Москва вышла из ранее достигнутого соглашения о поставке Ирану комплексов С-300.

Было бы не совсем корректно утверждать, что с фактическим разгромом ИГИЛ и, несмотря на те действительно серьезные, геополитического масштаба сдвиги в отношениях между Россией и Турцией (речь идет, в частности, о «Турецком потоке», строительстве АЭС «Аккую» и др.), эти противоречия отошли на второй план.

МИД Турции резко отрицательно реагировало на действия российских пограничников на вторжение украинских военных судов в территориальные воды Российской Федерации в районе Керченского пролива 25 ноября 2018 года [3].

Более или менее серьезные разногласия существуют между Ираном и Турцией. К примеру, если Иран с самого начала поддерживал режим Башара Асада и оказывал финансовую и материальную помощь организации «Хезболла», воевавшей против оппозиционных сил на стороне Дамаска, то Турция вынашивала планы свержения режима Асада, более того, она вела игры с главарями террори-

стических организаций, в том числе ИГИЛ. Но в пользу благоприятных перспектив турецко-ирано-российских отношений действует политика администрации Д. Трампа.

Турция и США переживают непростой период в отношениях после введения Вашингтоном санкций в связи с задержанием американского пастора Эндрю Брансона, который находится под домашним арестом в Турции по обвинению в терроризме. Также один из ключевых вопросов, лежащих в основе противоречий между Анкарой и Вашингтоном, — это поддержка США устремлений сирийских курдов, руководство которых имеет тесные связи с Рабочей партией Курдистана, которую Турция и США считают террористической организацией. Также имеются подозрения Анкары в соучастии США в неудавшемся государственном перевороте 2016 года и отказ американцев экстрадировать турецкого оппозиционера Ф. Гюлена (подозревается турецкой стороной в организации попытки госпереворота).

После заявления Д. Трампа о переносе столицы Израиля в Иерусалим Эрдоган призвал исламский мир сплотиться против США и Израиля и предпринял определенные шаги в этом направлении на внеочередном заседании Организации исламского сотрудничества (ОИС). Президент Турции призвал руководителей мусульманских государств отодвинуть в сторону существующие между ними противоречия и единым фронтом выступить против Израиля и США. Организация, приняв решение считать Палестину самостоятельным государством, обратилась к мировому сообществу с предложением признать Восточный Иерусалим его столицей. Но единство исламского мира, как известно, носит эфемерный характер. И это подтвердилось тем, что на саммите, за исключением самой Турции, Ирана и Бахрейна, от остальных мусульманских государств приняли участие второстепенные лица. К примеру, на встрече Египет был представлен одним лишь заместителем министра иностранных дел.

Вашингтон впервые за всю послевоенную историю открыто стал говорить о введении против Турции санкций после того, как руководство этой страны заявило о готовности приобрести у России зенитный ракетный комплекс С-400. При этом Вашингтон постоянно угрожает Тегерану войной, Турция, хотя и формально, продолжает оставаться в составе международной коалиции по борьбе с ИГИЛ, возглавляемой США. «Есть основания предполагать, что такой же сценарий действует и во взаимоотношениях между Россией, Турцией и Ираном. В этом сложном, необычном и беспрецедентном по историческим меркам геополитическом уравнении с участием внешних „тяжеловесов“, Москвы и Вашингтона, а также Анкары и Тегерана, претендующими на особую роль на Ближнем Востоке, именно Турция становится „камнем на дороге“, о который США стали постоянно спотыкаться» [11].

Суть вопроса состоит в том, что Турция, бывшая вплоть до последнего времени стратегическим партнером США и Запада в целом, идет на сближение с Ираном и Россией против Запада. В конце июля 2018 года Р.Т. Эрдоган объявил о желании присоединиться к странам БРИКС. В сентябре того же года он декларировал созыв в Стамбуле саммита по Сирии с участием Турции, России, Франции и Германии без США [11]. Также имеет место и следующий факт: Турция входит

в группу из восьми стран, которые получили от Вашингтона разрешение продолжить покупать нефть у Ирана несмотря на введенные 5 ноября санкции. В Белом доме не скрывают, что это лишь временное разрешение. США требуют от восьмерки в течение 180 дней как минимум серьезного сокращения импорта иранской нефти. В этом вопросе Анкара дала Вашингтону весьма жесткий ответ. Министр иностранных дел Турции Мевлют Чавушоглу, будучи с рабочим визитом в Вашингтоне, отверг требование администрации Президента Трампа о резком снижении закупок иранской нефти в течение следующих шести месяцев. «Я не могу диверсифицировать энергетические источники ни через шесть месяцев, ни через два года», — заявил Мевлют Чавушоглу после встречи с Госсекретарем М. Помпео, намекая на большую зависимость Турции от иранской нефти. — Никто не поддерживает эти (антииранские) санкции. Это одностороннее решение Соединенных Штатов» [8].

Иранская нефть далеко не единственная и не самая главная проблема в отношениях между Турцией и США. Несмотря на продолжающиеся уже много месяцев усилия, Америке никак не удастся убедить Анкару отказаться от принятого в прошлом году решения купить у России зенитно-ракетные системы С-400 «Триумф». В Вашингтоне открыто говорят, что российские С-400 являются сейчас главной причиной, возможно, самых плохих за всю историю отношений между Вашингтоном и Анкарой.

Со своей стороны США пытаются противодействовать усилиям Анкары в этом направлении угрозами приостановки продажи Турции новейших американских истребителей F-35. А Турция, в свою очередь, является одним из ключевых производителей ряда важных узлов и деталей для данного самолета. Выход Турции из сети поставщиков деталей для F-35 затянет осуществление проекта, считают в Минобороны США, на два года. Анкара вложила в этот проект 1,25 млрд долл. [8]. При этом размещение С-400 в этой стране, на вооружении ВВС которой находятся американские военные самолеты, как утверждают в Вашингтоне, позволило бы России получить ценную информацию о F-35.

В ноябре 2016 года Европарламент принял резолюцию в пользу замораживания процесса вступления Турции в ЕС, что, естественно, ведет к охлаждению ее отношений не только с США, но и со всем Западом в целом. Однако было бы преждевременно на основании всего изложенного делать оптимистические выводы о возможном разрыве Турции со своими традиционными союзниками.

О весьма опасных перипетиях, связанных с характером российско-турецких отношений, свидетельствует один из крупнейших кризисов между двумя странами, когда 24 ноября 2015 года военно-воздушными силами Турции был сбит российский самолет Су-24, принимавший участие в операции в Сирии. В этой связи во внешнеполитической стратегии Анкары прослеживается стремление закрепить себя на двух стульях. Как отмечает турецкая журналистка В. Озер, «Турция осуществляет глубокую „стратегическую регулировку“, выстраивая весьма тонкий баланс между США, западным союзом и Россией. С одной стороны, Турция говорит Москве: „Не считай, что я у тебя в кармане“. С другой стороны, говорит Вашингтону: „Не упускай меня“, давая понять, что она выступает за сохранение стратегического союза» [15].

27 января 2017 года Президент США Д. Трамп обнародовал антииммиграционный Указ «Защита нации от въезда иностранных террористов в Соединенные Штаты» (Executive Order “Protecting the Nation from Foreign Terrorist Entry into the United States”), вводящий 90-дневный запрет на въезд в США беженцев с тем, чтобы «не допустить в страну радикальных „исламских“ террористов». В черный список попали семь стран — Иран, Ирак, Сирия, Йемен, Ливия, Судан и Сомали [12]. В Иране, равно как и в других странах, подпавших под указ, этот документ вызвал крайне негативную реакцию. Президент ИРИ Хасан Рухани, в частности, заявил: «Сегодня не время возводить стены между нациями. Американцы забыли, что Берлинская стена рухнула более двадцати лет назад» [10].

В США действует закон о «Правосудии в отношении спонсоров терроризма», одобренный конгрессом в сентябре 2016 года и направленный против Саудовской Аравии. Однако с приходом к власти Д. Трампа «главным спонсором терроризма» объявлен Иран, который одновременно обвиняется в «колонизации» Ирака. Руководство США весьма активно проталкивает идею создания так называемого арабского НАТО, направленного против Ирана. Обосновывая необходимость такого шага, командующий ВВС США в зоне Центрального командования американских ВС генерал-лейтенант Дж. Гуэстелла, «Иран продолжает создавать риски для других стран региона и действует как государство, в целом дестабилизирующее военно-политическую обстановку на Ближнем и Среднем Востоке. Тегеран стремится нарушить равновесие сил и создать опасности для жителей других стран региона» [13]. Предполагается, что в альянс могут войти шесть государств Персидского залива — Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты, Кувейт, Бахрейн, Оман и Катар, а также Египет и Иордания.

Однако было бы не совсем корректно говорить об антииранских позициях Катара и Омана. Парадокс состоит в том, что Катар, согласно имеющимся данным, будучи одним из весьма серьезных спонсоров ряда террористических организаций, поддерживает довольно тесные связи с Ираном. При этом он предоставил свою территорию под довольно крупную военную базу США на Ближнем Востоке.

Довольно тесные экономические связи с Тегераном имеют Объединенные Арабские Эмираты. Отношения между Катаром и другими странами Персидского залива после объявления блокады Дохе пока в полном объеме так и не восстановлены. Саудовская Аравия, ОАЭ и Бахрейн резко сократили объем сотрудничества с Катаром по всем возможным направлениям в июне 2017 года, и это вылилось в сухопутную, морскую и воздушную блокаду государства. Так что создание арабского НАТО вряд ли имеет сколько-нибудь реальные перспективы. Если такая организация и будет создана, специалисты вполне обоснованно сомневаются в том, что она будет эффективна и дееспособна.

Ключевым фактором обострения отношений между Вашингтоном и Тегераном стало объявление Д. Трампом 8 мая 2018 г. о выходе из Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД). «Сделка века», как ее именовали журналисты, была подписана в 2015 году и ограничивала ядерные разработки Тегерана в обмен на отмену санкций СБ ООН, США и ЕС.

Трамп вернул санкции в отношении этой страны и развернул широкомасштабную кампанию по принуждению своих союзников и других государств соблюдать режим санкций в отношении Ирана. Хозяин Белого дома обещал не только вернуть прежние санкции, но и ввести новые, а Госдепартамент США сообщил о намерении Вашингтона свести к нулю доходы Ирана от экспорта нефти.

Первая часть американских санкций возобновила действие в ночь на 7 августа 2018 года. Этот пакет санкций затронул автомобильный сектор, торговлю золотом и металлами Ирана [2].

По данным Министерства финансов США, санкции затронут более 700 организаций и физических лиц, в том числе организации, связанные с атомной энергетикой, 70 финансовых организаций, национальная иранская танкерная компания и др.

Очевидно, что наиболее жесткий удар наносится энергетической и финансовой сферам. Ряд ведущих иранских банков отключен от системы SWIFT.

Объясняя санкции, госсекретарь США М. Помпео констатировал: «Наша конечная цель — убедить режим отказаться от их нынешнего революционного курса. У иранского режима есть выбор — либо развернуть на 180 градусов свой курс и действовать как нормальная страна, либо увидеть развал экономики» [5]. Продолжая эту линию, М. Помпео заявил, что «самые жесткие санкции, когда-либо вводимые, заставят Иран изменить свое поведение на международной арене». По его мнению, те санкции, которые частично были возобновлены Вашингтоном ранее, уже оказали «огромное влияние» на Тегеран в экономическом плане. «Я в высокой степени уверен, — утверждал он, — что санкции, которые будут возобновлены, возымеют желаемый эффект, направленный на изменение иранским режимом своего поведения» [2].

Защищая свою позицию, он приводил факт, что уже более 100 крупных международных компаний ушли с иранского рынка из-за угрозы санкций, а экспорт нефти упал почти на миллион баррелей в день, резко ограничив основной источник валютных поступлений в страну. Трамп не без определенной доли присущего ему хвастовства заявил, что санкции «уже оказывают разрушительное воздействие на иранскую экономику» [1].

Действительно, целый ряд иностранных компаний приняли решение уйти из Ирана. Так, по имеющимся данным, польский нефтяной концерн Orlen отказался от покупки иранской нефти, в результате ее импорт из Ирана сократился на 34% до 2,13 млн т [1]. Индия решила сократить импорт нефти из Ирана примерно на треть. Это при всем том, что в санкциях сделаны определенные послабления, хотя временные, основным покупателям иранской нефти — Индии и Китаю, а также шести другим странам — Японии, Южной Корее, Турции, Греции, Тайваню и Италии.

Особенность политики Вашингтона в отношении Ирана в этом направлении состоит в том, что предусматриваются санкции также против тех стран и компаний, которые будут вести дела с Ираном. Как подчеркнул министр финансов США С. Мнучин, «если физлицо или предприятие будет участвовать в транзакциях, которые нарушают санкционный режим, то мы будем вводить санкции против

активности, направленной на преодоление санкций... Вы увидите одно из самых быстрых решений о включении в санкционный лист. Мы призываем людей не допускать участия в каком-либо инструменте, который нарушает наш режим санкций» [9]. Таким образом, под американскими санкциями могут оказаться Великобритания, Германия, Франция и Россия, который после министерской встречи на полях ООН приняли решение о создании в ЕС специального механизма для расчета с Ираном в обход американских санкций.

Вашингтон предъявляет к Ирану весьма широкий спектр требований, среди которых открытие его ядерной программы для МАГАТЭ, предоставление ему неограниченного доступа к ядерным разработкам, «прекращение обогащения урана, полный отказ от переработки плутония и закрытие тяжеловодного ядерного реактора» [5], что в сущности предполагает отказ этой страны от программы мирного атома. Требуется также полный отказ от производства баллистических ракет, вывод всех иранских вооруженных формирований с территории Сирии и т.д. Иными словами, речь идет о требованиях безоговорочной капитуляции Исламской Республики Иран перед США.

Очевидно, что Вашингтон требует от Ирана полной капитуляции по всем сколько-нибудь важным вопросам. Он ставит своей целью добиться краха стагнирующей иранской экономики, что, по мнению Администрации Президента Трампа, приведет к широкомасштабным протестам населения, которые, в конечном счете, заставит иранское руководство сменить свой внешнеполитический курс. О долгосрочном характере стратегии США в отношении этой страны свидетельствует то, что на ведущие посты внешнеполитического направления Трамп выбрал явно антииранских деятелей в лице министра обороны Дж. Мэттиса, главы Госдепартамента М. Помпео, советника по национальной безопасности Дж. Болтона и др.

Главная цель политики Вашингтона в этом направлении состоит в том, чтобы заставить руководство Ирана коренным образом изменить внешнеполитический курс и в конечном счете сменить в стране политический режим, установленный в результате Исламской революции 1979 года, уничтожить иранское государство изнутри путем разжигания недовольства и восстания населения.

В последние годы Иран действительно переживает серьезный экономический кризис, который усугубляется тем, что целая группа стран и международных корпораций отказалась покупать иранскую нефть. Курс национальной валюты упал до 145 тысяч риалов за один доллар — в то время как год назад он составлял 40,5 тысяч риалов за доллар. В стране безработица, которая приближается к отметке в 25—40%. Поэтому неудивительно, что экономические пертурбации привели к массовым протестам в Исламской Республике Иран.

Иран с населением почти в 85 млн чел. представляет собой значимую составляющую мировой экономики, занимая 25-е место среди крупнейших экономик мира. Тегеран обладает самыми мощными в регионе вооруженными силами и идеологизированными шиитскими фанатиками, готовыми отдать жизнь за «идеалы исламской революции», официальным практическим воплощением которых выступают ударные подразделения вооруженных сил в лице стражей исламской революции.

Тегеран проводит самостоятельную внешнюю политику и не стесняется в выражениях относительно Америки. Кроме того, у Ирана есть серьезные партнеры. Москва и Пекин вряд ли останутся в стороне и позволят США расправиться с ним. О полном ограничении экспорта иранской нефти не может быть речи. Иран все равно найдет лазейки для ее продажи.

Следует отметить, что при всех возможных здесь оговорках иранская экономика функционирует в режиме санкций с первого дня Исламской Революции. При этом руководство страны отнюдь не демонстрирует склонность к капитуляции перед непрекращающимся давлением США. Несмотря на все трудности, иранский режим держится стойко и, судя по всему, уступать пока не собирается. В, так сказать, форс-мажорных ситуациях режим получает поддержку если не всего народа, то большей его части. Об этом свидетельствует, например, то, что за несколько часов до восстановления санкций тысячи иранцев вышли на манифестации по случаю годовщины захвата посольства США в Тегеране в 1979 году. «Сегодня иранская нация покажет, что Трамп слишком мал, чтобы поставить Иран на колени» [6], — не без оснований заявил спикер иранского парламента, влиятельный политик Али Лариджани.

В этом контексте следует отметить, что Тегеран не умерил свою риторику против Израиля. Так, Президент страны Хасан Рухани заявил на тридцать второй международной конференции Исламского единства в Тегеране, что Израиль является «поддельным режимом», созданным западными странами. В частности, он утверждал: «Одним из фатальных последствий Второй мировой войны было образование этой раковой опухоли в регионе». Он также заявил: «Различие между исламским миром и Соединенными Штатами состоит в свободе и рабстве, и мусульмане должны в полную силу противостоять американским издевательствам над народами» [4].

По мнению немецкого аналитика К. Даазе, для Трампа «в первую очередь важна не внешняя политика, вопрос не в России, Турции или Иране, для него на данном этапе важны все же внутривнутриполитические цели. Он блефует, не имея возможностей заключить секретные сделки с Москвой, Анкарой или Тегераном», при этом не опасаясь вызвать критику со стороны Конгресса [11].

Однако с такими оценками согласны и некоторые российские эксперты.

Признавая важность учета внутривнутриполитических факторов, определяющих те или иные внешнеполитические акции Вашингтона, нельзя игнорировать его геополитические интересы в этом весьма важном регионе, где США в течение довольно длительного периода занимали доминирующее положение. Как правило, в политику продвижения национальных интересов в том или ином регионе при всей преемственности двухпартийного внешнеполитического курса каждая новая администрация вносит свои нюансы и корректировки. В частности, если Б.Х. Обама действовал как проводник стратегии сохранения либерального/однополярного миропорядка при гегемонии США на путях западного проекта глобализации и Вашингтонского консенсуса, то Д. Трамп и его команда стремятся достичь

целей сохранения такой гегемонии на путях национализма под лозунгом «Америка прежде всего» (America the first). Соответственно, подвергаются пересмотру некоторые аспекты и направления внешнеполитической стратегии. Заключив сделку с Ираном, Б.Х. Обама по сути выступил как бы против стратегических интересов Саудовской Аравии. При его президентстве отношения США с этим королевством неуклонно сворачивались. Как сетовал американский аналитик Б.Дж. Брэндон, «несмотря на постоянные призывы Тегерана „Смерть Америке!“ и „Смерть Израилю!“, администрация Обамы заключила опрометчивое президентское соглашение с иранскими муллами, которое фактически позволило Ирану получить ядерное оружие. Сделка Обамы тогда позволила оздоровить отношения страны с внешним миром. В принципе Обама узаконил злобный антиамериканский, ревизионистский режим в Иране — во вред американским союзникам в Израиле и во всем суннитском арабском мире» [14].

Ситуация радикально изменилась при Д. Трампе, курс которого означает резкий поворот в сторону обновления стратегического партнерства с Израилем и Саудовской Аравией, которые выступают главными противниками Ирана. Предпринимаются попытки обострения шиитско-суннитского противостояния, формирования и укрепления коалиции суннитских государств против этой страны.

Как отмечает Г. Лукьянов, «улучшение отношений США с Израилем и Саудовской Аравией вызвано намерением создать новую архитектуру безопасности на Ближнем Востоке с учетом стремления США сократить свои „расходы“ в этом регионе. Вашингтон ставит задачу создать такое устройство региона, которое будет в максимальной степени удовлетворять интересам в первую очередь США, во вторую очередь — стран региона, которые сотрудничают с Америкой, и уже потом — сопредельных „центров“, таких как Европейский Союз. На этом фоне США беспрецедентно сократили свое участие в разрешении других локальных конфликтов» [7]. Со своей стороны, для России, Турции и Ирана наметившееся сотрудничество в военно-политической сфере определяется если не экзистенциальной угрозой самому их существованию, то некоторым их жизненно важным интересам и национальной безопасности.

Разумеется, при таком раскладе существенные изменения могут произойти в политической стратегии государств, которые являются объектами внешнеполитического курса Вашингтона. Очевидно, что внешнеполитический курс США, особенно администрации Д. Трампа, в регионе Большого Ближнего Востока служит фактором, сближающим Москву, Анкару и Тегеран и в то же время сужающим пространство и возможности США для геополитических маневров, и соответственно ограничивает влияние на политический курс этих стран, более того, в сочетании с другими факторами, — на мировую политику в целом. В такие переходные периоды, один из которых мы в настоящее время переживаем, могут возникнуть самые неожиданные, казалось бы, невозможные союзы и объединения. Таковым можно считать и противоречивый, но реальный союз, возможно, правильнее назвать альянс, продиктованный расстановкой сил и вместе с тем временем в интересах собственной безопасности каждой из трех стран.

Именно такой вывод напрашивается для перспективы развития трехсторонних отношений России—Турции—Ирана в интересах безопасности ближневосточного региона в целом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Американские санкции против Ирана вступили в силу // РИА Новости. 05.11.2018. Режим доступа: <https://ria.ru/world/20181105/1532137186.html>. Дата обращения: 01.12.2018.
- [2] *Асатрян Г.* США подталкивают Иран к полному краху // Гражданин созидатель. 05.11.2018. Режим доступа: <http://www.grso.ru/articles/ssha-podtalkivayut-iran-k.html>. Дата обращения: 01.12.2018.
- [3] В Турции сделали жесткое заявление об инциденте в Керченском проливе // Expert Online. 26.11.2018. Режим доступа: <http://expert.ru/2018/11/26/>. Дата обращения: 01.12.2018.
- [4] Гнев Помпео на анти-американскую и анти-израильскую позицию президента Ирана // ParsToday. 28.11.2018. Режим доступа: <http://parstoday.com/ru/news/iran-i96125>. Дата обращения: 01.12.2018.
- [5] День X: США ввели санкции против Ирана. Минфин США опубликовал список санкций против Ирана // Газета.ru. 05.11.2018. Режим доступа: https://www.gazeta.ru/politics/2018/11/05_a_12047923.shtml. Дата обращения: 01.12.2018.
- [6] Лариджани: Трамп слишком мал, чтобы поставить на колени Иран // ParsToday. 04.11.2018. Режим доступа: <http://parstoday.com/ru/news/iran-i95435>. Дата обращения: 01.12.2018.
- [7] *Лукьянов Г.* США на Ближнем Востоке: в поисках новой реальности // Russian Council. 18.07.2017. Режим доступа: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments>. Дата обращения: 01.12.2018.
- [8] *Мануков С.* К С-400 прибавилась иранская нефть: Турция отказалась от американской отсрочки // Expert Online. 23.11.2018. Режим доступа: <http://expert.ru/2018/11/22/>. Дата обращения: 01.12.2018.
- [9] Минфин США опубликовал список санкций против Ирана // Газета.ru. 05.11.2018. Режим доступа: https://www.gazeta.ru/politics/2018/11/05_a_12047923.shtml. Дата обращения: 01.12.2018.
- [10] Политика США на Ближнем Востоке: возвращение на круги своя // Ньюс-Фронт. 08.02.2017. Режим доступа: <https://news-front.info/2017/02/08/politika-ssha-na-blizhnem-vostoke-vozvrashhenie-na-krugi-svoya/>. Дата обращения: 01.12.2018.
- [11] *Тарасов С.* Санкции США сближают Россию, Турцию и Иран // Regnum: Информационное агентство. 31.07.2018. Режим доступа: <https://regnum.ru/news/2457027.html>. Дата обращения: 01.12.2018.
- [12] Указ Президента США Д. Трампа «Защита нации от въезда иностранных террористов в Соединенные Штаты» (Executive Order “Protecting the Nation from Foreign Terrorist Entry into the United States”). Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>. Дата обращения: 01.12.2018.
- [13] *Ходаренок М.* Альянс против Ирана: Америка создает арабский НАТО // Газета.ru. 21.11.2018. Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/army/2018/11/21/12067207.shtml?amp>. Дата обращения: 01.12.2018.
- [14] *Brandon B.J.* The Multipolar World: Partnering with Russia to Stop Iran // American Thinker. 22.11.2018.
- [15] *Özer V.* Stratejik ayar // Milliyet. 28.11.2018.
- [16] *Rabil R.* Donald Trump is Reshaping the Middle East — in Russia’s Favor // The Washington Post. 22.08.2018.

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-1-66-77

TRIANGLE “RUSSIA—TURKEY—IRAN” IN THE CONTEXT OF US STRATEGY IN THE MIDDLE EAST

N.U. Khanaliyev

Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
Smolenskaya-Sennaya Sq., 32/34, 119200, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article is an attempt to identify and analyze some key principles of the US foreign policy in the Greater Middle East region, which, concurrently, factor into the rapprochement between Russia, Turkey and Iran in their opposition to the policies of the West as a whole and Washington in particular. The main attention is focused on the complex and controversial nature of the relations in the Russia—Turkey—Iran geopolitical triangle and, at the same time, the relations of each of the countries with the United States. As a result of the analysis, a conclusion was made that the very logic of Washington’s aggressive policy pushes the three countries to coordinate their efforts in ensuring national security and protecting national interests in the region. However, certain doubts were expressed regarding the possibilities of forming any strong long-term alliance between the three of them.

Key words: Russia, Turkey, Iran, USA, the West, Greater Middle East, politics, NATO, alliances, oil, sanctions

REFERENCES

- [1] American Sanctions against Iran Have Come into Effect. *RIA News*. 05.11.2018. Available from: <https://ria.ru/world/20181105/1532137186.html>. Accessed: 01.12.2018 (In Russ.).
- [2] Asatryan G. The United States is Steering Iran to a Full-Scale Crash. *Grazhdanin sozidatel'*. 05.11.2018. Available from: <http://www.grso.ru/articles/ssha-podtalkivayut-iran-k.html>. Accessed: 01.12.2018 (In Russ.).
- [3] Turkey Makes a Strong Statement on the Incident in the Kerch Strait. *Expert Online*. 26.11.2018. Available from: <http://expert.ru/2018/11/26/>. Accessed: 01.12.2018 (In Russ.).
- [4] Pompeo’s Frustration with the Iranian President’s Anti-American and Anti-Israeli Position. *ParsToday*. 28.11.2018. Available from: <http://parstoday.com/ru/news/iran-i96125>. Accessed: 01.12.2018 (In Russ.).
- [5] X-Day: US Introduces Sanctions against Iran. US Department of Treasury Publishes a List of Sanctions against Iran. *Gazeta.ru*. 05.11.2018. Available from: https://www.gazeta.ru/politics/2018/11/05_a_12047923.shtml. Accessed: 01.12.2018 (In Russ.).
- [6] Larijani: Trump Too Small to Bring Iranian Nation to its Knees. *ParsToday*. 04.11.2018. Available from: <http://parstoday.com/ru/news/iran-i95435>. Accessed: 01.12.2018 (In Russ.).
- [7] Lukyanov G. USA in the Middle East: in Search of a New Reality. *Russian Council*. 18.07.2017. Available from: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments>. Accessed: 01.12.2018 (In Russ.).
- [8] Manukov S. K S-400 Plus Iranian Oil: Turkey Declined American Respite. *Expert Online*. 11.23.2018. Available from: <http://expert.ru/2018/11/22/>. Accessed: 01.12.2018 (In Russ.).
- [9] The US Treasury Department Published a List of Sanctions against Iran. *Gazeta.ru*. 05.11.2018. Available from: https://www.gazeta.ru/politics/2018/11/05_a_12047923.shtml. Accessed: 01.12.2018 (In Russ.).
- [10] US Policy in the Middle East: Full Circle Complete. *News-Front*. 08.02.2017. Available from: <https://news-front.info/2017/02/08/politika-ssha-na-blizhnem-vostoke-vozvrashhenie-na-krugisvoye/>. Accessed: 01.12.2018 (In Russ.).
- [11] Tarasov S. US Sanctions Favor the Rapprochement of Russia, Turkey and Iran. *Regnum: Information Agency*. 31.07.2018. Available from: <https://regnum.ru/news/2457027.html>. Accessed: 01.12.2018 (In Russ.).

- [12] *Executive Order of the President of the USA D. Trump “Protecting the Foreign Terrorist Entry into the United States”*. Available from: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>. Accessed: 01.12.2018 (In Russ.).
- [13] Hodarenok M. Alliance Against Iran: US Creates the Arab NATO. *Gazeta.ru*. 21.11.2018. Available from: <https://www.gazeta.ru/army/2018/11/21/12067207.shtml?amp>. Accessed: 01.12.2018 (In Russ.).
- [14] Brandon B.J. The Multipolar World: Partnering to Stop Iran. *American Thinker*. 22.11.2018.
- [15] Özer V. Stratejik ayar. *Milliyet*. 28.11.2018 (In Turk.).
- [16] Rabil R. Donald Trump is Reshaping the Middle East — in Russia’s Favor. *The Washington Post*. 22.08.2018.

Информация об авторе:

Ханалиев Нурадин Умарпашаевич — кандидат политических наук, первый секретарь Департамента по вопросам новых вызовов и угроз Министерства иностранных дел РФ (ORCID ID: 0000-0002-3876-1548) (e-mail: nur.han.mid@gmail.com).

Information about the author:

Nuradin U. Khanaliyev — PhD in Political Science, First Secretary of the Department for new Challenges and Threats, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (ORCID ID: 0000-0002-3876-1548) (e-mail: nur.han.mid@gmail.com).

Статья поступила в редакцию 12.12.2018.

Received 12.12.2018.

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-1-78-89

CAMEROON'S CONTRIBUTION TO THE AFRICAN UNION'S SECURITY PLAN (2000–2018)

J.C. Kouma

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russian Federation, 117198

Abstract. The article addresses the question of how a regional approach to dealing with current safety threats could contribute to the consolidation of security and stability in Cameroon, and Africa as a whole. The problem with states like Cameroon is that they are no longer able to fulfill some of their official functions and are consequently powerless against new security threats. Some of those threats are temporary phenomena, however, other dangers, such as poverty growth or environmental degradation, are more chronic issues. Therefore, in order to cope with the latter, efforts should be made to reinforce regional structures. The author presents a different approach to explaining the relevance of cooperation, particularly in the field of security, and looks at it from the perspective of the institutionalist theory. Relying on the anarchic conception of the world, which is similar to the realistic conception, institutionalists see the role of co-operation in reducing uncertainty and mistrust between states. As confrontation and struggle for power lead only to a situation of constant uncertainty, states have to seek an appropriate way to reduce this insecurity by establishing institutional structures, common rules and standards in order to further regulate their coexistence and interactions. However, the evolution of international relations from unilateralism to a system of stable alliances would only be possible if cooperation is more advantageous than the unilateral approach. In other words, Cameroon's decision to integrate community structures and adhere to a number of principles and rules is, in the first place, in its national interests.

Key words: Cameroon, African Union, cooperation, security, terrorism, peace

The African Union (AU) is an African state organization established on July 9, 2002 in Durban, South Africa, in accordance with the Sirte Declaration of September 9, 1999. Two years after its constituent treaty was signed, the African Union replaced the Organization of African Unity (OAU)¹. A year later, in July 2003, at the Maputo summit in Mozambique, several institutions, including the African Union Commission, the Pan-African Parliament and the Peace and Security Council, were founded. One of the objectives of the African Union is to “promote peace, security and stability in the continent”². One of the AU principles is “peaceful resolution of conflicts among the member states of the Union through appropriate means decided by the Assembly”³.

It is therefore natural that providing both internal and international peace is among the AU's major priorities, although, for a long time, initiatives in this direction between Cameroon and the African Union have been conducted in discretion.

¹ Charter of the Organization of African Unity.

² Article 3 (f) of the Constitution.

³ Article 4 (e) of the Constitution.

THE GEOPOLITICAL AND GEOSTRATEGIC INTERESTS OF CAMEROON IN THE MAINTENANCE OF PEACE IN AFRICA

The principal line of Cameroon's diplomatic activities in Africa is to develop regional alliances. The commitment to African cooperation, particularly through regional and subregional multilateral organizations, remains one of the fundamental principles of its foreign policy. For President Amadou Ahidjo and his successor Paul Biya, strengthening ties between African peoples and states is the first and foremost goal on the way toward the continent's development. Indeed, the first Cameroonian president was an ardent proponent of the idea that the consolidation of African states, is a *sine qua non* for the political, economic and socio-cultural emancipation of African peoples [3. P. 48]. To implement this objective, Cameroon has become involved in the African Union's security projects based on the assumption that pooling efforts between African countries through the process of institutionalization of security allows the formation of strong regional blocs. Intergovernmentalism (the IGO), as defined by its proponents, is "a rational process designed to optimize the means pooled by member states" through a concerted action, which serves as "a multiplier of power" [18. P. 170]. In many ways, the IGO helps to revitalize regional cooperation through the process of building "spaces of meaning". This notion used by Laidi Zaki reflects the existence of regional solidarity built around a collective identity. The "spaces of meaning" in the construction of intergovernmental organizations are reminiscent of regional structures which wish to be seen as being based on a collective ideal and attempt to find common meanings [21. P. 9—10]. Cameroon is at the crossroads of major socio-economic and security challenges. Faced with the urgency of the terrorist threat that thrives on the social unsteadiness of Cameroon and its neighbors, the African Union (AU) has adopted a wide range of legal and organizational instruments to curb its expansion on the continent.

Besides its strategic location on the African continent, its diversity and its natural, human and cultural complexity, Cameroon offers a most enviable geographical and climatic panorama, capable of making it a priority tourist destination in Africa. Cameroon is distinguished by political stability, its local economic environment offering advantages for trade, market flexibility, a large domestic market (more than 19 million potential consumers), abundant natural resources and an important seafont. Paul Biya made "the peace, security, stability of Cameroon, rigor and moralization, its major axes of governance". In 2014, Biya received the Pan-African Union of Lawyers prize for the "peaceful resolution of conflicts," [8] presented to him by the former President of the Republic of Africa of the South, Thabo Mbeki. Cameroon, "because of its demographic weight and its diversified economy, appears to be the main economic power in the subregion" and therefore offers undeniable economic advantages, as well as an entry point to Central Africa [11. P. 308]. The south-western part of Cameroon is situated in the Gulf of Guinea and, despite its multiple advantages, the country is currently in the throes of growing crime. The riparian states are trying to secure their coasts in a concerted effort. A symbiosis between African states is a necessity, because a single state's fight against crime is far less effective than a collective action which

involves amalgamating technical, human and operational resources [11. P. 308]. In 1993, the United Nations called on to African regional and subregional organizations for a long-term co-operation allowing the countries to adapt to various changes in the world at their own pace, namely to settle their disputes peacefully, using their own mechanisms. To refer to the African states' ability to cope with multiple aspects of the current crises on their own terms, we suggest using the word "Africanization" [2]. In the face of security challenges, African states must rely on their combined effort, because "regional cooperation is essential," said Antonio Maria Costa, Director General of the United Nations Office in Vienna [11. P. 309].

Thus, Cameroon's participation in AU-initiated Peacekeeping Operations (PKOs) is primarily aimed at its own security in view of its geographical proximity to numerous hotbeds of tension, particularly in the sub-region of Central Africa. The civil wars in the area give rise to security concerns well beyond the hostility zones, because regional conflicts have a tendency to expand to national level. Cameroon's participation in PKOs also has strategic objectives: to demonstrate the technical expertise and competence of its army, which is expected to contribute to the strengthening of Cameroon's influence in Africa. In 2016, the US Armament site, Global Fire Power, ranked the Armed Forces of Cameroon (FAC) the 106th out of 126 armies in the world, and the 20th on the African continent⁴.

CAMEROON'S PARTICIPATION IN PEACE KEEPING OPERATIONS IN AFRICA

Cameroon is heavily involved in peacekeeping operations in Africa under the auspices of the AU⁵. Various Cameroonian contingents are made up of soldiers, police officers, military observers and other troops. The Defense Forces of Cameroon (DFC)'s participation in military peacekeeping operations (MPOs) can be individual or joint, depending on strategic, operational and tactical levels of such operations. Individual participation in PKOs engages a minimum number of troops, most of whom are contractees (soldiers or policemen) working either at an operational or strategic level. Collective participation involves contingents who join larger groups in an operation. On the whole, the DFC's peacekeeping involvement in Africa is mostly individual, as was the case in Darfur (Sudan), Angola, DRC, Rwanda, RCA, Côte d'Ivoire and Mali [1].

In December 2010, the AU Defense and Security Committee chose Cameroon to headquarter the African Union Continental Logistics Base (CLB). This decision was endorsed at the Conference of Heads of State in January 2011. The CLB was supposed to start operating in 2014. The headquarters agreement for the CLB was signed on October 12, 2015 in Yaoundé, and was followed by a number of technical meetings aimed at advancing the date of its startup. The first meeting took place in November 2015, the second and the third were held in January and June 2016. At the third meeting, which was held in Addis Ababa, Cameroon agreed with the AU on the parties' terms of refer-

⁴ Global Firepower, 2016, World Military Strength Rankings.

⁵ See: Ministry of Defense, Cameroon.

ence. Cameroon leaders are planning another meeting in order to expedite strategic cooperation with American partners who show enthusiasm about the project and are willing to help carry it out.

In these cases, many non-commissioned officers (NCOs) and DFC officers were dispatched at the request of the AU as observers. They often find themselves at the operational and even strategic level, either because of their individual skills or through seats reserved for Cameroon. In 1995, a contingent of 20 Cameroonian soldiers intervened in South Kivu (DRC) at the request of the High Commission of Refugees. Thereafter, groups of 3 and 5 officers also intervened in Rwanda and the DRC as observers in 1995. Furthermore, on the 8th of February 1999 the Cameroonian government provided staff for the training of civilian police, which are at the disposal of the United Nations Mission in Central African Republic (UNMCAR). At the expiration of the mandate of the UNMCAR in February 2000, a Cameroonian senior officer was in charge of civilian police training, a function that was maintained within the framework of the UN Office for the Consolidation of Peace in the Central African Republic (BONUCA).

In July 2009, another member of the CDF held the position of Senior Logistics Officer within the African Union Mission to Somalia (AMISOM). Cameroonian Defense Forces responded in contingents of four officers on behalf of the AU in South Sudan within the framework of “Darfur DESK”. As of 2005, contingents of 10, then of 20 observers succeeded one other. Since the transition from the African Union Mission in Sudan (AUMS) to the United Nations Mission in Darfur (UNMD), the CDF has sent groups of five officers in relays. In Ethiopia, a Cameroonian officer was part of the staff of the African Standby Force (ASF). In Côte d’Ivoire, since 2003, another Cameroonian officer is a member of the staff of the United Nations mission in Ivory Coast (UNMIC), serving as a military representative of the President of the AU Commission. One can recall that Cameroonian police officers were members of the humanitarian mission in Goma (current Zaire, DRC) between 1994 and 1998—2000, and later in the framework of the (UNMC), in the DRC in 2006.

The case of CAR is even more remarkable. Since 2008, Cameroon has been present in CAR alongside other ECCAS countries for the mission of peacebuilding in the country. It is a contingent of 107 in addition to the 4 staff officers, 12 support staff and the Chief of Staff.

Since June 2013, Cameroon has also sent 517 soldiers and 320 policemen (totaling 837 individuals) to participate in the International Support Mission in Central African Republic (ISMCA), under the authority of the African Union Peace and Security Council (UAPPS) [1]. Since 2015, Cameroon has also been home to the Continental Logistics Base (CLB), where the logistics system is kept, to be assigned to peace missions initiated and conducted under the umbrella of African institutions⁶. Participation in peacekeeping

⁶ Addis Ababa, October 13, 2015: African Union (AU) Peace and Security Commissioner Ambassador Smail Chergui and Cameroonian Minister of State for Defense Joseph Beti Assomo, signed the Agreement on the Continental Logistics Base (CLB) of the African Standby Force (ASF), to be established in Douala on 12 October 2015, in Yaoundé. The signing ceremony took place at the Ministry of Defense, in the presence of members of the Government of Cameroon and international partners.

operations can also augment traditionally resource-constrained defense budgets [12]. Thus, by acting in concert with its regional partners for the development of intergovernmental organizations in Central Africa, Cameroon also serves its national interests. According to Hirschmann's hypothesis: "Any State that joins a regional organization does so both to increase the benefits that this membership affords and to influence the partners in cooperation" [6. P. 360].

FIGHTING SECURITY THREATS

Laws introduced by the African Union are applicable in Cameroon because the country is a member state, and has ratified these laws. The primary legal source is the Constituent Act of the African Union; all other laws proceed from this act [10]. Cameroon is a Member State of the United Nations and a founding member of the Organization of African Unity, which was later transformed into the African Union. It endorsed the United Nations Charter, the International Covenant on Human Rights (civil and political), the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights, and the African Charter on Human and Peoples' Rights [9]. The transition from the Organization of African Unity (OAU) to the African Union (AU) at the dawn of the new millennium heralded a turning point in the integration process on the continent. It was not merely a change of name but a substantial structural transformation, the purpose of which was to meet two major challenges: enabling Africa to take advantage of globalization and respond to various crises the continent is facing [14]. Confronted with major socio-economic and security challenges, such as the emerging terrorist threat that thrives on the social instability prevalent on the continent, the African Union (AU) has adopted a wide range of legal and organizational instruments to restrict the expansion of terrorism on its territory. The unprecedented rise of jihadism in Africa, which is taking a huge toll on the continents' security, is rooted in the weakness of the mechanisms developed by the AU to counter the terrorist threat at the regional and continental levels. Notwithstanding some progress achieved in the security field, there are still numerous faults in the system, which relegate the pan-African institution to a weak link in international cooperation against terrorism. The cross-border nature of the threat requires that the problem be addressed at the continental level; however, it must be done in a coherent and coordinated effort by way of developing an effective counter-terrorism strategy. Also, resolving the many malfunctions in the AU governance is essential in order to get Africa out of the vicious circle of insecurity.

Terrorism is not a new phenomenon in Africa: it has gradually taken root on the continent since the early 1990s⁷. Cameroon's reluctance to assume full responsibility for the increasingly complex and devastating terrorist threat underscores the urgency of the AU peace goals. The African Union seems to have taken the measure of the challenge: it adopted numerous legal documents and established various bodies assigned to counter-terrorism (most of which are mentioned in the Constitutive Act).

⁷ The first wave of the Islamic movement took place in 1992 within the AIG (Armed Islamic Group) after the Algerian government canceled the elections marked by the victory of the Islamic Salvation Front.

Peace and security issues were frequently the highlight of debates, particularly at the first ordinary Summit in Maputo in July 2003. As for making up for previous failures, African Heads of State and Government have adopted a new audacious defense policy, the implementation of which — provided a common effort is taken — will benefit the whole continent. Pending the establishment of the Peace and Security Council⁸, the central body and, with it, the 1993 Mechanism for Conflict Prevention, Management and Resolution, serve as an organizational framework. One year after the 35th OAU summit in July 1999, the states adopted the Algiers Convention — the first continent-wide agreement on the prevention and combatting of terrorism, translated into the three official languages⁹. In September 2002, a high-level intergovernmental meeting of the AU member states took place in Algiers, during which the countries approved a Plan of Action to implement their commitments and obligations. The plan included specific provisions on police and border control, legislative and judicial measures, suppression of terrorist financing, exchange of information and coordination, etc. Thus, the African states' anti-terrorist efforts took a quantum leap, reinforced by the Additional Protocol to the Algiers Convention (July 2004), which aimed precisely at “strengthening the effective implementation of the Convention”¹⁰. Article 3 (d) of the Protocol endorses the establishment of the Peace and Security Council of the African Union, whose primary objective is to “coordinate and harmonize efforts in the prevention and the fight against international terrorism in all its aspects”.

Other resolutions — (256) 2009 and (136) 2014 — combine provisions on prevention of terrorism financing, national capacity-building and promotion of international cooperation in the fight against terrorism. Three important dates add to the chronology of AU anti-terrorist commitments: the 2009 AU decision on criminalization of paying ransoms to terrorist groups for the release of hostages; the appointment of the AU Special Representative for Counter-Terrorism Cooperation (October 2010); and the adoption of the Model Law on Counter-Terrorism to assist the member states in strengthening and updating their national anti-terrorism legislation (July 2011).

In his speech, President Paul Biya declared that “Cameroon also welcomes the decision taken at the end of January 2015 by the African Union. As you know, the Peace and Security Council, meeting at the level of the Heads of State and Government, authorized the deployment of a combined Multinational Force of 7,500. It also decided to convene a meeting of experts in Yaoundé to clarify the operational concept. The meeting was held on February 5—7, 2015. It gave rise to a thorough analysis of the situation and to the elaboration of the mandate of the Joint Multinational Force. The decision of the African Union also paves the way for a referral of the Security

⁸ On September 16, 2003, only 16 of the 53 African Union member states ratified the Protocol on the establishment of the African Union. See document CAB / CEG / 23.22 of the African Union.

⁹ It is important to recall the Resolution on Strengthening Cooperation and Coordination among States [AHG / Res.213 (XXVIII)] adopted by the OAU in 1992 with the purpose of combatting the phenomena of extremism and terrorism.

¹⁰ Resolution on the Struggle of African Countries against Terrorism in all its Forms through the Strengthening of National Capacities and the Promotion of International Cooperation in this Field. Rabat, November 2, 2014.

Council with a view to the adoption of a resolution”¹¹. According to Nkosazana Dlamini-Zuma, “Boko Haram ... is a threat to our collective security and development which requires a collective, effective and decisive response” [19].

However, the various resolutions adopted by the AU hardly meet any concrete actions, as Idriss Deby openly acknowledged: “We often meet, we talk too much, we write a lot, but we do not act enough and sometimes not at all”¹². Indeed, the lack of real action by the leadership of the African Union is proven true by two worrisome facts: first, only 41 of the 53 member states ratified the Algiers Convention, yet the document took effect on November 6, 2002; second, although only 15 states endorsed the Additional Protocol, it became enforced on 26 February 2014, ten years after its adoption. However, the adopted documents strengthen coherence and coordination between the states by clearly defining the respective roles of the Commission and the Council in counter-terrorism activities. They also oblige member states to submit reports to the Peace and Security Council at regular intervals on the measures they have taken to prevent and combat terrorism and on all terrorist attacks that took place on their territories. It goes without saying that such reports greatly facilitate information sharing, coordination and monitoring of decisions adopted at the continental level.

The fight against Boko Haram represents one of the multiple focal points of the AU’s combat against terrorism. As part of its anti-terrorist efforts, the AU initiated the establishment of the Mixed Multinational Force (MMF), which brings together civilian and military units from four member countries of the Lake Chad Basin Commission (LCBC), plus Benin. The regional initiative began to take shape in June 2014, when the AU expressed its willingness to set up a regional force similar to the one created against the Lord’s resistance Army (LRA) to end the atrocities of Boko Haram in Lake Chad. Subsequently, the African Union chose to rely on the project initiated by the LCBC.

For the president of the AU Commission, Nkosazana Dlamini-Zuma, fighting Boko Haram “is not just a threat to some countries, it is a threat to the entire continent. It is a global threat that must be tackled globally, with Africa in the lead” [19].

On March 6, 2015, after prolonged negotiations between Heads of State and experts, the AU endorsed the creation of the Mixed Multinational Force. The mandate of the MMF was determined and its Concept of Operations (CONOPS) was validated. On October 20, 2015, the AU and the LCBC split their responsibilities in the Memorandum of Understanding, which specifies the role of the AU Commission and the LCBC Secretariat in the implementation of CONOPS.

The importance for the states to combine efforts in their fight against Boko Haram was recognized in the course of negotiations between the LCBC countries. Historical tensions between Cameroon and Nigeria and struggle for leadership between Chad and Nigeria have been impeding cooperation of intelligence and security services in the region. It should be specified that setting borders between Cameroon and Nigeria was

¹¹ Speech by HE Mr. Paul Biya, President of the Republic of Cameroon at the opening of the Extraordinary Summit of the Assembly of Heads of State and Government of the Peace and Security Council of Central Africa (COPAX), Yaoundé, February 16, 2015.

¹² Speech by President Idriss Deby at the opening of the 26th AU Summit on 30 January 2016.

a matter of an extended legal dispute covering the period between the Berlin Congress (1885) and the end of colonization (1960). To present day, the two countries have not entirely settled the dispute: violating the OAU charter and showing contempt for colonial agreements, the Nigerian army illegally occupies Cameroonian territory along the border [20].

Collaboration between the LCBC and the AU on peace and security issues has arguably been most dynamic in the area of peace operations [7]. However, Boko Haram took advantage of the disagreement between the two sides and expanded its range of action [16]. Only the urgency of the threat forced the states to overcome their antagonisms. President of the Republic, Paul Biya, insists on the global nature of the terrorist threat which, from his point of view, should therefore be the subject of a global response at the international level and particularly at the level of the African Union [15. P. 21]. There is a need to develop multi-sectoral approaches (security, governance, development) and multidimensional methods (prevention, protection, prosecution, response), associated with multi-actor diplomacy in order to come up with an adequate response to the insurgent aggression. The approach must be holistic, and all dimensions of the fight against terrorism must be tackled.

Besides the spike in terrorist activities, another major problem facing Africa these days is HIV / AIDS pandemics. The current HIV / AIDS situation in Cameroon remains a concern, despite numerous preventive measures undertaken by the government, international partners and civil society. Over the past several years, the number of educational and awareness-raising activities aimed at informing the public about ways of preventing the disease and treating HIV-positive people has increased.

Although calculating HIV spread rates proved to be a methodological challenge, Minister of Public Health of Cameroon André Mama Fouda reviewed available findings in the progress of the disease on the territory of the country. According to the review, in 2011, almost 60% of Cameroon's 570,000 HIV-positive people were female. In addition, 70% of newly infected victims were in the age range of 15—24. The most affected areas of the country proved to be the north-west and the east with respective prevalence rates of 8.7% and 8.3% (the national average is 5.1%). The least affected regions were the far north (with 1.7%) and the north (with 2%). The effects of HIV and AIDS pose a significant threat to Africa's GDP growth and, consequently, to the continent's exports and imports.

At the 19th Summit of the African Union in Addis Ababa, Ethiopia, in July 2012¹³, African Heads of State and Government adopted a road map for dealing with the HIV/AIDS outbreaks. The plan, developed by the African Union Commission and the NEPAD Planning and Coordination Agency with the support of UNAIDS, has set a new course for the continent's responses to the most serious pandemics. "This Roadmap is a major step forward for our responses to AIDS, tuberculosis and malaria", said Thomas Yayi Boni, President of the African Union and former President of Benin. According to Boni, "it [the Roadmap] will enable us [the AU] to implement solutions initiated

¹³ The African Union adopts a new roadmap to accelerate progress in the response to HIV, tuberculosis and malaria. 16.06.2012. Available from: www.unaids.org. Accessed: 10.08.1018.

by Africa reflecting the dynamism and the potential of our continent, by producing pharmaceuticals locally, for example”. “Together, we will invest in the future”, said the AU President.

Organized around three strategic lines, namely health governance, diversified financing and access to medicines, the Roadmap proposes a number of actual solutions to provide sustainable responses to AIDS, tuberculosis and malaria. It sets out the objectives, expected results, roles and responsibilities for the period of three years (by 2015). “This Roadmap an engine for solutions of African origin”, said Ibrahim Mayaki, Executive Secretary of the NEPAD Agency. “Together we must support African leaders to implement it [the Roadmap]. This implies new partnerships, new funding mechanisms and new approaches to strengthen sustainable African institutions”, stated Mayaki. As Michel Sidibé, Executive Director of UNAIDS, noted, “The vision of shared responsibility and global solidarity of the AIDS Observatory in Africa is radically different from traditional approaches”. He also called on all African leaders to implement the Roadmap without delay and appealed to all development partners to stand behind them “in a spirit of solidarity and mutual accountability”.

Following the outbreak of Ebola hemorrhagic fever in 2014¹⁴, the AU convened its 24th Summit of Heads of State and Government in Addis Ababa in 2015. Cameroon proposed a budgeted operational plan that was presented to all sectors and financial partners. This plan was in line with the WHO’s recently prepared checklist. The goal was achieved with the support of the United Nations Emergency Response Mission to Ebola (UNERME)¹⁵, based in Ghana. UNERME provides assistance to the affected countries and initiates preventative measures in non-affected countries, such as Cameroon.

CONCLUSION

Cameroonian diplomacy of military intervention in Africa depends on which countries are involved in the conflict: the African Union (AU) member countries, the Central African Economic and Monetary Community (CEMAC) states, or its immediate neighbors in the Economic Community of West African States (ECOWAS). In the security field, various actions have been carried out and significant results have been achieved. Under the aegis of the African Union, the African states united their counter-terrorism efforts and increased security cooperation networks. However, the effectiveness of all these initiatives is diminished by the lack of a strategic framework setting guidelines for actions and resolving the internal conflicts within the pan-African institution.

¹⁴ Since the outbreak of the epidemic in March 2014 in Guinea, the World Health Organization (WHO), represented by its Director General, has registered 2,489 deaths out of a total of 4,985 people infected. “It’s not just an epidemic. This is not just a public health crisis. It is a social, humanitarian, economic crisis and a threat to national security that goes far beyond the affected areas”, said Margaret Chan, Director-General of WHO. United Nations, New York, 2014.

¹⁵ In the face of one of the worst epidemics the world has known, the UN Secretary-General proposed creation of a United Nations Emergency Response Mission to Ebola (UNERME). United Nations, New York, NY, 2014.

As for Cameroon, it is rarely on the side of its fellow AU member states, when important decisions affecting the whole continent are being made. Paul Biya was expected at the 14th Summit of Heads of State and Government of the African Union, however, he did not show [17]. Nevertheless, Cameroonian President's and other leaders' devotion to the fight against terrorism is visible, and their desire to achieve the ideal of "pacified and secure Africa", expressed in the African Union Agenda 2063, is evident. African Heads of State have realized the urgency of strengthening security on the continent and adopted new principles of the rule of law and maintenance of peace. Naturally, history does not evolve in a straight line: coups, civil wars, regional conflicts will not disappear at the drop of a hat. However, the goal is clear: to find African solutions to African problems (Zorgbibe, 2013); although the African Union's dependence on its financial partners considerably reduces its readiness to act, giving little room for maneuver. Once the AU's challenging financial situation is resolved, reducing its dependence on partners and donors, it will get some leeway in managing its own security crises [4].

Finally, for decades, powers outside the African continent (the United States, the USSR, France, Great Britain, and Portugal) played the role of "African sovereigns" and imposed their solutions (diplomatic or military) on Africans. Caught up in the Cold War, global nations depended on the evolution of relations between the two superpowers: the US and the USSR [13]. However, over the past decade, the African Union has been working to build peace on the continent independently. The Peace and Security Council, the Commission, the Council of Elders, the Early Warning System and the African Standby Force are all results of its work [5]. While Cameroon's fight against the Islamist group Boko Haram is dragging on, all major decisions are being made by the UN forces. The African Union still experiences difficulties in conducting peacekeeping operations on its own due to the lack of financing and both basic and logistical resources. To become 'its own boss', the AU needs to step up its responsibility and work unanimously towards establishing security in African countries.

REFERENCES

- [1] A Remarkable Cameroonian Participation in the Maintenance of Peace in the World. *Daily Le Jour*. 17.01.2015 (In Fr.).
- [2] Abdoulaye B. Africanization of Conflict Resolution: Myth or Reality? The Case of African Mediations in Francophone West Africa (2000—2010). *International Perspectives*. 2013; 3: 70—88.
- [3] Ahidjo A. *The Time of Control of the National Development*. Dakar: New African Editions; 1981.
- [4] Assanvo W. Terrorist Threat in West Africa: State of National, Regional and International Responses. *OVIDA*. September 2012.
- [5] Balde H. The African Union Must Give Preference to the Prevention of Armed Conflicts. *Institute for Research and Education on Peace*. NAP; 2013; 4—5.
- [6] Battistella D. *Theories of International Relations*. Paris: Press Po Science, 2nd edition; 2006. 588 p. (In Fr.).
- [7] Boutellis A., Williams P-D. Peace Operations, the African Union, and the United Nations: Toward More Effective Partnerships. *The International Peace Institute*. April; 2003: 1—21.
- [8] Cameroon: Paul Biya Laureate of the UPA Prize for the Peaceful Resolution of Conflicts. *Cameroon Tribune*. 09.06.2014.

- [9] Djijazet Mbou Mbogning S. *Access to Justice in Cameroon*. Paris: L'Harmattan; 2005. 314 p. (In Fr.).
- [10] Ebang Mve U-N. *The Legal Framework of Mining in Cameroon*. Yaoundé: L'Harmattan-Cameroun; 2005. 442 p. (In Fr.).
- [11] Ewangué J-L. (Dir). *Geopolitical Stakes in Central Africa*. Paris: L'Harmattan; 2009. 426 p. (In Fr.).
- [12] Hampton D. Creating Sustainable Peacekeeping Capability in Africa. *Africa Security Brief*. 2004; 27 (April 30).
- [13] Kouassi Y. Mediation as a Means of Prevention and Limitation of Possible Slippages. *Fraternité Matin*. 2004; July.
- [14] Nkalwo Ngoula J-L. *The African Union Confronted with Terrorism: Strengths and Challenges of African Security Policy*. Fact Sheet, Cameroon, April 2016.
- [15] Nkoti F. *The Political Year in Cameroon (2015)*. Yaoundé: L'Harmattan-Cameroun; 2015. 254 p.
- [16] Opihia M.L. Central Africa Flaming: For a Geopolitical Regional Pacification. Ango Ela Paul (ed.). *Conflict Prevention in Central Africa for a Culture of Peace*. Paris: Karthala; 2001.
- [17] Pigeaud F. *In Cameroon of Paul Biya*. Paris: Karthala; 2011. 274 p.
- [18] Roche J-J. *International Relations. 2nd edition*. Paris: LGDJ EJA; 2001. 388 p. (In Fr.).
- [19] The African Union in the Face of Crises. *Le Monde Afrique*. 29.01.2015. (In Fr.).
- [20] Tshinanga Ngelu P. *Application of the Principle of Intangibility of African Borders by Member States of the African Union as a Strategy for Peace and Stability in Africa*. Saint-Denis: Connaissances et Savoirs; 2017. 503 p. (In Fr.).
- [21] Zaki L. *Geopolitics of Meaning*. Paris: Desclée de Brouwer; 1998. 373 p. (In Fr.).
- [22] Zorgbibe C. *Peace and Wars in Africa: The Paths of the African Union*. Paris: Bourin; 2010. 355p. (In Fr.).

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-1-78-89

ВКЛАД КАМЕРУНА В ПЛАН БЕЗОПАСНОСТИ АФРИКАНСКОГО СОЮЗА (2000—2018 ГОДЫ)

Ж.К. Кума

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье рассматривается вопрос о том, каким образом региональный подход к решению текущих угроз безопасности может способствовать укреплению безопасности и стабильности в Камеруне и Африке в целом. Проблема таких государств, как Камерун, заключается в том, что они больше не в состоянии выполнять некоторые из своих официальных функций и, следовательно, бессильны противостоять новым угрозам национальной и региональной безопасности. Некоторые из этих угроз носят временный характер, однако другие опасности, такие, как рост нищеты или ухудшение состояния окружающей среды, имеют хронический характер. Поэтому африканским странам необходимо предпринимать активные усилия по укреплению региональных структур. Автор представляет свой подход к обоснованию актуальности сотрудничества, особенно в сфере безопасности, и рассматривает его с точки зрения институциональной теории. Опираясь на анархическую концепцию мира, аналогичную реалистической концепции, институционалисты видят роль межгосударственного сотрудничества в уменьшении неопределенности и недоверия между государствами. Поскольку конфронтация и борьба за власть приводят лишь к ситуации постоянной

неопределенности, государства должны изыскивать оптимальные пути снижения этой нестабильности путем создания институциональных структур, общих правил и стандартов в целях дальнейшего регулирования их сосуществования и взаимодействия. Однако эволюция международных отношений от одностороннего подхода к системе стабильных союзов возможна лишь в том случае, если сотрудничество будет более выгодным, чем односторонний подход. Иными словами, решение Камеруна интегрироваться в коллективные структуры и придерживаться ряда принципов и правил в первую очередь отвечает его национальным интересам.

Ключевые слова: Камерун, Африканский Союз, сотрудничество, безопасность, терроризм, мир

Сведения об авторе:

Жан Коттен Кума — аспирант кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов (ORCID ID: 0000-0001-5717-3023) (e-mail: cottingelin@yahoo.fr).

Information about the author:

Jean Cottin Kouma — PhD Student of the Department of Comparative Politics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Russian Federation) (ORCID: 0000-0001-5717-3023) (e-mail: cottingelin@yahoo.fr).

Статья поступила в редакцию 27.08.2018.

Received 27.08.2018.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-1-90-98

РОССИЙСКАЯ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ НАЧАЛА XXI ВЕКА

С.Ю. Белоконев, В.В. Титов, З.Р. Усманова

Финансовый университет при Правительстве РФ
Ленинградский проспект, 49, Москва, Россия, 125993

Авторы формулируют определение национально-государственной идентичности, под которой понимается макрополитический конструкт, опосредующий образ «нас» — «воображаемого сообщества» в различных его измерениях (ценностном, темпоральном, пространственном, символическом), поддерживаемый институтами государства и политико-культурной традицией государственности. В статье особое внимание уделяется четырем системным вызовам российской национально-государственной идентичности. Первый — внутриполитический вызов — связан с издержками и противоречиями институциональной организации государственной «политики идентичности» в современной России. Второй вызов российской национально-государственной идентичности обусловлен информационной глобализацией и, как следствие, кардинальным изменением информационно-политического ландшафта российского общества. Третий вызов детерминирован аморфностью коллективного образа будущего в политическом сознании российских граждан. Четвертый вызов, адресованный российской национально-государственной идентичности, носит геополитический характер и связан с войнами памяти, активно развернувшимися на постсоветском пространстве в 2000—2010-е гг. Авторы делают вывод, что эффективным «ответом» на вызовы, адресованные российской национально-государственной идентичности, могла бы стать комплексная государственная «политика идентичности». Такая политика может быть охарактеризована как долгосрочная стратегия формирования конвенциональной общероссийской идентификационной «матрицы» через выстраивание и продвижение в социальном пространстве сбалансированного, внутренне непротиворечивого образа «нас» и комплекса связанных с ним социально-политических представлений, установок и ценностей.

Ключевые слова: национально-государственная идентичность, образ «нас», «политика идентичности», политические вызовы, глобализация, образ будущего

Российская национально-государственная идентичность, особенности и факторы ее формирования, являются одной из наиболее обсуждаемых тем в отечественном политологическом сообществе. «Дискурс идентичности» в современной политической науке отличается внутренней противоречивостью и многообразием точек зрения. Опираясь на исследования зарубежных и отечественных ученых (как политологов, так и представителей других сфер социогуманитарного знания), мы можем определить национально-государственную идентичность как макропо-

литический конструкт, опосредующий образ «нас» — «воображаемого сообщества» в различных его измерениях (ценностном, темпоральном, пространственном, символическом), поддерживаемый институтами государства и политико-культурной традицией государственности [2; 4; 6; 7; 9].

При этом необходимо учитывать, что существенный потенциал для осмысления национально-государственной идентичности открывает конфигуративный подход, основанный на сочетании классического структурно-функционального анализа и современных проблемно-ориентированных теорий, позволяющих проанализировать в том числе «политику идентичности» как стратегическую деятельность государственных институтов по формированию коллективного национально-государственного образа «нас» (содержащихся в нем представлений, установок, стереотипов, символов) в массовом сознании россиян. Такая целенаправленная трансформация обеспечивается через воздействие на ключевые сферы социума: политическую, культурно-образовательную, информационную.

Таким образом, национально-государственная идентичность может быть представлена в двух ракурсах: как результат — состояние массового сознания, и как конструкт — результат синтезного конструирования, как вертикального, посредством институтов и ресурсов системы государственного управления, так и горизонтального, через сетевые обмены, в процессе функционирования разнообразных «пространств повседневности» [7. С. 25—26].

Анализируя вызовы, вырисовывающиеся перед российской национально-государственной идентичностью, следует говорить не только о «глобальном контексте», о планетарных политических, социально-экономических, культурных трендах, но и о внутренней логике развития российской политической системы. То есть необходимо помнить и о тех многочисленных политико-управленческих издержках и «нюансах», которые потенциально способны привести к частичной дестабилизации институциональных оснований российской государственности уже в среднесрочной (до 2025 г.) перспективе.

Говоря о вызовах, прежде всего, следует упомянуть *институциональные издержки организации политической системы современной России*, среди которых наиболее заметны идущие «в связке» сужение «горизонтов политического планирования» (сегодня «точкой», в которую упираются многочисленные прогнозы, концепции, инициативы, фактически выступает 2024 год) и отсутствие стратегических приоритетов «политики идентичности» на общероссийском уровне. Иными словами, осознаваемая и научным сообществом, и российскими политическими элитами необходимость целенаправленного формирования общенациональной идентичности не трансформируется в государственную политику, которая носила бы стратегический характер.

Тем не менее, важно отметить, что, несмотря на отсутствие государственной «политики идентичности» как выстроенной системы, в современной России во второй половине 2000-х — середине 2010-х гг. был предпринят ряд шагов, направленных на формирование символического пространства российской национально-государственной идентичности. Прежде всего, речь идет о «символической политике праздников»: реактуализации Дня Победы как символа общенациональ-

ного «позитивного прошлого» (акции «Я помню, я горжусь» и «Бессмертный полк»). Произошло ритуально-символическое «наполнение» Дня народного единства, который в конце 2000-х гг. был «перехвачен» националистами (на определенное время его главным элементом стал «русский марш») [5. С. 163—166]. Параллельно была предпринята попытка выработать некое подобие государственной стратегии в сфере исторического образования и «политики памяти», что сопровождалось новым всплеском дискуссий по поводу необходимости «единого учебника» российской истории.

Важно подчеркнуть, что указанные выше инициативы и нововведения, при всей их политической значимости, все же не могут рассматриваться как проявления целостной, долгосрочной стратегии формирования общероссийской национально-государственной идентичности.

Второй вызов российской национально-государственной идентичности связан с информационной глобализацией и, как следствие, кардинальным изменением информационно-политического ландшафта российского общества. В отечественном социогуманитарном знании 2000—2010-х гг. сложилось устойчивое понимание, что одной из определяющих тенденций развития современной России является «интернетизация» социальной реальности, активное развитие новых медиа, прежде всего социальных сетей, формирование внутренне фрагментированной политической культуры «виртуальности», подвижного и во многом конфликтного пространства социально-политических ценностей, смыслов и символов [7. С. 122—124]. В этой ситуации значимость «вертикальной» политической коммуникации (осуществляемой, прежде всего, посредством ведущих общедеревальных ТВ-медиа) снижается, все более востребованы «горизонтальные», сетевые форматы распространения социально-политической информации.

Такая противоречивая ситуация неизбежно порождает вопрос: *способна ли действующая российская власть реализовывать «политику идентичности» в условиях новой информационно-психологической реальности?*

Представляется, что указанный вопрос содержит в себе, как минимум, два взаимосвязанных аспекта.

Во-первых, особого внимания заслуживает конкурентный характер социально-политического пространства Рунета, который вытекает из внутренней логики функционирования глобальной сети: «виртуальная» политическая реальность в сегодняшней России — пример серьезной идеологической и ценностно-смысловой дифференциации российского общества, что неизбежно порождает латентные и открытые идейно-политические конфликты, периодические обостряющиеся и выходящие за пределы политической сферы Рунета. Вместе с тем следует учитывать, что те или иные дискуссии, связанные с рефлексией российской идентичности «в Сети», сегодня носят преимущественно периферийный характер и часто далеки от текущей политической повестки дня. Всплеск подобных обсуждений, как правило, связан или с «круглыми датами» (100-летие Октябрьской революции, 100 лет со дня убийства Николая II и его семьи и т.д.), или с «войнами памяти» на постсоветском пространстве (прежде всего российско-украинскими публичными конфликтами «по поводу» истории Древней Руси, оценок советского

периода). В этих условиях перед действующей российской властью вырисовывается двуединая задача: с одной стороны, катализировать процессы осмысления общенационального прошлого и становления гражданской модели российской идентичности; с другой — найти приемлемые, эффективные форматы взаимодействия с неоднородной интернет-аудиторией в условиях преобладания «клипового» и «серийного» мышления среди различных социальных групп «юзеров».

Во-вторых, необходимо учитывать, что информационное пространство сегодняшней России — классическая иллюстрация масштабного «цифрового разрыва» в различных его измерениях. Причем линии «медийного» размежевания («юзеры» VS ТВ-аудитория) во многом соответствуют возрастным (молодежь и средний возраст VS «старшее поколение») и политическим «водоразделам» современного российского социума.

В этой ситуации перед властью в процессе реализации «политики идентичности» обозначается еще одна системная задача, связанная с преодолением политического абсентеизма значительной части интернет-пользователей, их безразлично-скептического (и отчасти негативного) отношения к всевозможным политическим инициативам «сверху» [5]. В этих условиях государство оказывается во многом обречено на «догоняющие» стратегии собственного позиционирования в новой информационной реальности, что естественным образом сужает возможности действующей власти для реализации стратегий формирования национально-государственной идентичности в долгосрочной перспективе (2020—2030-х гг.).

Третий вызов, достаточно рельефно обозначившийся перед «матрицей» российской национально-государственной идентичности, связан с *аморфностью общенационального «образа будущего»*, обозначенным выше вызовом со стороны новой «виртуальной реальности», в условиях наступления которой «образ будущего» оказывается априори пластичным, неустойчивым и подверженным социальной конъюнктуре (направленность которой носит преимущественно негативный, «катастрофический» характер и задается современными медиа). Следствие формирования такой социально-информационной «картины мира» — всеобъемлющий кризис идентичности. Речь идет о деформации как первичных, индивидуализированных ее структур (человеческого «Я» во множестве его проекций: от сексуальной до цивилизационной), так и коллективного «мы», комплексных представлений людей о «своих» нации и государстве.

Представляется, что главное последствие фактического отсутствия у существенной части российского общества национально-государственного «образа будущего» — не только желание жить «здесь и сейчас», но и гипертрофированная потребность в стабильности как главной политической ценности [5. С. 44—47]. «Стабильность» в этом случае — не индикатор социального и политического благополучия, доверия к власти и удовлетворенности качеством государственного управления, а эмоциональный импульс, связанный со своеобразным (часто до конца не осознаваемым и публично не артикулируемым) желанием «остановить политическое время», психологически «заморозить» текущую политическую ситуацию во избежание реализации многочисленных негативных социально-политических сценариев. Обратная сторона отсутствия целостного образа будущего

у значительной части российских граждан — широко известный и активно обсуждаемый в экспертных кругах «запрос на перемены», императивом которого выступает принцип «по-другому», а не внятное понимание содержательной стороны необходимых изменений.

Четвертый вызов, адресованный российской национально-государственной идентичности, носит геополитический характер и связан с войнами памяти, активно развернувшимися на постсоветском пространстве в 2000—2010-е гг. Их всплеск был обусловлен целым рядом социально-экономических и политических причин. Прежде всего, можно заметить, что в 1990-е гг. политические элиты бывших постсоветских республик (пожалуй, за исключением стран Прибалтики) были в большей степени озабочены внутренней политической «повесткой дня», разделом постсоветского «наследства» в его материальном, а не историко-символическом измерении. В тот период обращение к общей истории ограничивалось традиционной критикой «советского тоталитаризма», рассматриваемой в качестве веского основания легитимности постсоветских государств.

Ситуация серьезно изменилась в середине первого десятилетия XXI века, когда ряд постсоветских республик вышли из «парадигмы выживания». Одновременно на политической арене этих стран появились новые поколения (в том числе и поколения политических элит), произошли «цветные революции», которые поставили на повестку дня вопрос переосмысления прошлого именно в контексте исторического и ценностно-символического разрыва с Россией (а не только с советскими символами).

На наш взгляд, своеобразной точкой отсчета, ознаменовавшей резкий всплеск «войн памяти», серию целенаправленных исторических атак на Россию и российскую национальную идентичность, явился первый украинский «майдан» 2004—2005 гг.

Многочисленные кейсы российско-украинских конфликтов «по поводу прошлого» являются показательными с точки зрения понимания того, как расширялся список исторических претензий украинского «политикума» к России. Если в 2005—2009 гг. лейтмотивом этих претензий явился так называемый «Голодомор» и моральная ответственность современной Российской Федерации как правопреемника СССР, то сегодня пространство атак на российскую идентичность существенно расширилось. Украинские политики не только говорят о тотальном разрыве с исторической «ордой» (как они понимают Россию), но и целенаправленно наполняют информационное пространство недостоверным историческим «контентом», попутно выдвигая очевидно безосновательные обвинения в «фальсификации истории» в адрес России. Характерный пример — недавние обвинения в том, что Россия «присвоила» историю Украины-Руси и параллельные размышления об ошибке киевских князей, которые «опрометчиво основали Москву» [1; 3].

По нашему мнению, опасность подобных сценариев для российской идентичности состоит в следующем: официальная Москва, будучи втянутой в конъюнктурные политические дискуссии, вынуждена выступать в психологически уязвимой для себя роли «оправдывающейся» не только за отдельные исторические события, но и за сам факт своего исторического существования. Следствием такой эмоциональной «оправдательной» стратегии является как дальнейшая всеобъем-

люющая негативизация внешнеполитического образа России («империя зла»), в том числе и среди жителей республик бывшего СССР, так и внутренний кризис исторической памяти, нарастающее стремление оценивать собственное прошлое исключительно сквозь призму конфликта с многочисленными внешними «врагами»: и коллективным Западом, и бывшими «братскими народами».

Вместе с тем необходимо учитывать, что российско-украинские противоречия по поводу прошлого представляют собой *наиболее радикальный вариант «войн памяти»* на постсоветском пространстве (когда обе стороны фактически отказывают друг другу в «историческом праве» на собственную национально-государственную идентичность).

Не меньшую тревогу должны вызывать и «плавные» попытки *избавления от элементов российской культуры*, ставшие системным звеном государственной политики постсоветских государств, включая наиболее «близкие» современной России Белоруссию и Казахстан.

Указанная политика реализуется, прежде всего, в образовательной и культурной сферах (переход Казахстана на латиницу, позитивная переоценка роли Великого княжества Литовского как прародины нынешней белорусской государственности), а также в области символической политики, направленной на размежевание с позитивными образами совместного прошлого [8].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ указанных выше социально-политических вызовов, стоящих перед российским обществом и государством, *позволяет говорить о необходимости выработки и реализации полномасштабной государственной политики формирования российской национально-государственной идентичности («политики идентичности»)*, которая носила бы интегративный характер и отвечала новым информационным и геополитическим реалиями начала XXI в.

Опираясь на разработки зарубежных и российских ученых, можно определить «*политику идентичности»* как *долгосрочную стратегию формирования определенной модели коллективной идентичности через выстраивание и информационное продвижение в социальном пространстве целостного, сбалансированного, внутренне непротиворечивого образа «нас» и комплекса связанных с ним социально-политических образов, установок, ценностей.*

Ведущим, но далеко не монопольным субъектом такого целенаправленного стратегического процесса в современных условиях (в том случае, если речь идет о национально-государственной идентичности) выступает политическое «государство», активно взаимодействующее с иными агентами социализации и акторами политического процесса: негосударственными организациями, социальными медиа, местными сообществами.

Представляется, что концептуализация и последующая реализация «политики идентичности» как широкого, внутренне целостного комплекса стратегических политико-управленческих функций и задач является наиболее эффективным «ответом» на многочисленные вызовы, стоящие перед российской государственностью и российской национально-государственной идентичностью в начале третьего тысячелетия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] «Киевские князья опрометчиво основали Москву» // Интернет-издание «Рамблер». 19.04.2018. Режим доступа: <https://news.rambler.ru/ukraine/39663394-kievskie-knyazyu-oprometchivo-osnovali-moskvu/>. Дата обращения: 21.07.2018.
- [2] *Малинова О.Ю.* Политическое использование прошлого как инструмент символической политики: эволюция дискурса властвующей элиты в постсоветской России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2012. № 8. С. 179—204.
- [3] *Порошенко обвинил Россию в присвоении украинской истории* // Интернет-издание «Интерфакс.Ру». 08.11.2016. Режим доступа: <http://www.interfax.ru/world/536153>. Дата обращения: 23.07.2018.
- [4] *Самсонова Т.Н.* О гражданском воспитании в условиях институциональных изменений в современной России // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2012. № 2. С. 37—51.
- [5] *Самсонова Т.Н., Титов В.В.* К вопросу о становлении национально-гражданской идентичности российской молодежи в условиях глобальных социокультурных трансформаций начала XXI века // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2017. Т. 23. № 3. С. 156—173.
- [6] *Семененко И.С.* Нация, национализм, национальная идентичность: новые ракурсы научного дискурса // *Мировая экономика и международные отношения*. 2015. № 11. С. 91—102.
- [7] *Титов В.В.* Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции. М.: Ваш формат, 2017. 184 с.
- [8] *Фахрутдинов Р.* «Кому-то не придется в России»: Лукашенко рассказал о войне // Интернет-издание «Газета.ру». 03.06.2018. Режим доступа: https://www.gazeta.ru/politics/2018/06/03_a_11785063.shtml. Дата обращения: 23.07.2018.
- [9] *Хантингтон С.* Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: Транзиткнига, 2004. 635 с.

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-1-90-98

RUSSIAN NATIONAL-STATE IDENTITY: FACING CHALLENGES OF THE EARLY 21ST CENTURY

S.Yu. Belokonev, V.V. Titov, Z.R. Usmanova

Financial University under the Government of the Russian Federation
Leningradskiy prosp., 49, 125993, Moscow, Russian Federation

Abstract. The authors offer their definition of national-state identity: a macro-political construct that projects the image of “us” (an “imaginary community”) to various dimensions (value-based, temporal, spatial, and symbolic). This image is supported by state institutions as well as the political and cultural tradition of national sovereignty. In the article, special attention is paid to the four systemic challenges of the Russian national-state identity. The first challenge — internal political — stems from the costs and contradictions of the institutional organization of state identity policy in modern Russia. The second national identity challenge is due to information globalization and, as a result, a drastic change in the information and political landscape of Russian society. The third challenge is determined by weakness and vagueness of the collective image of the future in the political consciousness of Russian citizens. The fourth Russian identity challenge is geopolitical in nature and is associated with memory wars, which actively unfolded

in the post-Soviet space in the 2000s—2010s. The authors conclude that an effective response to the Russian national-state identity challenges could be a complex state identity policy. This policy can be described as a long-term strategy for the formation of a conventional all-Russian identity “matrix” through building and promotion of a balanced, internally consistent image of “us” and a set of social and political views, attitudes and values associated with it.

Key words: national-state identity, image of “us”, “politic of identity”, political challenges, globalization, image of future

REFERENCES

- [1] “Kiev Princes should have thought twice before founding Moscow”. *Rambler.ru*. 19.04.2018. Available from: <https://news.rambler.ru/ukraine/39663394-kievskie-knyazyia-oprometchivo-osnovali-moskvu/>. Accessed: 01.12.2018 (In Russ.).
- [2] Malinova O.Y. Political Use of the Past as a Symbolic Policy Tool: Evolution of the Ruling Elite’s Discourse in Post-Soviet Russia. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*. 2012; 8: 179—204 (In Russ.).
- [3] Poroshenko Accused Russia of Appropriating Ukrainian History. *Interfax.ru*. 08.11.2016. Available from: <http://www.interfax.ru/world/536153>. Accessed: 01.12.2018 (In Russ.).
- [4] Samsonova T.N. On Civic Education under Current Institutional Changes in Modern Russia. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18: Sotsiologiya i politologiya*. 2012; 2: 37—51 (In Russ.).
- [5] Samsonova T.N., Titov V.V. On Formation of National-State Identity among Russian Youth in the Context of Global Social and Cultural Transformations of the 20th Century. *Vestnik moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya*. 2017; 3: 156—173 (In Russ.).
- [6] Semenenko I.S. Nation, Nationalism, National Identity: New Angles of Scientific Discourse. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyie otnosheniya*. 2015; 11: 91—102 (In Russ.).
- [7] Titov V.V. *Memory Policy and Building National-State Identity: Russian Experience and New Trends*. Moscow: Vash format; 2017. 184 p. (In Russ.).
- [8] Fahrutdinov R. “Someone cannot Sit Still in Russia”: Lukashenko Tells about the War. *Gazeta.ru*. 03.06.2018. Available from: https://www.gazeta.ru/politics/2018/06/03_a_11785063.shtml. Accessed: 01.12.2018 (In Russ.).
- [9] Huntington S. *Who Are We? American National Identity Challenges*. Moscow: Tranzitkniga; 2008. 640 p. (In Russ.).

Информация об авторах:

Белоконев Сергей Юрьевич — кандидат политических наук, руководитель департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации» (ORCID ID: 0000-0002-8028-7421) (e-mail: SYUBelokonev@fa.ru).

Титов Виктор Валериевич — кандидат политических наук, старший научный сотрудник департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (ORCID ID: 0000-0002-9518-2171) (e-mail: VVTitov@fa.ru).

Усманова Заира Романовна — кандидат политических наук, доцент департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (ORCID ID: 0000-0003-2307-9463) (e-mail: ZRUzmanova@fa.ru).

Information about the authors:

Sergey Yu. Belokonev — PhD in Political Science, Director of the Department of Politology and Mass Communication, Financial University under the Government of the Russian Federation (ORCID ID: 0000-0002-8028-7421) (e-mail: SYUBelokonev@fa.ru).

Viktor V. Titov — PhD in Political Science, Senior Research Scientist of the Department of Politology and Mass Communication, Financial University under the Government of the Russian Federation (ORCID ID: 0000-0002-9518-2171) (e-mail: VVTitov@fa.ru).

Zaira R. Usmanova — PhD in Political Science, Associate Professor of the Department of Politology and Mass Communication, Financial University under the Government of the Russian Federation (ORCID ID: 0000-0003-2307-9463) (e-mail: ZRUsmanova@fa.ru).

Статья поступила в редакцию 12.12.2018.

Received 12.12.2018.

© Белоконев С.Ю., Титов В.В., Усманова З.Р., 2019.

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-1-99-109

БОЛЬШОЕ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ В ДИСКУРСЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ И ЭКСПЕРТНО-АНАЛИТИЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ

И.А. Чихарев, О.В. Ярмак

Севастопольский государственный университет
ул. Университетская, 33, Севастополь, Россия, 299053

Статья посвящена анализу современных исследовательских тенденций и аналитических разработок, касающихся изучения Средиземноморья как многосоставного региона научными и экспертно-аналитическими структурами. Макрорегион Большого Средиземноморья на современной мировой арене выступает центром международной сетевой социальной, культурной и медийной коммуникации. В этой связи в научно-исследовательском поле возникает запрос на изучение специфики семантических потоков, дискурсивных стратегий ключевых аналитических центров в рамках макрорегиона, что в итоге позволит скорректировать модель функционирования «мягкой силы» России в данном пространстве. Авторы публикации акцентируют внимание на том, что современная Россия находится в позиции активного субъекта макрорегиона Большого Средиземноморья, и в этой связи присутствует геополитическая актуальность формирования влияния на процессы построения большого средиземноморского макрорегиона посредством «умного» воздействия России, продвижения ее образа как важного и конструктивного участника средиземноморских процессов.

Ключевые слова: макрорегион Большое Средиземноморье, «мягкая сила», «умное» влияние, международные коммуникации

Современный мир переживает фундаментальные и динамичные изменения, глубоко затрагивающие интересы Российской Федерации и ее граждан. В области национальных интересов и национальной безопасности стираются различия между внутренними и внешними акторами. В этих условиях одной из важнейших задач эффективного развития государств является обеспечение их конкурентоспособности и безопасности. На современном этапе традиционным военно-политическим союзам сложно обеспечить противодействие современным вызовам и угрозам. Им на смену приходит сетевая дипломатия, опирающаяся на гибкие формы участия в многосторонних структурах, на социальное и гражданское участие. Более интенсивными становятся процессы формирования и продвижения новых смыслов и ценностей через социальные медиа, активизируются информационное противодействие, культурная экспансия и другие формы неявного воздействия.

Динамика современных процессов обозначила актуальность макрорегионализации и глобализации с возрастанием значимости формирования больших регионов. Россия не находится вне подобных процессов, а наоборот, становится их активным субъектом. Российское государство способствовало формированию ряда факторов, влияющих на процессы построения большого средиземноморского макрорегиона как в геополитическом, так и в военном, дипломатическом, экономическом и социокультурном отношении.

Макрорегион Большого Средиземноморья является географическим, геополитическим, геоэкономическим и культурным пространством, находящемся между Черноморским регионом, Южной Европой, Ближним Востоком, Северной Африкой, Кавказом и бассейном Каспийского моря. По ряду причин данный регион является для России стратегически значимым, что подтверждается Концепцией внешней политики Российской Федерации 2000 и 2008 годов [6]. Кроме того, необходимо учитывать фактор возрастания региональных угроз, что усиливает значимость Большого Средиземноморья для России. Увеличение присутствия НАТО в этом регионе, возрастание военно-террористической угрозы, воссоединение Крыма с Россией изменили военно-стратегические, геополитические и дипломатические позиции России в регионе. В то же время актуализировалась задача в построении эффективной системы сетевого международного и транснационального в макрорегионе.

В Большом Средиземноморье исторически протекало и сейчас происходит большое количество территориальных конфликтов этнического, конфессионального и поликультурного характера, в которые вовлечены как государства, так и квазигосударственные и негосударственные субъекты. Тем не менее, Большое Средиземноморье остается, а сейчас эта функция стала еще более востребована, одним из мировых центров международной сетевой, социальной, культурной и медийной коммуникации.

Данная характеристика региона порождает запрос на изучение специфики информационных потоков стран региона, в частности, по критерию межгосударственного взаимодействия российского государства с ними; на осуществление сегментирования интернет- и медиапространства региона в зависимости от специфики образа России; на анализ информационных потоков сетевых сообществ региона, что в итоге позволит сконструировать многомерную коммуникационную «умную» модель «мягкой силы» России в регионе Большого Средиземноморья.

Знаковой работой в осмыслении Средиземноморья как единого макрорегиона является монография историка Ф. Броделя. Согласно Ф. Броделю единство Средиземноморья как региона предопределено хозяйственными и культурными связями его народов. Анализируя географические границы региона, он говорил о том, что они обусловлены существовавшими в начале XVII века морскими торговыми путями (Италия, Балканский полуостров, Малая Азия, Северная Африка, Иберийский полуостров), связанными «комплексом морей» Средиземноморья [1—3].

В современных зарубежных исследованиях средиземноморского региона доминирует конструктивистский подход, базирующийся на констатации высокой степени гетерогенности региона и асимметричности отношений между его Северным (или Евро-Средиземноморским) и Южным субрегионами, что предопределяет сложности в выработке общеевропейской стратегии безопасности и внешнеполитического курса. Данные проблемы исследуются в работах Б. Кроуфорда (B. Crawford), А. Алибони (A. Aliboni), Ф. Теннера (F. Tapper) и др. [14; 16; 17].

Сегодня Средиземноморье как многосоставной регион исследуется в Европе и США рядом научных и экспертно-аналитических структур.

Наиболее заметной является экспертный форум высокого уровня «Средиземноморские диалоги», ежегодно проводимый в Риме. Форум включает в себя ряд форматов, в том числе «Специальный диалог». На проходившей в ноябре 2018 г. сессии «Диалогов» в рамках этого формата выступил глава МИД РФ С.В. Лавров. Одновременно в Крыму Президент России Владимир Путин провел заседание Госсовета Российской Федерации. Такой «аккорд» безусловно свидетельствует о готовности России к роли ключевой средиземноморской державы и растущем признании этой роли в макрорегионе. Напомним, что «хозяйка» форума — Италия — на сегодняшний момент является наиболее активным средиземноморским игроком, инициировав «средиземноморское измерение» в деятельности ОБСЕ и проведя в Палермо важную конференцию по урегулированию в Ливии. Представители Правительства Италии неоднократно заявляли о российской принадлежности Крыма и желательности отмены санкций.

Главные месседжи С. Лаврова известны — верховенство международного права, суверенное равенство государств. Но применительно к региону Большого Средиземноморья и роли России в нем они имеют специальный смысл. Россия — не только *power broker*, по хлесткому выражению Андрея Кортунова, написавшего эссе с таким названием для сборника, вышедшего к форуму, — Россия — «нормативная держава», строящая свою внешнюю политику в регионе на праве и традиционных ценностях (в самом начале своего вступления Лавров выразил озабоченность снижением влияния христианства в Средиземноморье) [15].

Ключевые пункты выступления по странам, естественно, Сирия, Ливия, Палестина. Тематику Крыма глава МИД РФ обошел стороной, но в своей привычной манере сделал изящный намек, посетовав на вступление балканских государств в НАТО без референдума.

Напротив, ярлык «интервента» министр удачно переклеивает на автора «Европейской инициативы по вмешательству» — Францию, по-видимому вынашивающую планы «силовой хирургии» в Африке.

Интересные ремарки Лаврова коснулись темы СМИ. Кстати, в вводной реплике, не вошедшей в транскрипт речи на сайте МИД, Лавров говорит, что российские СМИ в Европе не жалуют, поэтому придется говорить по-английски. Но в наибольшей степени глава российского внешнеполитического ведомства озабочен попытками избирательно запрещать часть СМИ под предлогом обеспечения международной безопасности. Лаврова явно смущает ограничение информационного влияния России в регионе, которое не соответствует ее новой роли в политических процессах Средиземноморья [4].

Крупнейшим исследовательским центром, охватывающим практически всю средиземноморскую повестку, является Европейский институт Средиземноморья (IEMed, Барселона, Испания/Каталония). В текущих исследованиях данной «фабрики мысли», несмотря на евроцентричный фокус, является глубокий скепсис относительно роли ЕС в регионе. Так, в издаваемом институтом ежегоднике за 2018 год в разделе «Европа и Средиземноморье» представлены в основном критические по отношению к евроинтеграционному проекту статьи.

В сфере внимания института в качестве ключевых проблемных вопросов — миграция, сектантство и «политика ненависти» в регионе, религиозные конфликты, терроризм и экстремизм. Институт ежегодно публикует аналитику практически по всем странам и всем сферам жизни региона. В ежегоднике IEMed за 2018 год также представлена статья бывшего посла Испании в России и Китае Е. Бреголата «Россия в Средиземноморье и Европе», в которой автор отмечает, что «за последние годы Россия Путина сумела значительно усилить свои геостратегические позиции в восточном Средиземноморье в рамках своих амбиций продолжить играть роль великой державы». Кроме того, эксперт явно опасается альянса России и Китая в регионе — как в геостратегическом, так и в геоэкономическом планах [10].

Одной из основных и давно функционирующих (зарегистрирована в 1994 году) подобных структур является Ассоциация средиземноморских исследований (MSA, USA), которая осуществляет исследования средиземноморского региона по ряду направлений, в первую очередь в сфере анализа ценностей, идей, смыслов и трендов средиземноморских культур от античности до современности и их влияния за пределами этих географических и временных границ [11].

Большой структурированной организацией, работающей в области изучения средиземноморского региона, выступает Международный исследовательский центр «Средиземноморское знание» (International Centre for Studies and Research «Mediterranean Knowledge», Университет Салерно, Италия). Деятельность Центра направлена на интеграцию исследовательских групп и международных, национальных и региональных организаций, занимающихся анализом Средиземноморского бассейна, создание инструментов для осуществления положительного влияния на европеизацию и позитивное восприятие Европы гражданами средиземноморского региона [12].

Отдельной научной платформой в области средиземноморских исследований и инноваций является MedSpring, которая, по сути, выступает с 2013 года диалоговой площадкой, способствующей научному и технологическому сотрудничеству между средиземноморскими партнерами и европейскими странами. Основная цель данного проекта состоит в повышении качества исследований региона Евро-Средиземноморье с учетом особого внимания двухрегиональному евро-средиземноморскому научно-техническому сотрудничеству, инновациям, политическому диалогу и мониторингу сотрудничества. В сети MedSpring участвуют 28 партнеров, где аккумулируются и анализируются мнения экспертов, политических технологов и заинтересованных лиц, стремящихся к объединению сферы политики и научных исследований [8]. Работа MedSpring направлена на сотрудничество в рамках формата ЕС — Евро-Средиземноморье — партнеры, в частности, в рамках таких направлений, как энергетика, высококачественное доступное питание и нехватка ресурсов.

Новые стратегические аспекты Восточного Средиземноморья изучает Средиземноморский институт региональных исследований (Mediterranean Institute for Regional Studies (MIRS), Ирак).

MIRS занимается подготовкой предложений и рекомендаций региональному правительству Курдистана и работает над поиском эффективных механизмов в области государственной политики для улучшения энергетического сектора и его преимуществ для региона [9]. Примечательным в возникновении данной исследовательской структуры является то, что впервые после распада Византийской империи Восточное Средиземноморье находится в центре исследовательского ракурса.

Базовой платформой создания MIRS выступает идея о том, что в средиземноморском регионе представлены все необходимые атрибуты для функционирования в качестве отдельной субрегиональной системы на международной арене XXI века, а именно:

— современным Восточным Средиземноморьем интересуются три мировые державы (США, Россия и Китай);

— в нем выделяются региональные державы, существенно влияющие на социально-политическую повестку региона;

— в нем действует система международной дипломатии, создающая прочные связи между государствами, которые выходят далеко за рамки нормативных альянсов;

— в регионе продолжаются гражданские войны, в которых задействованы региональные и мировые державы;

— существуют два основных бассейна с потенциальными природными газовыми ресурсами, которые могут сыграть решающую роль в сложный переходный период от монополии на энергию к альтернативным энергетическим ресурсам (бассейн реки Нил и бассейн Леванта).

По мнению экспертов MIRS, сегодня Восточное Средиземноморье может сыграть ту же роль на мировой арене, которую сыграли Балканы в начале XX века. Политическая и экономическая волатильность затрагивает более или менее все государства в регионе.

Присутствующие в регионе формы насилия, будь то открытая гражданская война или внутренние гражданские конфликты, невозможно решить путем внешнего институционального вмешательства или международного права. Современные события в регионе доказывают, что, как еще утверждал Т. Гоббс, применение международного права в качестве инструмента эффективного разрешения кризиса совершенно бесполезно. Регион никогда прежде не был участником такой конкуренции среди основных мировых игроков и не пребывал в таком длительном периоде социальной и политической неопределенности. Такие выводы аналитики MIRS делают на основе изучения качественных и количественных данных о региональных экономиках, социальной сплоченности, индексе счастья и т.д.

Тем не менее, по мнению экспертов института, не во всех государствах Восточного Средиземноморья присутствует подобная негативная ситуация. Например, Израиль постепенно становится IT-сверхдержавой, что может привести весь регион к «высокотехнологичной весне». Кипр выходит из экономического кризиса и может стать надежным партнером западного мира в преобразовании Восточного Средиземноморья в сфере технического прогресса. И наиболее важное, что отме-

чают эксперты MIRS: США якобы показали, что вернулись в регион после короткого периода, в течение которого Россия воспользовалась возможностью укрепиться там.

По мнению исследователей MIRS, в настоящее время США проявляют явный интерес к оспариванию сильного российского присутствия в Восточном Средиземноморье и балканских государствах, что влечет за собой активную деятельность в области работы с массовым сознанием в целом, и с внутривнутриполитическими аппаратами государств региона, в частности.

После критического периода, связанного с отторжением США в регионе, они стали соглашаться с международной реальностью, в которой системный баланс сил находится под влиянием уже формирующейся многополярной геополитической системы. Признание этого политического факта заставляет США принимать решения, направленные на укрепление западного «умного» присутствия в Восточном Средиземноморье. Именно с целью формирования «умного» присутствия западного мира в Восточном Средиземноморье и связано создание MIRS, который занимается научными разработками в области безопасности и стабильности энергетического сектора; влияния энергетического сектора на банковскую политику, финансы, энергетический рынок в мире и на Ближнем Востоке; инновационными исследованиями по религиозным и этническим проблемам, терроризму и международным отношениям, а также формированием новых союзов и коалиций в регионе; и, конечно, практическим участием в международных, национальных, региональных конференциях, симпозиумах и дискуссиях для поиска всемирно известных и первоклассных экспертов, ученых в этих областях знания и исследований.

Активными игроками в области практической работы в Средиземноморском регионе выступают организации и фонды Евросоюза, целями деятельности которых является укрепление секторов СМИ и культуры. В качестве направлений деятельности ставятся скорее организационные, а именно тренинговая работа для журналистской аудитории, создание сетевых школ медиа и журналистики, создание региональных общественных платформ, организация гражданских сообществ и представителей СМИ для совершенствования законодательства в области медиа.

Цель данной организационной работы состоит в достижении свободного выражения мнений в медиасреде, что позволит осуществить переход от государственной пропаганды в странах региона к политическому плюрализму, в улучшении доступа широкой общественности к контенту независимых новых медиа, в расширении аудитории для независимых медиа-операторов, что в итоге позволит формировать значимую для этих медиаоператоров контентную и медийную карту региона.

Считаем важным привести результаты последнего социологического исследования Фонда Анны Линд, в ходе которого были опрошены 13000 респондентов из 13 европейских стран Средиземноморья, которое показало, что средиземноморский регион не является жертвой «столкновения цивилизаций», как отмечалось ранее, а скорее является «столкновением невежеств», основанным на исторических стереотипах и «культуризации» конфликтов. Ключевыми качествами, связанными

с идентификацией себя со средиземноморским регионом, для опрошенных оказались общая история, общее наследие и общий образ жизни, особенно кухня.

Что касается эффективности механизмов предотвращения конфликтов и радикализма в регионе, то 80% респондентов заявили, что образовательные и молодежные программы, направленные на развитие диалога с молодежью в странах региона, имеют важное значение. Сообщается, что телевидение является самым надежным источником новостей как в странах Европы, так и в странах Южного и Восточного Средиземноморья.

Фонд Анны Линд в ближайшей перспективе ставит своей исследовательской целью осуществить медиа-картографирование средиземноморского региона с учетом существующего опыта в области межкультурной коммуникации. Результаты этого исследовательского проекта позволят получить механизмы быстрого реагирования в сфере медиа на основные вызовы и угрозы, присутствующие в регионе, обеспечить политический диалог с руководителями СМИ для привлечения влиятельных высокопоставленных представителей медиасферы с целью формирования необходимых трендов медиаполитики.

Обобщая анализ целей и направлений работы научно-исследовательских структур Евросоюза, работающих в средиземноморском регионе, необходимо заявить, что их стратегия такова: Европа не должна быть пассивным наблюдателем в макрорегионе, а должна оказывать практическую помощь с участием организаций гражданского общества и СМИ в Средиземноморье.

Сегодняшнюю ситуацию по евросредиземноморскому партнерству можно охарактеризовать следующим образом. Большие ожидания, которые были возложены на евросредиземноморское партнерство, не оправдались: события, произошедшие в арабском мире, вызвали волны революций и гражданских конфликтов в регионе, что еще раз продемонстрировало противоречивость той политики, которую проводил ЕС в течение последних десятилетий. Снижение популярности европейского проекта в Средиземноморье вызвано также и финансовыми проблемами из-за мирового кризиса. Сейчас наступает новый этап в евросредиземноморской политике, который требует выработки новых подходов.

Участие Российской Федерации в анализе процессов средиземноморского региона регулируется действиями Международной комиссии по научным исследованиям Средиземного моря (распоряжение от 30.09.2013 г. № 1762-р, подготовленное Минобрнауки России во исполнение договоренности между Президентом РФ В.В. Путиным и правящим князем Монако Альбертом II), в рамках которой работают шесть постоянных научных комитетов по геологии, физике и климату океана, биогеохимии, микробиологии и биотехнологии, экосистемам и прибрежным системам [7].

В России изучением проблем средиземноморского региона занимаются отдел Черноморско-Средиземноморских исследований Института Европы РАН, Центр партнерства цивилизаций ИМИ МГИМО, ИМЭМО (РАН), Институт всеобщей истории РАН, Институт Латинской Америки РАН и др.

Среди российских ученых-европеистов, исследующих проблемы Средиземноморья, необходимо отметить Н.К. Арбатову (анализ проблем безопасности

Средиземноморья), Т.В. Зонову, Н.А. Ковальского (анализ регионального характера евросредиземноморского процесса), А.И. Ландабасо Ангуло (анализ проблем безопасности и сотрудничества Ирака в средиземноморском регионе), А.В. Мальгина (изучение проблем единого пространства, безопасности и межрегионального взаимодействия Европы и Средиземноморья), Е.О. Обичкину (анализ роли Франции в постбиполярном мире), Ю.И. Рубинского, О.Е. Трофимову (изучение аспектов средиземноморской политики Евросоюза), Е.Г. Черкасову, А.А. Язькову, П.П. Яковлеву (анализ значения Испании в средиземноморском регионе) и др.

Одним из самых молодых и динамично развивающихся центров средиземноморских исследований в России является созданный в Севастопольском государственном университете Научно-образовательный центр политических и международных исследований Большого Средиземноморья.

Первой инициативой НОЦ стал историко-географический проект «Геостратегический атлас» Большого Средиземноморья, в рамках которого подготовлен очерк истории региона и более 50 исторических карт [5]. Проект планируется развивать на геоинформационной основе. Центром проведен первый форум российских и арабских аналитических центров, который станет регулярным.

В Стратегии НТР РФ стоит задача по развитию передовых методов и форм научных исследований и инновационно-технологических разработок. Одной из таких может быть «цифровизация» Средиземноморского региона с формированием российского «умного» влияния посредством информационных инфраструктур и цифровых платформ. Подобный проект позволит сформировать потоковые данные, построить и структурировать русскоязычные и иноязычные информационные и медиа потоки интернет-пространства стран Большого Средиземноморья. В связи с тем, что макрорегион Большое Средиземноморье является одних из мировых форпостов коммуникации, в первую очередь сетевой и медийной, одной из задач предлагаемого проекта может быть определение содержательных и структурных особенностей медийной коммуникации пользователей стран Большого Средиземноморья, в том числе в отношении присутствия России в регионе.

Такая научно-исследовательская инициатива позволит анализировать, мониторить и впоследствии моделировать информационное и гуманитарное присутствие России в макрорегионе посредством планирования и управления информационными потоками, решая ряд вопросов, связанных с безопасностью, выстраиванием логистических связей, коммуникационных хабов, создания политических и гражданских союзов, и, в конечном итоге, воздействовать интеллектуальными методами «мягкой силы» России в регионе.

С учетом полиэтничности, поликонфессиональности и поликультурности повседневных форм существования населения в странах макрорегиона востребованность данных о характере, специфике формирования и структурирования информационных и медиапотоков в регионе возрастает. И в этой связи проект, направленный на конструирование «умного» присутствия России в Большом Средиземноморье, поможет решить ряд стратегических государственных задач, в том числе политических, энергетических, военных, экономических и иных.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Бродель Ф.* Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: В 3 ч. Ч. 1: Роль среды / Пер. с фр. М.А. Юсима. М.: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.
- [2] *Бродель Ф.* Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: В 3 ч. Ч. 2: Коллективные судьбы и универсальные сдвиги / Пер. с фр. М.А. Юсима. М.: Языки славянской культуры, 2003. 808 с.
- [3] *Бродель Ф.* Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: В 3 ч. Ч. 3: События. Политика. Люди / Пер. с фр. М.А. Юсима. М.: Языки славянской культуры, 2004. 640 с.
- [4] Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на конференции «Средиземноморье: римский диалог», Рим, 23 ноября 2018 года // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. Режим доступа: mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3419721. Дата обращения: 05.12.2018.
- [5] Геостратегический атлас Большого Средиземноморья // Официальный сайт проекта Геостратегический атлас Большого Средиземноморья. Режим доступа: rusrimland.ru. Дата обращения: 05.12.2018.
- [6] Концепция внешней политики Российской Федерации // Официальный сайт Президента России. Режим доступа: kremlin.ru/acts/news/785. Дата обращения: 05.12.2018.
- [7] Об участии Российской Федерации в Международной комиссии по научным исследованиям Средиземного моря. Распоряжение от 30 сентября 2013 года № 1762-р // Официальный сайт Правительства России. Режим доступа: government.ru/docs/6629. Дата обращения: 05.12.2018.
- [8] Описание проекта MedSpring // Средиземноморский портал в области науки, политики, исследований и инноваций. Режим доступа: idaea.csic.es/medspring/partners-list. Дата обращения: 05.12.2018.
- [9] Описание Средиземноморского института региональных исследований // Официальный сайт Mediterranean Institute for Regional Studies. Режим доступа: mirs.co/about-overview-policy.aspx. Дата обращения: 05.12.2018.
- [10] Средиземноморский ежегодник IEMed 2018 // Официальный сайт Европейский институт Средиземноморья. Режим доступа: iemed.org/publicacions-en/historic-de-publicacions/anuari-de-la-mediterrania/sumaris/anuari-iemed-de-la-mediterrania-2018?set_language=en. Дата обращения: 05.12.2018.
- [11] Устав Ассоциации средиземноморских исследований // Официальный сайт Mediterranean Studies Association. Режим доступа: mediterraneanstudies.org. Дата обращения: 05.12.2018.
- [12] Устав Международного исследовательского центра «Средиземноморское знание» // Официальный сайт International Centre for Studies and Research Mediterranean Knowledge. Режим доступа: mediterraneanknowledge.org. Дата обращения: 05.12.2018.
- [13] *Adler E., Crawford B.* Constructing a Mediterranean Region: A Cultural Approach // Conference on “The Convergence of Civilizations? Constructing a Mediterranean Region”. University of Toronto Press, 2006. 394 p.
- [14] *Aliboni A.* European Security across the Mediterranean. Chaillot Papers, 1991. 37 p.
- [15] *Andrey Kortunov.* Russia: the Power Broker? // Отчет конференции «Укрепление доверия: вызов миру и стабильности в Средиземноморье», Рим, Италия, 22.11.2018. Режим доступа: ispionline.it/sites/default/files/publicazioni/report_med2018.pdf. Дата обращения: 05.12.2018.
- [16] *Crawford B.* The Impact of EU Enlargement on the Euro-Med Partnership // Jean Monnet/Robert Schuman Paper Series. Vol. 5. № 23. July 2005. 23 p.
- [17] *Tanner F.* (Ed.) The European Union as a Security Actor in the Mediterranean. ESDP, Soft Power and Peacemaking in Euro-Mediterranean Relations. Zurich, 2002.

THE GREATER MEDITERRANEAN IN THE DISCOURSE OF RESEARCH AND EXPERT ANALYTICS CENTERS

I.A. Chikharev, O.V. Yarmak

Sevastopol State University
Universitetskaya str., 33, 299053, Sevastopol, Russian Federation

Abstract. The article presents the analysis of current research trends and analytical developments in studies of the Mediterranean as a multi-component region by research and expert analytics institutions. The macro region of the Greater Mediterranean in contemporary world is a hub of international social, cultural and media communication network. Due to the increasing interest in the region, the demand for analyzing specifics of semantic flows and discourse strategies of key think tanks and research institutions of the macro region increases, which, eventually, allows us to update the model of Russia's use of "soft power" in the region. The authors of the article emphasize that modern Russia is an active player in the macro-region of the Greater Mediterranean. In this regard, Russia's "smart power" is crucial in the process of building the Greater Mediterranean macro region and promotion of Russia's image as an important and effective stakeholder in the Mediterranean.

Key words: The Greater Mediterranean macro region, "soft power", "smart power" international communication

REFERENCES

- [1] Braudel F. *The Mediterranean Sea and Mediterranean World in the Age of Phillip II*. In 3 Volumes. Vol. 1: The Effects of the Environment. Translated from French by M.A. Yusima. Moscow: The Languages of Slavic Culture; 2002. 496 p. (In Russ.).
- [2] Braudel F. *The Mediterranean Sea and Mediterranean World in the Age of Phillip II*. In 3 Volumes. Vol. 2: Shared Fortunes and Universal Developments. Translated from French by M.A. Yusima. Moscow: The Languages of Slavic Culture; 2003. 808 p. (In Russ.).
- [3] Braudel F. *The Mediterranean Sea and Mediterranean World in the Age of Phillip II*. In 3 Volumes. Vol. 3: Events. Politics. People Translated from French by M.A. Yusima. Moscow: The Languages of Slavic Culture; 2004. 640 p. (In Russ.).
- [4] Speech and Q&A session by Russian Minister of Foreign Affairs Sergey Lavrov during the conference "Rome MED — Mediterranean Dialogues", Rome, 23.11.2018. *Official website of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*. Available from: mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3419721. Accessed: 05.12.2018 (In Russ.).
- [5] Geostrategic Atlas of the Greater Mediterranean. *Official website of the Geostrategic Atlas of the Greater Mediterranean Project*. Available from: rusrimland.ru. Accessed: 05.12.2018 (In Russ.).
- [6] Russia's Foreign Policy: General Conception. *Official website of the President of Russia*. Available from: kremlin.ru/acts/news/785. Accessed: 05.12.2018 (In Russ.).
- [7] On the Participation of the Russian Federation in the Mediterranean Science Commission. Decree of September 30, 2013, No. 1762-p. *Official website of the Russian Government*. Available from: government.ru/docs/6629. Accessed: 05.12.2018 (In Russ.).
- [8] Description of the MedSpring Project. *Mediterranean Science, Politics, Research and Innovation portal*. Accessed: idaea.csic.es/medspring/partners-list. Дата обращения: 05.12.2018 (In Russ.).

- [9] Description of the Mediterranean Institute for Regional Studies. *Official website of the Mediterranean Institute for Regional Studies*. Available from: mirs.co/about-overview-policy.aspx. Accessed: 05.12.2018 (In Russ.).
- [10] IEMed Annual Report 2018. *Official website of the European Institute of the Mediterranean*. Available from: iemed.org/publicacions-en/historic-de-publicacions/anuari-de-la-mediterrania/sumaris/anuari-iemed-de-la-mediterrania-2018?set_language=en. Accessed: 05.12.2018 (In Russ.).
- [11] The Charter of the Mediterranean Studies Association. *Official website of the Mediterranean Studies Association*. Available from: mediterraneanstudies.org. Accessed: 05.12.2018 (In Russ.).
- [12] The Charter of the International Centre for Studies and Research “Mediterranean Knowledge”. *Official website of the International Centre for Studies and Research “Mediterranean Knowledge”*. Available from: mediterraneanknowledge.org. Accessed: 05.12.2018 (In Russ.).
- [13] Adler E., Crawford B. Constructing a Mediterranean Region: A Cultural Approach. *Conference on “The Convergence of Civilizations? Constructing a Mediterranean Region”*. University of Toronto Press; 2006. 394 p.
- [14] Aliboni A. *European Security across the Mediterranean*. Chaillot Papers; 1991. 37 p.
- [15] Andrey Kortunov. Russia: the power broker? *The Report of the Conference “Confidence Building: A Challenge to Peace and Stability in the Mediterranean”*, Rome, Italy, 22.11.2018. Available from: ispionline.it/sites/default/files/pubblicazioni/report_med2018.pdf. Accessed: 05.12.2018.
- [16] Crawford B. The Impact of EU Enlargement on the Euro-Med Partnership. *Jean Monnet/Robert Schuman Paper Series*. Vol. 5; 23; July 2005. 23 p.
- [17] Tanner F. (Ed.) *The European Union as a Security Actor in the Mediterranean*. ESDP, *Soft Power and Peacemaking in Euro-Mediterranean Relations*. Zurich; 2002.

Информация об авторах:

Чихарев Иван Александрович — кандидат политических наук, директор Института общественных наук и международных отношений Севастопольского государственного университета (ORCID ID: 0000-0002-8573-9271) (e-mail: ichikharev@yandex.ru).

Ярмак Ольга Валерьевна — кандидат социологических наук, заведующая кафедрой социальных коммуникаций Севастопольского государственного университета (ORCID: 0000-0002-5025-9112) (e-mail: olga_yarmak@inbox.ru).

Information about the authors:

Ivan A. Chikharev — PhD in Political Science, Director of the Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-8573-9271) (e-mail: ichikharev@yandex.ru).

Olga V. Yarmak — PhD in Sociology, Head of the Department of Social Communications, Sevastopol State University (Russian Federation) (ORCID: 0000-0002-5025-9112) (e-mail: olga_yarmak@inbox.ru).

Статья поступила в редакцию 07.12.2018.

Received 07.12.2018.

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-1-110-117

РЕАБИЛИТАЦИЯ НАЦИСТСКОГО РЕЖИМА, ЕГО СТОРОННИКОВ И ПОСОБНИКОВ В ЕВРОПЕЙСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ: ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ И НОВЫЕ ТРЕНДЫ В РАЗВИТИИ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ¹

С.И. Белов

Центральный музей Великой Отечественной войны 1941—1945 годов
ул. Братьев Фонченко, 10, Москва, Россия, 121170

Представленное исследование посвящено теме реабилитации нацистского режима, его сторонников и пособников в современном кинематографе в рамках реализации политики памяти. Актуальность данной работы обуславливается ростом влияния ультраправых политиков в ряде экономически развитых стран, увеличением числа мемориальных войн по причине реабилитации пособников нацизма и распространением правого радикализма в США и государствах Евросоюза. Целью исследования выступает оценка практик реабилитации нацизма и его сторонников в новых кинокартинах, ранее не изученных представителями экспертного сообщества с в данном ракурсе. В современном кинематографе широко распространена косвенная апологетика нацистов и их приверженцев, включая представителей организаций, признанных преступными в соответствии с решением Нюрнбергского трибунала. Пропагандируется тезис о том, что даже члены организаций, признанных преступными, в массовом порядке находились в скрытой оппозиции к нацистскому режиму. Сотрудничество оценивается почти исключительно как вынужденная мера. У аудитории создается впечатление, что даже высокопоставленные представители армейского руководства были не осведомлены о совершении военных преступлений. Люди, долгие годы выступавшие в качестве массовой опоры режима А. Гитлера, показаны в качестве его жертв. Имеют места попытки оценки части опыта нацистского режима как позитивного, в том числе за счет отсылок к актуальным проблемам современности.

Ключевые слова: реабилитация нацизма, политика памяти, кинематограф

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы тема реабилитации нацистов, их пособников и сторонников все чаще становится поводом для политических конфликтов на международной арене.

Ревизия истории Второй мировой войны способствует появлению конфликтов как внутри общества, так и между отдельными государствами и этносами. В частности, власти Сербии реабилитировали Д. Михайловича (которого Хорватия обвиняет в проведении этнических чисток) и главу правительства коллаборационистов М. Неддича (причастного к уничтожению еврейского населения) [13; 15]. В то же время хорваты реабилитировали кардинала А. Степинаца, поддерживавшего режим

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного Российским научным фондом научного проекта № 18-18-00233 «Кинообразы советского и американского врагов в символической политике Холодной войны: Компаративный анализ».

ушастей (жертвами которого, по разным оценкам, стали от 300 до 900 тыс. сербов, евреев и цыган) и подталкивавшего итальянские оккупационные власти к преследованиям православного населения. Во время визита в Аргентину президент Хорватии К. Грабар-Китарович открыто поблагодарила руководство этой латиноамериканской страны за то, что оно предоставило убежище (наряду с высокопоставленными нацистами) хорватам, обвинявшимся в совершении военных преступлений [14].

На рост угрозы реабилитации нацизма указывает судьба резолюции о борьбе с героизацией нацизма, принятой Генассамблеей ООН 16 ноября 2017 г. Хотя за ее принятие проголосовали 125 государств, 2 члена ООН проголосовали против (США и Украина), а 51 государство (включая 27 стран Евросоюза) воздержались. Последнее свидетельствует о том, что политические элиты США и государств Европы рассматривают борьбу с героизацией нацизма как процесс, противоречащий их интересам либо не соответствующий настроениям широких слоев населения [5].

Тревожным признаком является и то, что многие крупные политики европейских государств заимствуют у нацистов «риторику ненависти». Президент Венгрии В. Орбан в одном из своих выступлений по миграционному вопросу заявил, что его сограждане не желают, чтобы их «собственный цвет, традиции и национальная культура смешивались с другими» [6]. В ноябре 2017 г. в Польше от 60 до 100 тыс. ультраправых присоединились к маршу по случаю Дня Независимости. Они несли с собой плакаты с лозунгами: «Будет белая Европа братских наций!», «На х.й беженцев!» и «Молимся за исламский холокост». При этом министр внутренних дел республики охарактеризовал марш как «прекрасное зрелище» [3]. Это можно было бы посчитать личной позицией конкретного чиновника. Но общая тональность дискурса польских властей свидетельствует об обратном. Чего стоит только заявление премьер-министра М. Моравецкого о том, что Нюрнбергский процесс являлся, по его мнению, величайшим судебным фарсом в истории Европы [6].

Проблема попыток реабилитации нацизма приобретает особую остроту в свете того, что многие жертвы режима А. Гитлера до сих пор остаются нереабилитированными. В частности, бундестаг раз за разом отклоняет законопроекты о реабилитации немецких военнослужащих, приговоренных к смерти за «измену» или «подрыв морального духа войск». Под этими терминами подразумевались случаи отказа от выполнения преступных приказов, укрывательство евреев, критика в адрес нацистского режима. Смертным приговором для солдата мог обернуться даже отказ сообщать командованию о перечисленных «проступках», совершенных сослуживцами.

Реабилитации осужденных препятствует в первую очередь позиция партии христианских демократов. Последние не желают раздражать консервативно настроенную часть электората, убежденную в истинности теории «чистого вермахта» и не желающих признавать, что именно беспрекословное соблюдение военнослужащими всех приказов сделало возможным большинство преступлений нацистов [16].

Все это убедительно свидетельствует в пользу необходимости проведения дополнительных исследований практики реабилитации нацизма посредством инструментария политики памяти. И в первую очередь это касается отображения событий прошлого в кинематографе. Последний представляет собой не просто самое массовое из всех направлений искусства. Для него характерны также высокая периодичность выхода новых произведений, а также использование полного спектра каналов воздействия на аудиторию. В совокупности это порождает необходимость постоянного обновления спектра публикаций, посвященных использованию кинематографа в качестве отдельного направления реализации политики памяти [1; 8; 9].

Целью данного исследования является оценка практик реабилитации нацистов, их пособников и сторонников в новых кинопроизведениях, содержание которых ранее не было введено в научный оборот.

Материалы и методы. Эмпирическую базу исследования формирует пул из 5 зарубежных кинолент, выпущенных в 2010—2017 гг. Методология исследования построена на использовании дескриптивного анализа.

Результаты.

Обращаясь непосредственно к теме исследования, в первую очередь необходимо выделить следующее обстоятельство. Вполне очевидно, что прямая реабилитация нацистов, их сторонников и пособников спровоцировала бы жесткую реакцию как со стороны международной общественности, так и либеральных, левых и центристски ориентированных граждан внутри конкретной страны, представители которой занимались созданием кинокартины.

По этой причине реабилитация нацизма чаще всего осуществляется косвенным образом. Один из наиболее часто используемых приемов — приписывание членам организаций, признанных Нюрнбергским трибуналом преступными, ненависти или неприязни к нацистскому режиму. Он использовался, в частности, в кинокартине «1944» (2015 г., Финляндия, Эстония).

В фильме мы можем увидеть, как бойцы 20-й гренадерской дивизии СС публично отказываются отвечать на приветствие «Хайль Гитлер», а в узком кругу предлагают использовать фотографии лидера «третьего рейха» вместо туалетной бумаги. Доминирующим мотивом вступления в ваффен-СС для героев фильма является месть за репрессии со стороны советского режима. Например, у одного из них родители были депортированы, у другого — убиты. Обсуждая происходящее, некоторые из эсэсовцев повторяют: «Это не наша война». Многие демонстрируют нежелание стрелять по подразделениям Красной армии, сформированным из этнических эстонцев [12].

Часто тиражируется в кинофильмах миф об отсутствии у нацистов массовой поддержки, позволяющий снять с широких слоев населения ответственность за приход НСДАП к власти и отсутствие сопротивления проводимой режимом А. Гитлера политике. Например, в фильме «Капитан» (2017, Германия, Франция, Польша, Китай, Португалия) присутствует фрагмент, в котором посетители пивной отказываются реагировать на нацистское приветствие и смеются в ответ на заявление хозяина заведения о своем партийном стаже [4]. Главный герой

фильма **«Макс Шмелинг: Боец Рейха» (2010 г., Германия, Хорватия)**, комментируя приход А. Гитлера к власти, заявляет: «Это короткая вспышка, нацисты долго не продержатся».

Примечателен и другой факт. Если в реальности Макс Шмелинг вступил в ряды вермахта добровольцем, то в фильме его призывают в армию, намеренно направляя в «горячую точку», чтобы покончить с боксером-диссидентом [7].

Попытки реабилитировать широкие слои населения, поддерживавшие нацистский режим либо не оказывавшие ему сопротивления, зачастую сопряжены с позиционированием немецкого народа в качестве жертвы нацистов. Особо показателен в данном случае фильм **«Капитан»**. В частности, в нем можно увидеть концлагерь для немцев-дезертиров, обращение с которыми мало отличается от отношения к советским военнопленным. Их избивают до смерти, расстреливают (без суда) из пулеметов и т.д. В картине присутствует также сцена, в которой представители полевой жандармерии под музыку устраивают охоту за дезертиром, преследуя его на автомобиле [4].

Также активно транслируется тезис о том, что большинство немцев, включая представителей высшего военного руководства, были слабо осведомлены о военных преступлениях и преступлениях против человечности. Так, в телефильме **«Роммель» (2012 г., Германия, Франция, Австрия)** генерал-фельдмаршал Эрвин Роммель в 1944 г. сообщает жене, что ему стало известно об «убийствах евреев газом на Востоке». При этом он заявляет: «Я всегда думал, что это единичные случаи. Но они там, наверху, не так чисты». Показательно и то, что в числе военных преступлений и преступлений против человечности, совершенных представителями «третьего рейха», упоминаются лишь действия в отношении этнических евреев [10].

Такого рода подход к освещению истории нацистской Германии позволяет возложить ответственность за совершенные преступления на узкий круг политического руководства.

Отдельного внимания заслуживает новый тренд в позиционировании «нацистского прошлого». События 1920—1940-х гг. начинают оцениваться одновременно и в контексте современных проблем (например, миграционного кризиса в Евросоюзе), и в юмористическом ключе. Наиболее четко эта тенденция проявилась в кинокомедии **«Он снова здесь (Смотрите, кто вернулся)» (2015 г., Германия)** [11].

Согласно сюжету киноленты, А. Гитлер случайно был перемещен в 2014 г. За короткое время он становится популярным ТВ-персонажем и завоевывает интернет-аудиторию. Добиться этого ему позволяет в первую очередь талант оратора. Он поднимает темы падения роста зарплат, положения немцев — выходцев из бывшей ГДР, дискредитации ведущих политических партий, отсутствия обратной связи между истеблишментом и широкими слоями населения, падения рождаемости и роста масштабов этнического криминала. Интересно отметить, что его высказывания во многом совпадают с лозунгами крайне правой партии «Альтернатива для Германии», популярность которой среди немцев значительно выросла (на выборах в бундестаг она получила свыше 12% голосов и сформировала третью по численности фракцию в парламенте) [Там же].

Важно подчеркнуть, что глава «третьего рейха» хотя и показан в несколько юмористическом ключе, но по большей части его позиционирование вызывает позитивные эмоции, включая уважение. Последовательно аргументируется, что А. Гитлер выражал (и продолжает выражать) мнение широких слоев населения Германии. В ответ на обвинения героя, осознавшего, что он имеет дело с реальным фюрером, тот заявляет: «...тогда ты должен осуждать и тех, кто избрал этого монстра. Были ли они монстрами? Они были обычными людьми. Они доверили свою родину выдающемуся человеку. Что сделал ты? Ты никогда не спрашивал: почему люди следуют за мной? Потому что в глубине души они такие же, как я, в них тот же смысл. Ты не сможешь избавиться от меня. Я часть тебя, всех вас. И не все было отрицательным» [11].

В одной из сцен в телестудию приходят сотрудники прокуратуры, получившие жалобу на ксенофобские высказывания А. Гитлера. Однако в итоге они заявляют, что охотно смотрят ТВ-шоу фюрера и солидарны с ним по многим вопросам, после чего обещают быстро закрыть дело. Даже продюсер шоу — этнический еврей, продолжает производство шоу, чтобы получать прибыль. Более того, он осознанно заставляет свою команду сценаристов готовить шутки про Холокост. Лидер одной из правых политических партий («не под камеру»), признается А. Гитлеру в том, что выполнял бы его приказы, «будь тот настоящим» [11].

Создатели фильма в итоге позиционируют возрождение нацизма как реальную угрозу для Европы. Они заставляют зрителя вспомнить о сути национал-социализма, включив в картину персонажей, переживших Вторую мировую войну и узнавших переместившегося во времени фюрера. Сотрудник телеканала, активно помогавший продвижению А. Гитлера в медиа, сходит с ума, осознав последствия своих действий. Однако это не перечеркивает общего впечатления от образа А. Гитлера, созданного кинематографистами [11].

Он запоминается в первую очередь как хороший оратор, обладающий харизмой и прекрасно понимающий психологический, настрой окружающих на уровне интуиции. Фюрер изображен как человек, искренне переживающий за судьбу Германии и надеющийся решить проблемы, беспокоящие «простых немцев» [11].

Помимо того, отождествление проблем, стоящих сегодня перед обществом ФРГ, и ситуации конца 1920-х гг. способствует апологетике национал-социализма. Этот прием способствует тому, что аудитория прощает своим предкам их политический выбор, исходя из того, что они испытывали аналогичные проблемы, но не имели доступа к современному уровню благосостояния. Формируется представление о том, что у немцев, поддержавших нацистов, имелись оправдывающие их действия мотивы [11].

ВЫВОДЫ

В целом можно заключить, что, хотя в современном кинематографе и отсутствует прямая реабилитация нацизма, косвенная апологетика его приверженцев представлена широко и в самых разнообразных формах. Это касается в том числе представителей организаций, признанных преступными согласно итоговому

решению Нюрнбергского трибунала. Пропагандируется идея о том, что даже члены организаций, признанных преступными, в массовом порядке находились в скрытой оппозиции к нацистскому режиму. Сотрудничество с ним позиционируется в качестве исключительно вынужденной меры. Транслируется идея о том, что даже высокопоставленные государственные и военные деятели могли находиться в неведении относительно преступных практик нацистов. Также имеют места попытки оценки ряда элементов опыта нацистского режима как позитивного, в том числе — за счет отсылок к актуальным проблемам современности. С целью реабилитации нацистов, их сторонников и пособников используются отдельные элементы концепции «окна дискурса» (более известной под названием «окна Овертона»).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Ачкасов В.А.* «Политика памяти» как инструмент строительства постсоциалистических наций // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. XVI. № 4. С. 106—123.
- [2] *Белов С.И.* Образ Красной армии периода Великой Отечественной войны в немецком кинематографе в 2000-х гг.: содержание и факторы генезиса // Информационные войны. 2018. № 1 (45). С. 79—83.
- [3] «Боже, сколько фашистов»: Европа напугана огромным белым маршем // РИА Новости. 13.11.2017. Режим доступа: <https://ria.ru/analytics/20171113/1508660994.html>. Дата обращения: 08.11.2018.
- [4] Капитан // Кинопоиск.ru. Режим доступа: <https://www.kinopoisk.ru/film/kapitan-2017-1048214/>. Дата обращения: 08.11.2018.
- [5] Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с принятием в Третьем комитете 72-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюции о борьбе с героизацией нацизма. Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2953418. Дата обращения: 08.11.2018.
- [6] Крайне правые, даже расистские взгляды становятся мейнстримом в Центральной Европе // Лехаим. 04.04.2018. Режим доступа: <https://lechaim.ru/news/krajne-pravye-dazhe-rasistskie-vzglyady-stanovyatsya-mejnstrimom-v-tsentralnoj-evrope/>. Дата обращения: 08.11.2018.
- [7] Макс Шмелинг: Боец Рейха // Кинопоиск.ru. Режим доступа: <https://www.kinopoisk.ru/film/maks-shmeling-boets-reykha-2010-445338/>. Дата обращения: 08.11.2018.
- [8] *Малинова О.Ю.* Тема прошлого в риторике президентов России // Pro et Contra. 2011. Т. 15. № 3—4. С. 106—122.
- [9] *Миллер А.И.* Роль экспертных сообществ в политике памяти в России // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2013. № 4 (71). С. 114—126.
- [10] Роммель (ТВ) // Кинопоиск.ru. Режим доступа: <https://www.kinopoisk.ru/film/rommel-2012-682870/>. Дата обращения: 08.11.2018.
- [11] Он снова здесь // Кинопоиск.ru. Режим доступа: <https://www.kinopoisk.ru/film/907661/>. Дата обращения: 08.11.2018.
- [12] 1944 // Кинопоиск.ru. Режим доступа: <https://www.kinopoisk.ru/film/799983/>. Дата обращения: 08.11.2018.
- [13] Belgrade Jews Oppose Rehabilitation of World War II-era Prime Minister // Haaretz. 24.10.2016. Режим доступа: <https://www.haaretz.com/world-news/europe/belgrade-jews-oppose-rehabilitation-of-world-war-ii-era-prime-minister-1.5452773>. Дата обращения: 08.11.2018.

- [14] “If EU Ignores This — Hitler’s Rehabilitation Might Be Next” // B92. 22.06.2016. Режим доступа: https://www.b92.net/eng/news/politics.php?yyyy=2016&mm=07&dd=22&nav_id=98702. Дата обращения: 08.11.2018.
- [15] Serbs and Croats Clash over Allegations of Nazi Pasts // The Irish Times. 16.05.2015. Режим доступа: <https://www.irishtimes.com/news/ireland/irish-news/serbs-and-croats-clash-over-allegations-of-nazi-pasts-1.2214464>. Дата обращения: 08.11.2018.
- [16] The Last Taboo. Will Germany Finally Rehabilitate Nazi-Era ‘Traitors’? // Spiegel Online. 28.01.2009. Режим доступа: <http://www.spiegel.de/international/germany/the-last-taboo-will-germany-finally-rehabilitate-nazi-era-traitors-a-604076.html>. Дата обращения: 08.11.2018.

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-1-110-117

REHABILITATION OF THE NAZI REGIME, ITS SUPPORTERS AND ACCOMPLICES IN THE EUROPEAN CINEMATOGRAPHY: CURRENT STATE AND NEW TRENDS IN DEVELOPING MEMORY POLICIES

S.I. Belov

Central Museum of the Great Patriotic War 1941—1945
10, Bratiev Fonchenko str., 121170, Moscow, Russian Federation

Abstract. The presented study is dedicated to the rehabilitation of the Nazi regime, its supporters and accomplices in modern cinema as part of the memory policy. The relevance of this work is determined by the growing influence of ultra-right politicians in a number of economically developed countries, an increase in the number of memorial wars due to the rehabilitation of Nazism accomplices and the spread of right-wing radicalism in the United States and European Union states. The aim of the study is the evaluation of the rehabilitation practices of Nazism and its supporters in new motion pictures, which have not been previously studied by representatives of the expert community from this perspective. Indirect apologetics of the Nazis and their adherents, including representatives of organizations recognized as criminal in accordance with the decision of the Nürnberg Tribunal, are widespread in modern cinema. The thesis is being promoted that even numerous members of organizations recognized as criminal secretly opposed the Nazi regime. Cooperation is considered as a necessary measure. The audience gets the impression that even high-ranking representatives of the army leadership were not aware of war crimes. People who for many years supported Hitler’s regime are shown as its victims. There have been attempts to re-evaluate certain aspects of the Nazi regime as a positive experience, in a way of referring to actual matters nowadays.

Key words: rehabilitation of Nazism, memory policy, cinema

REFERENCES

- [1] Achkasov V.A. “Politics of Memory” as a Tool for Building Post-socialist Nations. *ZHurnal sociologii i social'noj antropologii*. 2013; Vol. XVI; 4: 106—123 (In Russ.).
- [2] Belov S.I. the Image of the Red Army during the Great Patriotic War in German Cinema in the 2000s: The Content and Factors of Genesis. *Informacionnye vojny*. 2018; 1 (45): 79—83 (In Russ.).
- [3] “God, how many Nazis”: Europe Scared of the Huge White March. *RIA Novosti*. 13.11.2017. Available from: <https://ria.ru/analytics/20171113/1508660994.html>. Accessed: 08.11.2018 (In Russ.).
- [4] *Captain. Kinopoisk*. Available from: <https://www.kinopoisk.ru/film/kapitan-2017-1048214/>. Accessed: 08.11.2018 (In Russ.).

- [5] *Comment by the Department of Information and Press of the Russian Foreign Ministry on the Adoption in the Third Committee of the 72nd session of the UN General Assembly Resolution on Combating the Glorification of Nazism*. Available from: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2953418. Accessed: 08.11.2018 (In Russ.).
- [6] Extreme Right even Racist Views Are Becoming Mainstream in Central Europe. *Lehaim*. 04.04.2018. Available from: <https://lechaim.ru/news/krajne-pravye-dazhe-rasistskie-vzglyady-standovyatsya-mejnstrimom-v-tsentralnoj-evrope/>. Accessed: 08.11.2018 (In Russ.).
- [7] Max Schmeling: A Soldier of the Reich. *Kinopoisk*. Available from: <https://www.kinopoisk.ru/film/maks-shmeling-boets-reykha-2010-445338/>. Accessed: 08.11.2018 (In Russ.).
- [8] Malinova O.Yu. Theme of the past in the Rhetoric of Russian Presidents. *Pro et Contra*. 2011; Vol. 15; 3—4: 106—122 (In Russ.).
- [9] Miller A.I. The Role of Expert Communities in the Politics of Memory in Russia. *Politiya: Analiz. Hronika. Prognoz (ZHurnal politicheskoy filosofii i sociologii politiki)*. 2013; № 4 (71): 114—126 (In Russ.).
- [10] Rommel' (TV). *Kinopoisk*. Available from: <https://www.kinopoisk.ru/film/rommel-2012-682870/>. Accessed: 08.11.2018 (In Russ.).
- [11] He's Back. *Kinopoisk*. Available from: <https://www.kinopoisk.ru/film/907661/>. Accessed: 08.11.2018 (In Russ.).
- [12] 1944. *Kinopoisk*. Available from: <https://www.kinopoisk.ru/film/799983/>. Accessed: 08.11.2018 (In Russ.).
- [13] Belgrade Jews Oppose Rehabilitation of World War II-era Prime Minister. *Haaretz*. 24.10.2016. Available from: <https://www.haaretz.com/world-news/europe/belgrade-jews-oppose-rehabilitation-of-world-war-ii-era-prime-minister-1.5452773>. Accessed: 08.11.2018.
- [14] “If EU Ignores This — Hitler's Rehabilitation Might Be Next”. *B92*. 22.06.2016. Available from: https://www.b92.net/eng/news/politics.php?yyyy=2016&mm=07&dd=22&nav_id=98702. Accessed: 08.11.2018.
- [15] Serbs and Croats Clash over Allegations of Nazi Pasts. *The Irish Times*. 16.05.2015. Available from: <https://www.irishtimes.com/news/ireland/irish-news/serbs-and-croats-clash-over-allegations-of-nazi-pasts-1.2214464>. Accessed: 08.11.2018.
- [16] The Last Taboo. Will Germany Finally Rehabilitate Nazi-Era ‘Traitors’? *Spiegel Online*. 28.01.2009. Available from: <http://www.spiegel.de/international/germany/the-last-taboo-will-germany-finally-rehabilitate-nazi-era-traitors-a-604076.html>. Accessed: 08.11.2018.

Сведения об авторе:

Белов Сергей Игоревич — кандидат исторических наук, ученый секретарь Центрального музея Великой Отечественной войны 1941—1945 годов (ORCID ID: 0000-0002-1464-040X) (e-mail: belov2006s@yandex.ru).

Information about the author:

Sergey I. Belov — PhD in History, Scientific Secretary of Central Museum of the Great Patriotic War 1941—1945 (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-1464-040X) (e-mail: belov2006s@yandex.ru).

Статья поступила в редакцию 21.11.2018.

Received 21.11.2018.

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-1-118-128

ВЛИЯНИЕ ИНТЕРНЕТА НА РАЗВИТИЕ ДЕМОКРАТИИ В ТАИЛАНДЕ

Д. Сатхита

*Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198*

В статье рассматриваются роль, особенности и влияние Интернета на развитие демократии в Таиланде. В настоящее время Интернет играет важную роль в политической коммуникации. Опираясь на сравнительный подход, автор анализирует преимущества и недостатки использования Интернета как инструмента коммуникации в демократическом обществе. Также большое внимание уделяется особенностям Интернета как канала передачи информации. В результате исследования автор приходит к ряду выводов. С одной стороны, главным преимуществом использования Интернета как инструмента политической коммуникации является низкая ценовая политика распространения информации и доступ к разным источникам информации в любое время. Это стимулирует граждан участвовать в политической деятельности. С другой стороны, массовое распространение Интернета как способа получения информации имеет свои недостатки: поток недостоверной информации, широкий доступ людей к дезинформации и дальнейшее расхождение мнений, чреватое политическими конфликтами. В Таиланде граждане в целом не могут свободно использовать Интернет, поэтому сложно сказать, что он оказывает влияние на развитие демократии в стране.

Ключевые слова: Интернет, Таиланд, демократия, политическое участие

В современном мире Интернет является инструментом влияния на умы и поведение человечества, он играет особую роль в различных политических и демократических процессах [6]. Интернет представляет собой инструмент коммуникации в политическом участии граждан, в государственном правлении, в коммуникативной деятельности гражданского общества, а также в других процессах, связанных с демократией. Фактически вся политическая деятельность связана с передачей информации между различными группами людей в демократическом обществе.

Говоря о влиянии Интернета на развитие демократии в Таиланде, стоит сразу упомянуть о свободе Интернета как одной из самых главных характеристик [19]. Интернет должен стать предметом повседневного использования.

Раньше виртуальный мир Интернета считался медиатеатральностью, предусматривающей разные функции. Сегодня же Интернет превратился в канал передачи политического знания, возможности выбора источников информации, а также в способ политической мобилизации [3]. Основным фундаментом свободного использования Интернета служит «Всеобщая декларация прав человека». В статье 19 декларации говорится, что каждый человек имеет право на свободу убеждений и их выражения. Это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений, искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ [4].

При написании данной статьи были поставлены следующие задачи:

- определить роль Интернета в демократической деятельности;
- оценить свободу в интернет-пространстве как канал получения информации;
- проанализировать степень свободы Интернета в Таиланде с 2001 по 2017 гг.

Роль Интернета в демократическом политическом процессе можно разделить на три основные области: информационная, коммуникационная и деятельная функция [10].

1. ИНФОРМАЦИОННАЯ ФУНКЦИЯ

В философской трактовке информация рассматривается как мощный ресурс, который влияет на все процессы общественного развития и является основным орудием «мягкой силы» [2]. Информационная функция Интернета влияет на демократический процесс. Интернет фактически является каналом передачи, получения и обмена информацией без каких бы то ни было границ [1]. Также информация в Интернете обновляется непрерывно, круглосуточно. Кроме того, важно отметить и тот факт, что стоимость использования Интернета намного дешевле, нежели другие каналы коммуникации. Более того информация в Интернете труднее блокируется и поддается влиянию властей [13]. Интернет дает гражданам больше возможностей, все они равны в вопросе доступа к информации; использование Интернета свободно и беспристрастно. Это важный плюс для тех граждан, которые занимаются самообразованием в демократическом обществе [15].

По-нашему мнению, Интернет дает большое количество разной информации и предоставляет возможность выбора той, которая необходима человеку в данный момент. Полученная по различным каналам информация, особенно через Интернет, является основой для укрепления демократии. Наличие у граждан возможности доступа к информации, помогающей им принимать правильные решения, способствует эффективному голосованию. Кроме того, это усиливает стремление населения к политическому участию, а также расширяет их самоуправление.

Одновременно Интернет позволяет разным группам политических субъектов распространять по различным каналам информацию, что позволяет кандидатам в ходе выборов больше свободы для самовыражения [16]. Правительство и государственная администрация под влиянием Интернета также становятся более открытыми и подотчетными гражданам. В результате у населения появляется больше возможностей для доступа к информации; они могут также следить за деятельностью государственных структур, что способствует прозрачности в работе правительства.

Однако, как говорилось ранее, есть и те, которые видят в Интернете не только преимущества, но и ряд недостатков. Приверженцы данной позиции считают, что Интернет дает гражданам доступ и к не совсем полезной информации: таким образом, население будет только страдать от того, что получает поток «нефильтрованной информации» [22]. Более того, распространяемая информация в Интернете не отличается ничем от данных в других источниках. В этих условиях Интернет

представляет собой всего лишь иную форму коммуникации. Также указывается на проблематичность доступа к информации для тех, кто не может пользоваться Интернетом ввиду отсутствия определенной технической грамотности.

Важно указать и на ту вероятность, что Интернет может использоваться антидемократическими группами, а также может привести к нарушению прав человека. Существует множество примеров того, как Интернет использовался для пропаганды, что способствовало усилению власти антидемократических сил. Не стоит забывать и о том, что правительство может создавать условия, при которых свободный доступ граждан к определенной информации будет ограничиваться или полностью запрещаться.

Нужно отметить, что свободный доступ к Интернету должен быть постоянно, в любое время и без каких-либо ограничений. Однако власти так или иначе способны влиять на информацию, распространяемую в Интернете. В частности, данные, которые мы получаем из интернет-источников, могут быть подготовлены государством для достижения каких-либо определенных целей.

Затрагивая информационную функцию, П. Норрис, англо-американский политолог и профессор сравнительной политологии в Школе управления им. Джона Ф. Кеннеди Гарвардского университета, анализирует онлайн-материалы на сайтах государственных информационных агентств во всем мире, чтобы узнать их влияние на демократическое развитие. В анализе использовались три категории, которые были классифицированы по функциям информационных технологий для развития демократии. В результате анализа использования Интернета в государственных СМИ было доказано, что благодаря всемирной сети качество информации намного выше. Кроме того, была выявлена высокая эффективность двусторонней коммуникации и возможность участия граждан в формировании самой информации [18].

По мнению Британского исследователя С. Коулмана, есть три преимущества в использовании Интернета в демократическом обществе: свободный доступ к источникам информации, взаимодействие в обществе и коллективная поддержка действий в политических партиях [12].

2. КОММУНИКАТИВНАЯ ФУНКЦИЯ

В наше время пространство Интернета стремительно расширяется. Люди в обществе могут общаться быстро, вне зависимости от нации, страны или границ. Интернет позволяет создать новое сообщество, в котором можно эффективно обмениваться опытом, знаниями и культурой. Это считается важным шагом вперед по пути развития человечества [21].

С точки зрения сторонников развития Интернета, преимуществами такого рода коммуникации являются, в частности, экономия времени, быстрое взаимодействие и горизонтальная коммуникация, а также содействие коммуникации между людьми и правительством. Вследствие этого власти всегда могут быть на связи с населением, слыша его мнение и эффективно реагируя на недовольство. Следовательно, Интернет предстает перед нами самым простым и быстрым способом коммуникации.

При интернет-коммуникациях граждане могут по-новому взаимодействовать с правительством, представителями власти и другими политическими деятелями [14]. В условиях, при которых политическая система включает в себя партии, объединяющие людей с одними и теми же интересами, важно указать и на тот факт, что коммуникационная функция Интернета способствует участию граждан в дебатах и в решении различных вопросов в политических процессах [18]. В конце концов, существуют онлайн-дискуссии, которые позволяют людям выражать свои мнения свободно и искренне. Интернет становится новой общественной площадкой. Некоторые аналитики отмечают, что в связи с быстрым развитием интернет-сферы появилась новая форма прямой демократии, которая получила название «либертарианская демократия». Эта форма возникла на основе отношений между «цифровыми государствами и цифровыми гражданами»; при условиях, когда люди участвуют в процессе принятия политических решений с помощью информационных технологий.

Интернет способствует росту плюрализма мнений, поскольку всемирная сеть способствует увеличению числа разнообразных каналов доступа к информации. Это приводит к коммуникации между разными людьми из разных точек мира, в том числе и между государственными служащими. Интернет способствует появлению политической конкуренции, укрепляет сети организации гражданского общества, а новые социальные движения передают власть гражданам для осуществления самоуправления [7].

В то же время необходимо отметить, что противники активного использования Интернета также рассматривают его как непосредственный инструмент политического участия. Важно отметить, что и данная группа аналитиков прекрасно умеет использовать интернет-технологии для оказания влияния на политическое участие людей. Зачастую из-за доминирования позиций политических партий над мнением населения граждане не могут в полной мере обозначать свою позицию: таким образом, Интернет предоставляет населению иную площадку для выражения позиции по каким-либо вопросам.

В то же время важной проблемой Интернета является отсутствие идентификации пользователей [9]. Люди могут выражать свои мнения, не неся никакой ответственности за это. Данный факт способствует тому, что в Интернете в большом количестве публикуются материалы низкого качества или же недостоверные. Большинство недостоверной информации, публикуемой в интернет-чатах, демонстрирует приверженность авторов к той или иной партии в обществе.

Вышеупомянутые проблемы могут также быть вызваны тем фактом, что Интернет не позволяет в полной мере обсуждать и обмениваться политическими мнениями. Уровень взаимодействия в Интернете несопоставим с коммуникацией людей лицом к лицу (face to face). Дискуссии в Интернете — это текстовые дискуссии, которые являются слишком поверхностными для обеспечения надежной коммуникации.

Автор полагает, что, несмотря на тот факт, что Интернет является быстрым способом коммуникации между гражданами и государством, у населения по-прежнему нет доступа ко всем видам информации. В частности, власти могут поддер-

гать информацию цензуре, закрывать каналы с информацией, которая, по их мнению, не нужна гражданам. В демократическом обществе такого не должно быть. Более того, хотелось бы указать на еще один важный момент: в условиях развития Интернета те граждане, которые не имеют доступа к всемирной сети, не имеют возможности взаимодействовать с государством посредством Интернета.

3. ДЕЯТЕЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ

Интернет способствует развитию общественной деятельности, участию граждан в демократическом процессе общества, например, электронное голосование, онлайн дебаты и онлайн референдумы. В этом случае Интернет можно назвать самым дешевым каналом коммуникации по сравнению с другими СМИ.

Но что более важно, с помощью Интернета граждане экономят свое время, так как могут «включиться в процесс» из любой точки мира, в любое время, когда им удобно. Граждане могут вступать в новые социальные сети или присоединиться к виртуальному сообществу благодаря Интернету, который выступает проводником демократии.

Коммуникация и взаимодействие граждан через Интернет способствует их участию в общественной деятельности, что усиливает роль социальных сетей в современном обществе. Интернет стал своеобразным «сбором» ресурсов: поиска информации, предложений о сотрудничестве, а так же помощником, через который можно получить любую доступную информацию из разных источников. Люди разных социальных статусов используют Интернет в качестве инструмента обмена мнениями друг с другом, что зачастую приводит к созданию устойчивых сообществ.

Можно сказать, что пользователи Интернета все чаще участвуют в общественной деятельности, а те, кто уже начал принимать активное участие в жизни общества посредством Интернета, еще больше активизируются в данных процессах. Люди, которые выражают свое мнение в онлайн сети и принимают участие в обсуждении различных тем, повышают социальное доверие к себе больше, чем те люди, которые пренебрегают данным преимуществом. Это связано с тем, что социальные сети способствуют развитию доверия в обществе, а также объединению людей в политической деятельности. И с каждым годом по мере развития информационных технологий и цифровизации всех слоев общества уровень доверия будет продолжать расти.

С другой стороны, есть противоположная точка зрения на столь значимое влияние Интернета на общество. Ученые, занимающиеся изучением воздействия Интернета на людей, приводят факты, что использование Интернета в демократической деятельности вызвало много проблем, например, при онлайн голосовании и онлайн-опросах. Интернет в политическом процессе может также оказаться неэффективным из-за профессиональной некомпетентности людей, которые не способны справиться с технической стороной данного инструмента. Также порой связь через Интернет не улучшает отношения между людьми. Общение в Интернете не всегда сопровождается доверительными отношениями между поль-

зователями, а ведь это является основой для социального капитала. Более того, сегодня люди все больше времени проводят в Интернете и все меньше участвуют в общественной деятельности социума. Тем не менее, подача информации в Интернете дополнительно к традиционным СМИ не влияет на политическое участие.

Интернет также стал фактором возникновения проблемы плюрализма мнений (гиперплюрализма) в больших сообществах, порождающего хаос в процессе принятия решений в политике и нестабильность в отношениях между политическими партиями и сообществами.

Вместе с тем можно отметить, что активность пользователей в Интернете не всегда реализуется в жизни, «на деле». Люди высказывают различные мнения, пишут комментарии, спорят, но по сути все это остается только словами, а к действиям такая словесная активность приводит редко. Поток информации и мнения граждан в Интернете могут рассматриваться как «голос в никуда». Интернет, с этой точки зрения, представляет собой всего лишь площадку, где граждане могут высказать мнения, но не более того.

Посмотрим, как эти функции Интернета регулируют в Таиланде. В опубликованном докладе «Фридом Хаус» (Freedom house) о свободе Интернета (Freedom on the Net 2016) приведены данные, что с 2001 по 2016 год использование Интернета в Таиланде не было свободным. Только в 2013 году использование Интернета стало частично свободным. В 2016 году в Таиланде только 39% из 68 миллионов человек населения имели доступ к Интернету [14]. Некоторые онлайн-коммуникационные программы до сих пор запрещены, доступ к определенным новостям и информации закрыт, за использование Интернета в некоторых случаях граждане даже могут быть осуждены и приговорены к тюремному сроку.

В настоящее время около 100 тайцев отбывают наказание в тюрьме за оскорбления членов королевской семьи в онлайн сети. Они разместили на странице в соцсети «Фэйсбук» несколько фотографий с изображениями членов королевской семьи и написали комментарии [9]. Правительство заблокировало доступ к 10 000 сайтов и социальных сетей, которые публиковали информацию или высказывали мнения через онлайн-медиа, оскорблявшие членов королевской семьи [19].

После военного переворота 2014 года под непосредственным руководством командующего Королевской армией Таиланда генерала Праюта Чан-Оча тайским интернет-пользователям стали больше угрожать и их стали больше арестовывать. Национальный совет по сохранению мира и порядка ввел цензуру в СМИ, вызвал 400 тайских граждан на допрос, некоторые из них должны были предоставить доступ к личным социальным сетям. Также был издан «закон о цифровой экономике», а личное пространство пользователей в Интернете и свобода выражения мнений в Интернете уменьшились [20].

Нужно отметить, что ограничение свободы выражения мнения в Интернете препятствовало росту цифровой экономики, что полностью противоречит закону. Государство использовало множество способов, которые нарушали свободу онлайн-пользователей. Зачастую правительство использовало против пользователей Интернета закон о компьютерной преступности. Более того, был принят закон

об оскорблении королевской семьи. Люди, которые нарушают этот закон, не могут обжаловать приговор, поэтому многие политические деятели используют этот пункт для преследования политических противников.

За последние несколько лет уровень доступа тайцев к Интернету вырос благодаря недорогой стоимости подключения. Государство уменьшило цену на эту услугу и способствовало ускорению и качеству интернет-трафика. Однако в Бангкоке и больших городах цена, скорость и качество еще отличаются от других маленьких городов. После переворота 2014 года государство планировало ввести проект развития Интернета по всей стране «Singlegateway», для того, чтобы контролировать доступ граждан Таиланда к Интернету [11].

Основные характеристики использования Интернета в Таиланде на сегодняшний день состоят в следующем.

1. Проблематичность получения доступа к Интернету. То есть решающую роль в получении доступа к Интернету играет социальный статус пользователя и его экономическое положение — чем значимее статус и больше материальных средств, тем больше шанс получить доступ. А также для того, чтобы получить доступ, необходимо пройти ряд процедур в организации, которая регулирует этот процесс.

2. Ограничение содержания. Существует регулирующий закон об использовании Интернета, он вводит определенную цензуру на информацию, размещенную в онлайн-СМИ.

3. Нарушение свободы, личного пространства пользователя в сети, контроль государства за онлайн-деятельностью, возможностью заключения в тюрьму, исполнение внесудебных правил [19].

Можно отметить, что проект «Singlegateway» имеет как преимущества, так и недостатки. К плюсам можно отнести тот факт, что государство может контролировать доступ людей к Интернету во всей стране, особенно к нелегальным и опасным сетям, которые могут нести террористическую угрозу. К недостаткам относят ограничение личного пространства пользователей в сети; перерывы в работе Интернета, то есть если «Singlegateway» не работает, то во всей стране тоже не работает Интернет; ограничение доступа к необходимой информации; высокая цена на подключение к Интернету.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Интернет помог расширить границы политического пространства и облегчил процесс политического участия людей в обществе. Это послужило распространению информации, снизило цену политических операций, позволило создать больше источников информации и облегчило людям доступ к информации политического характера. Все вместе это стимулирует людей к получению информации и знаний, участию в политической деятельности, а так же зарождает и распространяет крепкую связь между гражданами.

С другой стороны, Интернет оказал негативное влияние на политику и демократию: огромный непрекращающийся поток недостоверной информации; доступ людей к ложным данным; расхождение мнений между людьми.

Однако Интернет все больше влияет на повседневную жизнь человека. Раньше Интернет представлял «новый мир» или «виртуальный мир», в котором мы можем делать что угодно; быть кем хотим. Сегодня реальный мир и виртуальный мир соединяются комплексно, и мы уже не можем быть уверены, что есть ли у нас свобода в виртуальном мире или нет.

Если граждане принимают участие в политической жизни общества с помощью Интернета, он должен быть инструментом, проводником, помощником для граждан.

Интернет имеет свой собственный имидж, он развивался и эволюционировал так, чтобы люди могли доверять и быть уверены в нем больше, чем в других медиа. Однако очень много информации в Интернете может быть ненужной или бесполезной, но все зависит от запроса пользователя. Если человеку нужна информация, которую он использует в дальнейшем в благих целях, то такую информацию легко найти и проверить.

Автор приходит к выводу, что свобода Интернета в Таиланде отражает ценность других свобод и прав, которые даны политическому и культурному обществу страны. В ответе за свободу Интернета не только государство или закон, но и граждане. Они должны отстаивать свое право на свободное использование Интернета. Высказывание мнений, написание комментариев или бездумное «поглощение» любой информации провоцируют конфликты, и тем самым создают почву для введения законопроектов о контроле свободы граждан. Свобода — это ответственность. Свобода Интернета на внутригосударственном и мировом уровне является взаимответственностью между государством и гражданами или глобальным обществом.

Но так как использование Интернета в Таиланде строго контролируется государственными ведомствами, нельзя сказать, что Интернет существенно влияет на развитие демократии в Таиланде.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Богданов Д.В.* Социальные функции интернета // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2011. № 1 (21). С. 114—120.
- [2] *Восканян А.Г.* Трансформация современной общественно-политической жизни в развивающейся информационно-коммуникационной среде // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2012. № 2. С. 136—148.
- [3] *Восканян А.Г., Почта Ю.М.* Значимость коммуникационных средств Интернета в современной политике // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2013. № 3. С. 79—97.
- [4] Всеобщая декларация прав человека. Режим доступа: <https://www.lexilogos.com/declaration/index.htm>. Дата обращения: 20.02.2018.
- [5] *Исабаев Б.О.* Интернет как инструмент политической коммуникации: тенденции развития // Вестник Казахского Национального Педагогического Университета имени Абая. Серия: Социология и Политология. 2010. № 3 (31). С. 46—52.
- [6] *Картов П.Н.* Роль новых медиа в политической коммуникации: Интернет как инструмент формирования новой политической реальности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2013. № 1. С. 137—149.
- [7] *Михалёв Ю.А.* Роль Интернета в политике государств современного мира // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Общественные науки. 2015. № 26. С. 147—154.

- [8] *Опанасенко Н.В.* Измерения коммуникативных связей современных политических коммуникаций в пространстве сети Интернет // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2015. № 3. С. 82—85.
- [9] Таец получил 35 лет тюрьмы за оскорбление королевской семьи // Lenta.ru. 09.06.2017. Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2017/06/09/taezsrok/>. Дата обращения: 20.02.2018.
- [10] *Туронок С.* Интернет и политический процесс // Общественные науки и современность. 2001. № 2. С. 51—63.
- [11] As Thailand Restricts Internet Freedom Cyber Activists Work to Keep an Open Web // The Conversation. 26.07.2017. Режим доступа: <http://theconversation.com/as-thailand-restricts-internet-freedom-cyber-activists-work-to-keep-an-open-web-80911>. Дата обращения: 20.02.2018.
- [12] *Coleman S.* E-democracy — What is the Big Idea? The Paper was commissioned by The Governance Team (Governance and Information). Manchester: British Council, 2005.
- [13] *Dorris G., White B.* The Many Faces of News: From Main Stream Media to Cybermedia. Paper Read at a Meeting of the American Political Science Association. Chicago: University of Illinois, 1999.
- [14] Freedom on the Net 2016 // Freedom House. Режим доступа: <https://freedomhouse.org/report/freedom-net/2016/thailand>. Дата обращения: 20.02.2018.
- [15] *Hague B.N., Loader B.D.* Digital democracy: Discourse and Decision-making in the Information Age. London: Routledge, 1999. 296 p.
- [16] *Hill K.A., Hughes J.E.* Cyberpolitics: Citizen Activism in the Age of the Internet. Lanham, MD: Rowan amp; Littlefield, 1998. 220 p.
- [17] *Norris P.* Deepening Democracy via E-Governance; Chapter for the UN World Public Sector Report. Harvard University, 2003. 37 p.
- [18] *Noveck B.S.* Paradoxical Partners: Electronic Communication and Electronic democracy // Peter Ferdinand. (ed.) The Internet, Democracy and Democratization. London: Frank Cass, 2000. P. 19—35.
- [19] *Pongsawat P.* Thailand and Internet Freedom 2016 // Matichon online. 22.11.2016. Режим доступа: <https://www.matichon.co.th/news/366683>. Дата обращения: 20.02.2018.
- [20] Report on Internet Freedom Case Study in Thailand 2015 // Thainetizen Network. 16.05.2016. Режим доступа: <https://thainetizen.org/2016/05/freedom-on-the-net-2015-report-thailand/>. Дата обращения: 20.02.2018.
- [21] *Saengtongkum V.* Media and Thai society: Power of Internet // Mathichon weekly. 21.02.2017. Режим доступа: https://www.matichonweekly.com/column/article_83663. Дата обращения: 20.02.2018.
- [22] *Tedesco J.C.* Chapter 19: Changing the Channel: Use of the Internet for Communicating About Politics // Lynda Lee Kaid (ed.) Handbook of Political Communication Research. Mahwah, New York: Lawrence Erlbaum Associates, 2004. 541 p.

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-1-118-128

THE IMPACT OF THE INTERNET ON THE DEVELOPMENT OF DEMOCRACY IN THAILAND

D. Sathita

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya str., 6, 117198, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article examines the role and peculiarities of the internet in Thailand as well as its influence on the development of democracy in the country. At present, information technology is becoming an essential communication tool and the internet plays an important role in political communication.

The author uses comparative political method to analyze the advantages and disadvantages of using the internet as a communication instrument in democratic society. Also, the article focuses on the function of the internet as an information transmission channel. The analysis results show that the main advantage of using the internet as a political communication tool is low cost of information distribution as well as all-round access to various information sources. This encourages citizens to participate in political activities of the state. On the other hand, the mass distribution of the internet as the main source of information has its disadvantages: unreliability of data, wide access to false information and discordance of opinions. In Thailand, citizens do not have free access to the Internet, so it is doubtful that it will have a great impact on the development of democracy in the country.

Key words: the internet, Thailand, democracy, political participation

REFERENCES

- [1] Bogdanov D.V. Social Functions of the Internet. *Vestnik Nizhegorodskogo Universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nyye nauki*. 2011; 1 (21): 114—120 (In Russ.).
- [2] Voskanyan A.G. The Transformation of Modern Social Political Life in The Scopes of Rising Communication Environment. *RUDN Journal of Political Science*. 2012; 2: 136—148 (In Russ.).
- [3] Voskanyan A.G., Pochta YU.M. The Significance of Communication Means of the Internet in Contemporary Politics. *RUDN Journal of Political Science*. 2013; 3: 79—97 (In Russ.).
- [4] *Universal Declaration of Human Rights*. Available from: <https://www.lexilogos.com/declaration/index.htm>. Accessed: 20.02.2018 (In Russ.).
- [5] Isabayev B.O. Internet as a Political Communication Tool: Development Trends. *Vestnik Kazakhskogo Natsional'nogo Pedagogicheskogo Universtiteta imeni Abaya. Seriya: Sociologiya i Politologiya*. 2010; 3: 46—52 (In Russ.).
- [6] Karpov P.N. The Role OF New Media in the Political Communication: Internet as an Instrument of Setting the New Agenda. *RUDN Journal of Political Science*. 2013; 1: 137—149 (In Russ.).
- [7] Mikhalyov YU.A. The Role of Internet in States' Policy in Contemporary World. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Seriya: Obschestvennyye nauki*. 2015; 26: 147—154 (In Russ.).
- [8] Opanasenko N.V. Measurements of Communication Links of Modern Political Communication in Internet. *RUDN Journal of Political Science*. 2015; 3: 82—85 (In Russ.).
- [9] A Thai Was Sentenced to 35 Years in Prison for Insulting the Royal Family. *Lenta.ru*. 09.06.2017. Available from: <https://lenta.ru/news/2017/06/09/taezsrok/>. Accessed: 20.02.2018 (In Russ.).
- [10] Turonok S. Internet and Political Process. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. 2010; 2: 51—63 (In Russ.).
- [11] As Thailand Restricts Internet Freedom Cyber Activists Work to Keep an Open Web. *The Conversation*. 26.07.2017. Available from: <http://theconversation.com/as-thailand-restricts-internet-freedom-cyber-activists-work-to-keep-an-open-web-80911>. Accessed: 20.02.2018.
- [12] Coleman S. *E-democracy — What is the Big Idea?* The Paper was commissioned by The Governance Team (Governance and Information). British Council; Manchester; 2005.
- [13] Dorris G., White B. *The Many Faces of News: From Main Stream Media to Cybermedia. Paper Read at a Meeting of the American Political Science Association*. University of Illinois, Chicago; 1999.
- [14] Freedom on the Net 2016. *Freedom House*. Available from: <https://freedomhouse.org/report/freedom-net/2016/thailand>. Accessed: 20.02.2018.
- [15] Hague B.N., Loader B.D. *Digital Democracy: Discourse and Decision-making in the Information Age*. London: Routledge; 1999. 296 p.
- [16] Hill K.A., Hughes J.E. *Cyberpolitics: Citizen Activism in the Age of the Internet*. Lanham, MD: Rowan amp; Littlefield; 1998. 220 p.
- [17] Norris P. *Deepening Democracy via E-Governance; Chapter for the UN World Public Sector Report*. Harvard University; 2003. 37 p.

- [18] Noveck B.S. Paradoxical Partners: Electronic Communication and Electronic Democracy. Peter Ferdinand. (ed.) *The Internet, Democracy and Democratization*. London: Frank Cass; 2000: 19—35.
- [19] Pongsawat P. Thailand and Internet Freedom 2016. *Matichon online*. 22.11.2016. Available from: <https://www.matichon.co.th/news/366683>. Accessed: 20.02.2018.
- [20] Report on Internet Freedom Case Study in Thailand 2015. *Thainetizen Network*. 16.05.2016. Available from: <https://thainetizen.org/2016/05/freedom-on-the-net-2015-report-thailand/>. Accessed: 20.02.2018.
- [21] Saengtongkum V. Media and Thai Society: Power of Internet. *Matichon weekly*. 21.02.2017. Available from: https://www.matichonweekly.com/column/article_83663. Accessed: 20.02.2018.
- [22] Tedesco J.C. Chapter 19: Changing the Channel: Use of the Internet for Communicating About Politics. Lynda Lee Kaid (ed.) *Handbook of Political Communication Research*. Mahwah; New York: Lawrence Erlbaum Associates; 2004. 541 p.

Сведения об авторе:

Дежтхонгпонг Сатхита — стажер кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов (e-mail: sathita_d@gmail.com).

Information about the author:

Dejthongpong Sathita — Trainee of the Department of Comparative Politics of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Russian Federation) (e-mail: sathita_d@gmail.com).

Статья поступила в редакцию 28.02.2018.
Received 28.02.2018.

© Сатхита Д., 2019.

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-1-129-139

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ БАНГЛАДЕШ И КУЛЬТУРА ПОЛИТИЧЕСКОГО НАСИЛИЯ

И. Мд Сазедул

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Политические партии рассматриваются как важная часть демократического процесса в стране. Они выражают интересы различных слоев общества, участвуя в выборах, влияют на формирование политической и социально-экономической стратегии власти. Тем самым политические партии способствуют обеспечению справедливых прав всех граждан страны и вовлечению их в реализацию демократического процесса. Демократические институты в Бангладеш представлены официально зарегистрированными 40 партиями, среди которых крупнейшими и наиболее популярными являются Авами Лиг, Националистическая партия, Джатиа парти и Джамаат-и-ислами. В статье рассматривается участие политических партий в жизни страны с момента создания Бангладеш, сравниваются идеология, организационная структура, руководство и поддержка населением четырех основных политических партий в период избирательных компаний. Для политической истории страны характерно то, что победившая партия всегда использует монополию власти в своих интересах, что зачастую способствует обострению ситуации и противостоянию оппозиционных партий и власти. Это является в значительной степени препятствием социально-экономическому развитию страны. В различных районах страны проходят забастовки, зачастую сопровождающиеся экстремистским насилием. Используя исторический метод, автор проводит анализ природы противостояния различных политических сил в Бангладеш.

Ключевые слова: политическая партия, демократический процесс, насилие, Авами Лиг, Националистическая партия, Джатиа парти и Джамаат-и-ислами

Политическая партия — самая активная и организованная часть социальной группы или класса, выражающая их интересы, связанные идеологической общностью и борьбой за политическую власть [3]. Политические партии играют важнейшую роль в общественно-политической жизни. В Древней Греции формирование партий было связано с желанием правящих сил привлечь население на их сторону, чтобы проводить определенную политику. То есть в древние времена партии рассматривались как инструмент борьбы за власть и сохранение власти, как инструмент влияния на общество. В современных условиях политические партии начали создаваться по историческим меркам относительно недавно. Сначала в Англии в 70—80-е годы XVII века была сформирована партия тори (консерваторов) и партия вигов (либералов). Это были партии правящих классов, конкурирующие в борьбе за влияние на королевскую власть [3].

В процессе демократизации в Бангладеш политические партии играют центральную роль. Партии выражают требования различных групп населения в своих программных документах и тем самым добиваются их поддержки. Значителен их

вклад в политическую социализацию людей. Они выбирают и обучают из числа своих сторонников кандидатов на выборные должности, контролируют деятельность правительства. Партии связывают простых людей с правительством и информируют правительство об общественном мнении [15].

ОСНОВНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ БАНГЛАДЕШ

После обретения независимости Бангладеш в период 1972—1975 годов существовала только одна политическая партия. Во время нахождения военных у власти (1975—1990 гг.) была разрешена деятельность разных партий, создавалась многопартийная система. В начале 90-х годов фактически доминировали две партии. Они в зависимости от складывающейся политической и экономической обстановки вступали в союз с другими небольшими партиями. Одной из крупных является старейшая политическая партия Авами Лиг, основанная в 1949 году, пользующаяся широкой поддержкой населения. В значительной степени ее популярность связана с ведущей ролью в войне за независимость в 1971 году [12]. В Пакистанский период Авами Лиг и ее лидер Шейх Муджибур Рахман возглавляли различные протестные движения против колониальной политики центральных властей по отношению к бенгальскому населению. В 1970 году на выборах в Национальное собрание Авами Лиг получила 167 из 169 мест, выделенных тогдашнему Восточному Пакистану (сегодня Бангладеш), а в провинциальных структурах управления — 288 из 300 мест [15].

Пакистанские власти не признали результаты выборов и перешли к политике репрессий. Пакистанская армия 25 марта 1971 года внезапно напала на жителей Дакки, столицы страны, и начала убивать невинных людей. Это стало началом гражданской войны. Лишь через 9 месяцев после продолжавшейся вооруженной борьбы Восточный Пакистан получил независимость, в результате чего было создано новое государство Народная Республика Бангладеш.

После обретения независимости оппозиционные партии, идеология которых основана на религии и которые во время освободительной войны имели поддержку со стороны Западного Пакистана, значительно ослабли. Лидер Авами Лиг шейх Муджибур Рахман стал президентом. В 1975 году в результате четырех поправок к Конституции все остальные партии страны были запрещены. Введена президентская форма правления. При этом действовала единственная партия под названием Бангладеш Крисок Шрамик Авами Лига (БАКСАЛ). Членам других политических партий предлагали присоединиться к БАКСАЛ. Но эксперименты с однопартийной системой длились недолго. Через шесть месяцев 15 августа 1975 года Президент вместе со всеми членами его семьи были убиты группой армейских офицеров [15. Р. 5].

Потеряв своего лидера, Авами Лига ослабела и на протяжении двадцати лет находилась вне власти. Авами Лига под руководством дочери Муджибура Рахмана Шейх Хасина Вазед победила на выборах в 1996 году, в 2008 и 2014 годах в альянсе из четырнадцати партий [6]. В состав партии входят такие организации, как Сатро Лига (Студенческая Лига), Джубо Лига (Молодежная Лига), Срамик Лига

(Трудовая Лига) и некоторые другие. Они играют важную роль в деятельности партии. В основе идеологии Авами Лиг лежит бенгальский национализм, демократия, секуляризм (свобода для всех религий), общинная политика, социализм, свобода от эксплуатации и социальная справедливость [15. Р. 11].

После смерти Шейха Муджибура Рахмана политическая жизнь в Бангладеш оказалась в длительном кризисе. Генерал армии Зиаур Рахман, бывший одной из главных фигур в борьбе за независимость, взял власть, ввел военное положение, став вначале главой администрации, а затем в 1977 году президентом страны [6]. В сентябре 1978 года им была основана Националистическая партия Бангладеш.

В этот период была изменена Конституция страны, что позволило войти в политику многим политическим партиям. Зиаур Рахман был убит в 1981 году. После долгих уговоров вдова убитого Президента Халеда Зиа была утверждена исполнительным вице-председателем националистической партии. В конце 1984 года ее избрали председателем. На выборах 1991 года она утверждена премьер-министром [11]. Основой идеологией этой партии являются бангладешский национализм, демократия, свободная рыночная экономика, признание ислама религией большинства населения [15]. Националистическая партия выступала за более тесные отношения с большинством мусульманских государств и обвинила Авами Лиг в желании поставить под угрозу эти связи, основанные на религиозной идентичности, укреплении связей с Индией, провозглашении политики секуляризма. В круг влияния Националистической партии входил также ряд различных организаций, таких как Джобо дол (Молодежная лига), Сатро дол (Студенческая лига).

Генерал Эршад, второй военный руководитель Бангладеш (1982—1990), издал декрет, по которому всякая партийная деятельность в стране была запрещена. Однако в ноябре 1983 года создается новая партия под именем Джанадал во главе с юристом Ахсануддином, поддерживающая политический курс властей. В 1985 году Эршад основал другую организацию под названием Джатио фронт, которая в 1986 году была преобразована в партию. Эршад стал ее председателем [15. Р. 6].

В 2001 году после выборов Джатио в союзе с Националистической партией вошла в Правительство. Накануне выборов в 2008 году в партии возникла дискуссия о дальнейшем альянсе с одной из двух основных крупных партий. В результате она уже в союзе с Авами Лиг победила на выборах и вошла в правительство. На выборах 2014 года Джатио участвовала самостоятельно. Поскольку Националистическая партия отказалась участвовать в выборах, Джатио стала единственной оппозиционной партией в парламенте страны. Основой идеологии этой партии провозглашается независимость и суверенитет, исламская идеология, свобода всех религий, бангладешский национализм, демократия, социальный прогресс и экономическая свобода [15. Р. 11].

Джамаат-и-ислами — четвертая по численности политическая сила в стране и самая организованная среди других партий. Она была образована в 1941 году известным исламским ученым Сайидом Абулом Ала Модудом и действовала кроме Бангладеш в Пакистане и Индии. В Индии она не проявляла политическую активность, в Бангладеш и Пакистане активно участвовала в избирательном процессе.

Политическая философия Джамаат-и-ислами состоит в создании государства, основанного на законах ислама [10]. Она с самого начала была инспирирована партией «Братья-мусульмане», созданной в Египте еще в 1928 году с целью достижения исламской революции и создания исламского государства [9].

В 1971 году во время освободительной войны Джамаат-и-ислами поддерживала репрессивные действия Пакистанской армии против бенгальского населения. Члены и сторонники этой партии принимали непосредственное участие совместно с пакистанской армией в массовых убийствах, изнасилованиях, разрушении домов и захвате имущества представителей меньшинств. В результате миллионы людей вынуждены были бежать в Индию.

Джамаат-и-ислами в то время создала из числа своих сторонников группы поддержки пакистанской армии. Такие группы, как Разакар, Аль-Бадр, Аль-шамс, особенно зверствовали в декабре 1971 года в разных городах за несколько дней до освобождения. Так, только 14 декабря в Дакке были убиты сотни известных профессоров, певцов, писателей, других деятелей культуры, просвещения и науки. Чувствуя свое неминуемое поражение, пакистанская армия и мусульманские экстремисты пытались уничтожить бенгальскую интеллектуальную элиту. После освобождения и окончания военных действий в декабре 1971 года многие лидеры Джамаат-и-ислами ушли в подполье, а некоторые бежали в Пакистан.

Конституция 1972 года лишила религиозные партии возможности участвовать в политической жизни страны. Однако отстранение исламистов от участия в политике было недолгим. Придя к власти, генерал Зиаур Рахман позволил религиозным партиям вернуться в политику, и лидерам Джамаат-и-ислами было разрешено вернуться в страну [10].

В 2010 году правительство Шейха Хасины (лидер партии «Авами Лиг») учредило Международный трибунал для наказания лиц, ответственных за преступления, совершенные во время движения за независимость Бангладеш. В ходе борьбы за независимость пакистанскими силами безопасности и их сторонниками было убито около трех миллионов бенгальцев и изнасиловано более 200 000 женщин. После получения независимости в 1973 году был принят Закон о Международном трибунале по делам о преступлениях. Предполагалось привлечь к ответственности почти 200 военных преступников. Однако в последующем в договоре, подписанном между Индией, Пакистаном и Бангладеш, предполагаемые военные преступники были помилованы [8].

Джамаат-и-ислами активно участвовала в социальной жизни страны. Положение партии изменилось в августе 2013 года, когда Высокий суд Дакки объявил регистрацию политической партии Джамаат-и-ислами незаконной на том основании, что ее устав не признает парламент единственным учреждением, принимающим законы, запрещает немусульманам и женщинам его возглавлять. Высший суд Бангладеш утвердил это решение, лишив партию регистрации. В ноябре 2013 года, согласно решению Верховного Суда, комиссар избирательной комиссии Шах Наваз заявил, что партия не может участвовать в национальных выборах [8]. Позже многие их лидеры были приговорены к смертной казни за участие в массовых убийствах в 1971 году.

Основой идеологии Джамаат-и-ислами являются: установление исламского образа жизни, справедливого общества и государства, свободного от эксплуатации, вера в Аллаха, демократия, экономическая и социальная справедливость, обеспечение основных потребностей всех граждан независимо от религии и национальности, братство мусульман всего мира и дружба со всеми государствами [15. Р. 11].

ХАРАКТЕР НАСИЛИЯ В СТРАНЕ И СВЯЗЬ С НИМ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

Один из современных политологов справедливо заметил, что насилие — это великая головоломка политики. Проблемы начинаются уже с поиска ответа на вопрос о том, что такое насилие. Одни считают, что насилие является синонимом вреда, зла, причиняемого человеку. Другие отождествляют насилие с принуждением и говорят об идеологическом, психологическом, моральном насилии. Третьи под насилием понимают физическое воздействие на человека. Не меньше неясностей заключает в себе и вопрос о роли насилия в политике. Абсолютное большинство политических деятелей и исследователей в той или иной степени осуждает насилие, говорит об ограниченности его возможностей («на штыках нельзя сидеть») [1].

По словам известного политического деятеля, философа эпохи Возрождения Н. Макиавелли, степень насилия в государстве во многом зависит от людей, его населяющих. В частности, мыслитель писал, что если народ делает глупости, то они опасны не тем, что они сами по себе вредны, а тем, что благодаря создаваемому ими беспорядку может появиться тиран. Если же эти глупости делает тиран, подданные боятся его, но надеются на то, что благодаря его гнусным поступкам его свергнут и восторжествует свобода [4].

Следует отметить, что культура насилия характерна для современной партийной системы в Бангладеш. Как известно, забастовки имели место в колониальный период в борьбе за справедливость, а также в пакистанский период использовались против правителей и диктаторов этой страны [12]. Из политической истории страны известно, что победившая партия всегда пользуется монополией власти на время своего избирательного срока. Поскольку оппозиционные партии имеют мало возможностей для открытого выражения своих взглядов, они часто прибегают к проведению многочисленных забастовок, используя их в качестве средства оказания давления на правящую партию и правительство.

Бангладеш никогда не видела свободных от насилия выборов. Участие политических партий в выборах всегда сопровождалось проявлением насилия, направленного против оппозиции, а также избирателей. С конца 1980-х годов все основные политические партии непосредственно участвовали в столкновениях, сопровождаемых беспорядками. Особенно активно принимали в этом участие студенческие и молодежные организации этих партий. Вооружение этих групп молодежи, по сути, было институционализировано самими партиями.

Это явление общее для всех основных политических партий, имеющих своих собственных вооруженных членов (в частности, они принадлежат к студенческому и молодежному крылу основных партий), Основная цель действий этих групп

заключается в укреплении политической базы и противодействии членам конкурирующих политических партий. Новое проявление политического насилия в последнее время добавило в политический ландшафт взрывы бомб, поджоги домов, похищение людей [12].

Чтобы проанализировать роль двух ведущих партий в эскалации насилия, рассмотрим политическую ситуацию с 2001 по 2017 годы.

Националистическая партия в альянсе с четырьмя партиями пришла к власти в 2001 году и правила до 2006 года. Довольно скоро она стала крайне непопулярной из-за неправильного управления, обмана, злоупотребления властью, убийств, пыток и внесудебных расправ. В это время было убито около 400 человек, более 17 000 получили ранения. В это время внесудебные убийства широко применялись после создания специальных армейских батальонов быстрого реагирования (РАБ). С момента основания РАБ в июне 2004 года по сентябрь следующего года около 600 человек были убиты при так называемом перекрестном огне и более тысячи получили серьезные ранения в результате физических пыток.

По меньшей мере 53 человека были убиты в армии и более семи тысяч физически замучены в период операции «Чистое сердце», которая длилась 86 дней [14. Р. 37].

Авами Лиг пришла к власти во второй раз в 2008 году в альянсе с Джатио Парти и с другими небольшими партиями, и в третий раз в 2014 году. Политическое насилие и при этой партии также оставалось неизменным. С 2009 по 2013 год в общей сложности в стране 20693 человека были убиты. Политически мотивированные убийства стали более многочисленными, 1330 человек были убиты в результате внесудебных расправ, погибло 18 журналистов. Число раненых во многочисленных столкновениях достигло 79883 человек. После всенародных выборов, помимо других групп, студенческое крыло Авами Лиг Сатра Лиг (BCL) было вовлечено в различные акты насилия, в 187 столкновениях в разных университетских кампусах 1711 студентов были ранены и 20 студентов были убиты [14. Р. 22].

В течение всего 2013 года при подготовке национальных выборов 2014 года политические деятели из Авами Лиг, Националистической партии и Джамаат-и-ислами принимали участие в ряде актов насилия на общегосударственном уровне, что сделало выборы 2014 года одними из самых жестоких и не демократических за всю 45-летнюю историю страны [5].

5 января 2014 г. в Бангладеш прошли 10-е парламентские выборы, принесшие вновь победу Хасине Вазед и ее партии «Авами Лиг». Однако как предвыборная кампания, так и процесс голосования прошли не без проблем для партии-победительницы. Ее основная соперница, Националистическая партия, обвинила «Авами Лиг» и ее лидера в использовании административного ресурса во время избирательной кампании, что делало, по ее мнению, победу партии на выборах не законной [3]. Она не участвовала в выборах, требуя создания временного внепартийного правительства в переходный период, формирования нейтральной избирательной комиссии и наблюдения за ними в целях обеспечения свободных и справедливых выборов [7]. Большинство (80%) мест в парламенте получила Авами Лиг. Явка

избирателей была рекордно низкой (40%) из-за бойкота другими партиями и повсеместного насилия. Только в день выборов 21 человек погиб и 553 избирательных участков в школах были сожжены, избирательные комиссии из-за беспорядков приостановили голосование на 597 избирательных участках. Айн о Салиш Кендра, правозащитная организация, находящаяся в Дакке, сообщила о более чем 500 смертях перед выборами в 2013 году, и только в январе 2014 года погибло 62 человека [18].

Еще больше обострилась напряженность в связи с судебным процессом над исламистскими военными преступниками и дискуссии о том, следует ли предоставить политическому исламу юридическое пространство в демократической системе страны. В декабре 2014 года Джамаат-и-ислами и его студенческая организация провели массовые протесты по всей стране, ознаменованные широкомасштабным насилием после казни духовного лидера партии Абдула Кадера Моллах за преступления, совершенные им во время войны за независимость в 1971 году [18].

В январе 2015 года участники массовых демонстраций потребовали, чтобы правительство премьер-министра Хасины прекратило насильственное противостояние между оппозицией и ее сторонниками. В то время погибло 36 человек. За первые два месяца 2015 года экстремистки настроенная молодежь сожгла почти 1200 автомобилей и по меньшей мере погибло 112 человек. По оценкам Всемирного Банка, в первом квартале 2015 года из-за политической нестабильности чистый убыток страны составил 2,2 млрд долларов США [19].

Общественность обеспокоена тем, что стремление правящей партии Авами Лиг оставаться у власти ограничивает участие в политической жизни страны ее оппонентов. Многие лидеры и члены оппозиционных партий были заключены в тюрьму по серьезным обвинениям, 15-ти лидерам Националистической партии и Джамаат-и-ислами суды дали пожизненное заключение за их якобы причастность к силовым протестам в 2013 году. Более 100 членам Националистической партии были предъявлены обвинения за участие в 2015 году в блокаде дорог, учебных заведений и т.д.

В июне 2016 года полиция Бангладеш арестовала 2100 лидеров и активистов оппозиционной Националистической партии в рамках преследования более 11 000 подозреваемых в религиозном насилии исламских экстремистов [13]. В течение 1999—2016 гг. исламистские боевики совершили 203 нападения, направленных против религиозных меньшинств, было убито 190 невинных людей: светских блогеров, представителей интеллигенции и иностранцев, ранено 2658 человек [16].

Насильственное поведение политических партий распространяется на группы меньшинств. Только в 2015 году произошло 262 случая нарушения прав человека. Сообщается, что 24 человека были убиты, 239 получили ранения, 24 — похищены, 25 — изнасилованы, в том числе двое из них были убиты после сексуальных домогательств. Произошло 209 инцидентов, связанных с захватом имущества и земель. Осуществлено 31 нападение на индуистские храмы, 180 изображений богов в этих храмах были уничтожены [17].

ВЫВОДЫ

В данном исследовании рассмотрена эволюция партийной системы в Бангладеш за последние сорок три года. Было проанализировано и проведено сравнение основных черт четырех партий «Авами Лиг», «Националистической партии», «Джатия» и «Джамаат-и-ислами». С момента обретения Бангладеш независимости в 1971 году их политика характеризовалась конфронтацией и политическим насилием. Однако нынешний кризис в Бангладеш является следствием целого ряда сложных вопросов: политика отказа от компромисса, лишения избирательных прав и враждебность способствовали политической нестабильности в стране. Очевидно, что нестабильность является важным политическим явлением в Бангладеш, которое препятствует эффективному управлению и демократизации и что корень этого явления — конфронтация между двумя основными политическими силами. При рассмотрении политической нестабильности утверждается, что взаимоотношения двух ведущих политических партий Авами Лиг и Националистической партии демонстрируют ту политическую культуру, когда обе стороны стремятся владеть государственной властью и негативно настроены по отношению друг к другу. В результате, как правило, оппозиционные политические партии и заинтересованные группы в Бангладеш организуют «харталы», один из видов забастовок как форму протеста против правящих партий, которые длятся целый рабочий день. Хартал — акция гражданского неповиновения против колониализма в странах Южной Азии, их число резко возросло в Бангладеш в последние десятилетия.

В статье рассмотрен ряд моментов политической жизни в Бангладеш. Во-первых, межпартийное политическое насилие в Бангладеш широко распространено и оно в основном связано не с серьезными различиями в национальной политике, а с взаимным антагонизмом, личностными конфликтами и высокомерием руководства. Во-вторых, существует циклическая связь между насилием и враждой, причем одна из них усиливает другую. В-третьих, политическое насилие наиболее широко проявляется через парламентский бойкот, харталы, вымогательства и репрессии властей. Причины и последствия политического насилия носят циклический характер, а культура политического насилия создает политический тупик, серьезное общественное недоверие к партиям и руководству, нивелирующую политическую социализацию. Партийная система должна учиться и практиковать демократические нормы для решения политических разногласий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Зальсин И.Ю.* Насилие как средство власти: сущность и политические возможности // В контексте конфликтологии. Сборник. Отв. ред. Т.М. Дридзе и Л.Н. Цой. М.: Институт социологии РАН. 1997. № 1. Режим доступа: <http://conflictmanagement.ru/nasilie-kak-sredstvo-vlasti-sushhnost-i-politicheskie-vozmozhnosti>. Дата обращения: 01.02.2018.
- [2] *Котин И.Ю.* «Джихад ножей» в Бангладеш: причины и последствия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 4. С. 684—696. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-684-696.

- [3] Партия как политический институт. Режим доступа: <http://kulturoznanie.ru/politology/partiya-kak-politicheskij-institut/>. Дата обращения: 01.02.2018.
- [4] *Пиджаков А.Ю., Решецкий Ф.Н., Байрамов Ш.Б.* Понятие и сущность категории «политическое насилие» // *Credo New*. 2009. № 1. Режим доступа: http://intelros.ru/readroom/credo_new/cn_1_2009/3540-ponjatie-i-sushhnost-kategorii.html. Дата обращения: 01.02.2018.
- [5] *Akbar N.T.* Outside the Institutional Box: Why Political Parties Use Pre-electoral Violence in Bangladesh // UC Berkeley Electronic Theses and Dissertations, 2016. Режим доступа: <https://cloudfront.escholarship.org/dist/prd/.../qt3cg365bh>. Дата обращения: 01.02.2018.
- [6] *B Suykens I.A.* The Distribution of Political Violence in Bangladesh. 2015. Режим доступа: www.psw.ugent.be/.../The%20Distribution%20of%20Politic. Дата обращения: 01.02.2018.
- [7] Bangladesh Political Violence, a Case Study from the 2014 Human Rights and Democracy Report. 12.03.2015. Режим доступа: <https://www.gov.uk/.../case-studies/bangladesh-political-viol>. Дата обращения: 01.02.2018.
- [8] *Curtis L.* Bangladesh's Fracture: Political and Religious Extremism. 30.04.2015. Режим доступа: www.heritage.org/testimony/bangladeshs-fracture-political-and-religious-extremism. Дата обращения: 01.02.2018.
- [9] *Lintner B.* Religious Extremism and Nationalism in Bangladesh. Режим доступа: arcss.org/Publications/Edited%20Volumes/ReligiousRadicalism/PagesfromReligiousRadicalismandSecurityinSouthAsiach17.pdf. Дата обращения: 01.02.2018.
- [10] *Masooda B.* Allowing for Diversity: State-Madrasa Relations in Bangladesh // Religions and Development Research Programme Working Paper 13 — 2008. Режим доступа: eprints.bham.ac.uk/1548. Дата обращения: 01.02.2018.
- [11] Mass Arrests in Bangladesh: Round Up the Usual Suspects // *The Economist*. 27.01.2016. Режим доступа: www.economist.com/news/asia/21700669-spate-assassinations-provokes-heavy-handed-response-roundup-usual-suspects. Дата обращения: 01.02.2018.
- [12] *Moniruzzaman M.* Party Politics and Political Violence in Bangladesh: Issues, Manifestation and Consequences // *South Asian Survey*. March 2009. Режим доступа: https://www.researchgate.net/.../240717337_Party_Politics_a. Дата обращения: 01.02.2018.
- [13] *Mohsin A.A.* Religion, Politics and Security: The Case of Bangladesh // *Studies*. 1984. № 8. Режим доступа: arcss.org/Publications/Edited%20Volumes/ReligiousRadicalism/PagesfromReligiousRadicalismandSecurityinSouthAsiach20.pdf. Дата обращения: 01.02.2018.
- [14] Political Violence in Bangladesh: A Comprehensive Study // *A Bangladesh Study*. 01.10.2014. Режим доступа: <http://savebd.org/wp-content/uploads/2016/09/POLITICAL-VIOLENCE-a-study.pdf>. Дата обращения: 01.02.2018.
- [15] *Rounaq J.* Political Parties in Bangladesh // Centre for Policy Dialogue (CPD) Working Paper 8.2014. Режим доступа: www.cmi.no/publications/file/5229-political-parties-in-bangladesh.pdf. Дата обращения: 01.02.2018.
- [16] *Rahman M.A.* The Forms and Ecologies of Islamist Militancy and Terrorism in Bangladesh // *Journal for Deradicalization*. 2016. № 7. P. 68—106.
- [17] *Suvrota Sh.* Human Rights of the Minority in Bangladesh // *blog.mukto-mona.com*. 16.03.2016. Режим доступа: <https://blog.mukto-mona.com/2016/03/16/48634/>. (на Бенгальском). Дата обращения: 01.02.2018.
- [18] The State of Conflict and Violence in Asia // *The Asia Foundation*. 11.10.2017. Режим доступа: asiafoundation.org/wp-content/uploads/2017/10/StateofConflictandViolenceIntroduction.pdf. Дата обращения: 01.02.2018.
- [19] World Bank, Bangladesh Development Update. Washington, DC: World Bank, 2015.3. Режим доступа: <http://documents.worldbank.org/curated/en/550801468014652230/Bangladesh-development-update-April-2015>. Дата обращения: 01.02.2018.

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-1-129-139

POLITICAL PARTIES OF BANGLADESH AND THE CULTURE OF POLITICAL VIOLENCE

I. Md Sazedul

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Mikhlukho-Maklaya str., 6, 117198, Moscow, Russian Federation

Abstract. Political parties are crucial for the development of democracy in Bangladesh. They represent interests of different social groups and, by means of participation in elections, affect the development of political and socio-economic power strategies. Thus, political parties provide guarantee of equal rights of all the country's citizens and contribute to their involvement in the democratic process. The democratic institutions in Bangladesh are represented by 40 officially registered parties, among which the largest and most popular are the Awami League, the Nationalist Party, the Jatiya Party and the Jamaat-i-Islami. The article studies political parties' participation in the life of the country since the establishment of Bangladesh and compares the four main political parties in terms of their ideology, organizational structure, leadership and popular support during elections. Throughout the country's political history, the winning party has always enjoyed the monopoly of power, which has contributed to the aggravation of conflict between opposition parties and authorities. This situation significantly hinders the country's socio-economic development. Strikes, often accompanied by extremist violence, are taking place in different parts of the country. The author uses the historical method to analyze the nature of the opposition of various political forces in Bangladesh.

Key words: political party, democratic process, violence, Awami League, Nationalist Party, Jatiya Party and Jamaat-i-Islami

REFERENCES

- [1] Zalyzin I.YU. Violence as a Power Tool: Essence and Political Opportunities. *In the Context of Conflict Resolution Studies*. Collected articles. Ed. T.M. Dridze and L.N. Tsoi. Moscow: The RAS Institute of Social Studies; 1997; 1. Available from: <http://conflictmanagement.ru/nasilie-kak-sredstvo-vlasti-sushhnost-i-politicheskie-vozmozhnosti>. Accessed: 01.02.2018 (In Russ.).
- [2] Kotin I.YU. "Dagger Jihad" in Bangladesh: Cause and Effect. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2017; Vol. 17; 4: 684—696. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-684-696. Accessed: 01.02.2018 (In Russ.).
- [3] *A Party as a Political Institution*. Available from: <http://kulturoznanie.ru/politology/partiya-kak-politicheskij-institut/>. Accessed: 01.02.2018 (In Russ.).
- [4] Pidzhakov A.YU., Resheckij F.N., Bajramov SH.B. Concept and Meaning of "Political Violence". *Credo New*. 2009; 1. Available from: http://intelros.ru/readroom/credo_new/cn_1_2009/3540-ponjatie-i-sushhnost-kategorii.html. Accessed: 01.02.2018 (In Russ.).
- [5] Akbar N.T. Outside the Institutional Box: Why Political Parties Use Pre-electoral Violence in Bangladesh. *UC Berkeley Electronic Theses and Dissertations*; 2016. Available from: <https://cloudfront.escholarship.org/dist/prd/.../qt3cg365bh>. Accessed: 01.02.2018.
- [6] B Suykens I.A. *The Distribution of Political Violence in Bangladesh*. 2015. Available from: www.psw.ugent.be/.../The%20Distribution%20of%20Politic. Accessed: 01.02.2018.
- [7] *Bangladesh Political Violence, a Case Study from the 2014 Human Rights and Democracy Report*. 12.03.2015. Available from: <https://www.gov.uk/.../case-studies/bangladesh-political-viol>. Accessed: 01.02.2018.
- [8] Curtis L. Bangladesh's Fracture: Political and Religious Extremism. *Heritage.org*. 30.04.2015. Available from: www.heritage.org/testimony/bangladeshs-fracture-political-and-religious-extremism. Accessed: 01.02.2018.

- [9] Lintner B. *Religious Extremism and Nationalism in Bangladesh*. Available from: apcss.org/Publications/Edited%20Volumes/ReligiousRadicalism/PagesfromReligiousRadicalismandSecurityinSouthAsiach17.pdf. Accessed: 01.02.2018.
- [10] Masooda B. Allowing for Diversity: State-Madrasa Relations in Bangladesh. *Religions and Development Research Programme Working Paper 13 — 2008*. Available from: epapers.bham.ac.uk/1548. Accessed: 01.02.2018.
- [11] Mass Arrests in Bangladesh: Round up the Usual Suspects. *The Economist*. 27.01.2016. Available from: www.economist.com/news/asia/21700669-spate-assassinations-provokes-heavy-handed-response-roundup-usual-suspects. Accessed: 01.02.2018.
- [12] Moniruzzaman M. Party Politics and Political Violence in Bangladesh: Issues, Manifestation and Consequences. *South Asian Survey*. March 2009. Available from: https://www.researchgate.net/.../240717337_Party_Politics_a... Accessed: 01.02.2018.
- [13] Mohsin A.A. Religion, Politics and Security: The Case of Bangladesh. *APCSS Studies*. 1984; 8: 467—468. Available from: apcss.org/Publications/Edited%20Volumes/ReligiousRadicalism/PagesfromReligiousRadicalismandSecurityinSouthAsiach20.pdf. Accessed: 01.02.2018.
- [14] Political Violence in Bangladesh: A Comprehensive Study. *A Bangladesh Study*. 01.10.2014. Available from: <http://savebd.org/wp-content/uploads/2016/09/POLITICAL-VIOLENCE-a-study.pdf>. Accessed: 01.02.2018.
- [15] Rounaq J. Political Parties in Bangladesh. *Centre for Policy Dialogue (CPD) Working Paper 8*. 2014. Available from: www.cmi.no/publications/file/5229-political-parties-in-bangladesh.pdf. Accessed: 01.02.2018.
- [16] Rahman M.A. The Forms and Ecologies of Islamist Militancy and Terrorism in Bangladesh. *Journal for Deradicalization*. 2016; 7: 68—106.
- [17] Suvrota Sh. Human Rights of the Minority in Bangladesh. *Blog.mukto-mona.com*. 16.03.2016. Available from: <https://blog.mukto-mona.com/2016/03/16/48634/>. Accessed: 01.02.2018 (In Bengal).
- [18] The State of Conflict and Violence in Asia. *The Asia Foundation*. 11.10.2017. Available from: asiafoundation.org/wp-content/uploads/2017/10/StateofConflictandViolenceIntroduction.pdf. Accessed: 01.02.2018.
- [19] *World Bank, Bangladesh Development Update*. Washington, DC: World Bank; 2015; 3. Available from: <http://documents.worldbank.org/curated/en/550801468014652230/Bangladesh-development-update-April-2015>. Accessed: 01.02.2018.

Сведения об авторе:

Ислам Мд Сазедул — аспирант кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов (e-mail: sazid.ul.islam2010@gmail.com).

Information about the author:

Islam Md Sazedul — PhD Student of the Department of Comparative Politics of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Russian Federation) (e-mail: sazid.ul.islam2010@gmail.com).

Статья поступила в редакцию 07.02.2018.

Received 07.02.2018.

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-1-140-148

О ПРЕДЕЛАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ И МЕСТНОЙ ВЛАСТИ В ВОПРОСАХ РЕАЛИЗАЦИИ НАЛОГОВОЙ ПОЛИТИКИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ А.И. ВАСИЛЬЧИКОВА

А.С. Жаров

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
ул. Ленинские горы, 1, Москва, Россия, 119991

Статья посвящена анализу теоретических взглядов А. И. Васильчикова на политические традиции земского самоуправления относительно определения пределов государственной и местной власти в вопросах налогового обеспечения местного самоуправления, сформированных на основе осмысления опыта Российской империи в пореформенный период во второй половине XIX в. и в зарубежных странах (Англии, Пруссии, Франции, Швейцарии, Бельгии и США). Актуальность анализа теоретического подхода исследователя обусловлена, во-первых, необходимостью совершенствования сферы местного самоуправления, с целью повышения эффективности налогового обеспечения муниципальных образований, во-вторых, недостаточной степенью осмысления данного вопроса в современной отечественной политической мысли. По результатам проведенного исследования А.И. Васильчиков сформировал систему взглядов на политические традиции и пределы государственной и местной власти в вопросах налоговой политики местного самоуправления, в частности, важным выводом исследователя является заключение о том, что в основе разделения государственного и земского (местного) управления должно быть разделение не по предметам ведомств, а по пределам власти между государством и земством. Данный принцип находит свое подтверждение в распределении полномочий между верховной и местной властью. Первая устанавливает закон и налог, вторая же, в свою очередь, посредством функционирования местных учреждений установленный закон применяет и исполняет. Следует отметить, что теоретические умозаключения А.И. Васильчикова в контексте их адаптивного применения в процессе преобразования местного самоуправления современной России не теряют своей значимости и могут оказаться важным подспорьем в процессе совершенствования налоговой политики местного самоуправления.

Ключевые слова: А.И. Васильчиков, земство, местное самоуправление, налоговая политика, государственная власть, местная власть, опыт зарубежных стран

Теоретическое осмысление проблем местного самоуправления и налогового обеспечения муниципальных образований современной России представляется достаточно актуальным ввиду объективной необходимости совершенствования столь значимой сферы общественной жизни. Важность изменений обусловлена наличием проблем на низовых уровнях государственного устройства, а именно на уровне местного самоуправления, что ни раз отмечалось Президентом России В.В. Путиным. В частности, важнейшей задачей организации местного самоуправления было определено уточнение ее общих принципов и «развитие сильной, независимой, финансово состоятельной власти на местах» [4]. Для решения данного вопроса, на наш взгляд, необходимо обратиться к накопленному отечественному и зарубежному опыту по вопросам организации и функционирования местного самоуправления.

В отечественной социально-политической мысли имеется богатый опыт осмысления местного самоуправления.

В XIX в. в теории самоуправления выделяют представителей «государственной школы» и представителей «общественной теории» [3. С. 266], которые отличаются взглядами относительно объемов полномочий и компетенций административных и общественных органов власти, пределов государственного контроля. Сторонниками «государственной школы» являлись: А.Д. Градовский, В.П. Безобразов, Н.И. Лазаревский, П.А. Валуев и др. К представителям общественного подхода к рассмотрению института местной власти относились: В.Н. Лешков, В.Н. Гессен, М.И. Свешников, П.П. Шувалов и др.

Одним из выдающихся представителей русского либерализма является активный земский деятель и теоретик самоуправления, человек, опередивший время, — князь Александр Илларионович Васильчиков (1818—1881 гг.), который является современником эпохи земского самоуправления, периода, когда сформировалась в некотором смысле уникальная система местного самоуправления, самобытная, но при этом наиболее эффективная в истории России. Поэтому анализ взглядов исследователя наиболее ценен для развития системы современного местного самоуправления, которая сможет учесть национальные особенности и выстроить оптимальные механизмы налогового обеспечения.

А.И. Васильчиков разрабатывал проблемы, которые требуют концептуального целостного осмысления: организация местного самоуправления, формирование и функционирование гражданского общества, аграрные и национальные отношения и др. [5. С. 322]. Как следствие, большой интерес представляют труды исследователя, в частности, работа «О самоуправлении. Сравнительный обзор русских и иностранных земских и общественных учреждений» [1; 2].

Предметом данной работы является исследование «порядков внутреннего местного управления, которые входят в круг действий крестьянских земских и мировых учреждений» [1. С. I], что и определяется А.И. Васильчиковым как самоуправление. Исследователь утверждал, что первый шаг к началу общественной самостоятельности состоит в том, что налоги и повинности, устанавливаемые центральной властью, раскладываются на местах исходя из платежеспособности населения. Установление налогов строится с учетом государственных целей и задач и «может зависеть от общих государственных соображений», а размер ставок налогов, льготы должны быть в компетенции местной власти, так как она должна владеть вопросами состояния дел на местах, то есть «распределение податей и личных служб повинностей очевидно не может быть произведено иначе, как по местному расчету самих податных сословий, и поэтому право земских раскладок есть первый и самый существенный шаг к самоуправлению» [1. С. II—III]. Следующим этапом развития общественной самостоятельности является распределение денежных средств на местные нужды местным собранием, то есть составление расходных смет. Третьим периодом развития общественной самостоятельности, по утверждению исследователя, являлась передача функций по разрешению спорных вопросов по раскладке повинностей и по расходованию сумм от правительства к местным властям: «...этим учреждением местных суда и расправы, принявших название мирового института, завершено было постепенное

развитие общественной самостоятельности» [1. С. III]. Само понятие полного самоуправления А.И. Васильчиков определяет исходя из трех элементов: раскладки податей, расходования земских сборов и местных суда и расправы.

По мнению исследователя, специфика понятия «земство» заключается в исторически сложившемся в России отношении к пониманию индивидуального, личностного, гражданского начала, которое в нашей стране всегда уступало место земельному, территориальному. Неразделимое восприятие народа и земли, а порой и отождествление, безусловно, накладывало отпечаток и на отношения в сфере налогообложения, что выражалось в доминировании земельного налога над остальными, а впоследствии налога на имущество. Земство выражало интересы жителей (арендаторов, оброчников, земледельцев), которые эксплуатировали землю и доходами от нее обеспечивали уплату податей и отбывание повинностей, в то время как собственник земли, который не использовал ее, не мог быть признан членом местного общества.

Отличительную особенность русского земства как одного из видов народного движения А.И. Васильчиков видел в признании этим движением основными не политическое равенство, не личную свободу и социальное братство, а земское уравнение, то есть право на землю или владение недвижимым имуществом, что позволяло получить доступ к политическим правам.

Отмечается, что эти начала и права не были официально признаны, однако они вошли в основу законов о крестьянстве и земстве. Подчеркивается, что независимо от формы правления формы управления имеют два вида: земский (когда местное управление осуществляют местные жители) и бюрократический (когда местное управление осуществляют сторонние люди). Таким образом, земство рассматривается как особый порядок, не имеющий отношения к политике, а имеющий особую цель и область действий.

Как отмечает исследователь, в законах не было указано основное различие между правлением и управлением земскими и правительственными учреждениями, государственными и местными финансами, мировым судом и расправой, а также администрацией. Так, А.И. Васильчиков пишет, что в функционировании органов местного самоуправления должно быть четкое разграничение по предметам ведомств, что сохраняет свою актуальность и сегодня. Взаимоотношения между общественными, муниципальными учреждениями и властями, между администрацией и местными учреждениями, между управлением государственными и местными финансами, а также предметы ведомства и пределы власти местного самоуправления должны быть отражены в законах, «...проведены ясно и одним твердым почерком через все положения, уставы, временные правила и основные законы, коими регламентируется внутреннее управление административное, судебное, земское и общественное» [1. С. 8—9].

Сфера деятельности местных учреждений и властей, по мнению А.И. Васильчикова, должна быть четко определена, а за государственной властью должны быть закреплены «высшие права, коими она ни с кем делиться не может и не должна». Законотворчество и организация налоговой (податной) системы (право обложения) остается за государством. «Твердая и полная организация законодательной власти и податной системы должны предшествовать во всякой стране введению

местного самоуправления» [1. С. 12]. На наш взгляд, данная позиция имеет четкие основания и должна реализовываться сегодня.

Исследователь утверждал, что реформа 1864 г., целью которой было «...установить новый порядок обложения и найти другую основу для распределения тягостей» [2. С. 416], предоставила широкие полномочия местным органам. Так, по Положению о губернских и уездных земских учреждениях, где закон «не успел дать ясного указания», земские учреждения действовали независимо от правительственного надзора и имели право установления новых сборов на земские повинности и определения потребностей по усмотрению собраний. Если обязательные повинности определялись законом (размер повинностей зависит от решения собраний), то необязательные повинности «не только по размеру, но и по свойству, определяются постановлением земских собраний или по предложению управ» [2. С. 412—413].

По мнению А.И. Васильчикова, одним из существенных недостатков Положения о земских учреждениях было отсутствие оснований, в соответствии с которыми устанавливались ценность и доходность имуществ, а также и возложение «на местные собрания решение вопроса государственного, законодательного, многосложнейшего из всех вопросов экономического быта, задачи, которая не входит в круг действий местных властей и собраний...». При этом уездные собрания имели право определять размеры и свойство потребностей; назначать дополнительные сборы и осуществлять раскладку существующих сборов на новых основаниях [2. С. 417].

Такое чрезмерное расширение власти местных собраний, по мнению А.И. Васильчикова, не соответствует правильному понятию самоуправления, а неопределенность закона и пределов власти представляет опасность для самостоятельности земских учреждений. Данная опасность выражается в столкновении интересов администрации и земств, в процессе решения задач на одном и том же уровне. Следовательно, для сохранения самостоятельности земств должен быть найден предел, который отделяет их властную сферу от сферы правительственной.

Как упоминалось выше, таким пределом является верховное право издавать законы и устанавливать налоги. В своей работе А.И. Васильчиков на примере развития самоуправления в разных странах (Англии, Пруссии, Франции, а также Швейцарии, Бельгии и США) показывает, что чем выше общественная свобода, тем выше различия власти местных учреждений от власти верховной — законодательной и финансовой, то есть чем больше придается значение местному самоуправлению, тем определеннее устанавливаются пределы его власти.

В основу английской конституции положен принцип *King in Parliament*, суть которого заключается в том, что любой закон должен исходить от верховной власти. Правительство и общины же, в свою очередь, наделены лишь правом исполнения закона в буквальном смысле и лишены прав его толкования или дополнения.

Английское законодательство достаточно точно различает право издавать законы от права издавать постановления и право установления налогов от права раскладки налогов и составления смет. Эти различия проведены последовательно через все законодательство, определяющее деятельность местных учреждений. Предметами постановлений в Англии могут быть только внутренние распоряжки

и регламенты, при этом постановления не должны противоречить законодательству и подлежат утверждению правительством. Исследователь подчеркивает, что право самообложения и установления новых сборов в Англии никогда не было предоставлено местным учреждениям. И только размер расхода, и размер обложения самостоятельно определяют местные жители и учреждения (местные власти). Таким образом, только тогда, когда потребность признана действительной и расход установлен законодательно, местные власти вправе определить размер расхода, способ раскладки, взыскание за нарушение указанных порядков.

Законодательство Пруссии более четко обозначает пределы власти местных органов. Самостоятельно общество определяет только способ раскладки и размер сбора, а предметы обложения определяются общими законами и сам сбор утверждается правительством. Вся система земского обложения строится таким образом, что новый сбор утверждается правительством.

Во Франции относительно прав установления сборов исследователь выделяет следующие особенности права их установления: все расходы делятся на обязательные и необязательные, все они вносятся в одну смету, затем представляются на просмотр префекта, на утверждение министров и после одобрения правительством становятся обязательными. При этом обязательные устанавливаются законодательно, а необязательные по предложению местных собраний, но с утверждением министерства.

Рассмотрев данный вопрос в различных странах Европы, А.И. Васильчиков делает заключение: «Мы видим, что всюду власть и ведомство местных учреждений останавливается на том пределе, который мы преступили: право издавать постановления по всем предметам, которые не противны общим узаконениям, и право облагать местных жителей на предметы необязательных расходов ни в одном законодательстве кроме русского, не предоставлено местным властям» [1. С. 21].

Анализируя зарубежный опыт, исследователь приходит к выводу, что разумные пределы самоуправления как раз и заключаются в наличии права обложения, то есть финансовой власти и законодательной власти у центрального правительства, в то время как остальные отрасли могут быть поручены местным органам власти. Это подтверждается опытом функционирования систем местного самоуправления в Англии, Америке (США) и Швейцарии, где жители территориального образования и выборные от них должностные лица «заведывают не только судом, хозяйством, расправой, но и администрацией в полном широком смысле слова» [1. С. 22].

Следовательно, по мнению А.И. Васильчикова, в основе разделения государственного и земского управления должно быть разделение не по предметам ведомств, а по пределам власти между государством и земством, и в основе этого разделения должны лежать «закон», то есть законодательная власть и «налог», то есть финансовая власть. Данный принцип находит свое подтверждение в распределении полномочий между верховной и местной властью. Первая устанавливает закон и налог, вторая же, в свою очередь, посредством функционирования местных учреждений установленный закон применяет и исполняет. Резюмируя, исследователь заключает, что в основе отделения верховной власти от земской

лежит различие между узаконениями и постановлениями, а важной задачей законоположения о местном самоуправлении является «...определение предметов, подлежащих постановлениям земских собраний и властей» [1. С. 22].

А.И. Васильчиков считал, что равновесие между правлением и управлением, между потребностями правительственными и народными, между государственной и местной властью соблюдается только «посредством собраний и должностных лиц, действующих на местах и состоящих из местных обывателей» [1. С. 45].

Раскрывая значение предметов ведомств земских учреждений (дорожное управление, общественное призрение, народное продовольствие, народное здравие, общественное благоустройство, элементарное образование, тюремное управление), исследователь отмечает, что самой существенной и важной принадлежностью самоуправления является хозяйственное направление, то есть составление смет и раскладок, а также расходование средств по предметам, находящимся в ведении земских властей.

Как уже указывалось, право самообложения является неотъемлемой принадлежностью государственной власти. Земское управление осуществляет только следующие мероприятия: определение местных потребностей, раскладка расходов по нормам и правилам, согласно закону, расходование средств по предметам ведомства земских учреждений.

Отмечается, что если местная власть без уполномочия устанавливает новые предметы расходов или разлагают сборы на неуказанные предметы, то они переступают предел самоуправления и из хозяйственных учреждений превращаются в учреждения законодательные и финансовые. Исследователь считает, что существенной чертой самоуправления является расходование сумм земских сборов и только в этом земским учреждениям предоставляется полная самостоятельность, а в отношении смет и раскладок они должны действовать согласно закону. При этом подчеркнуто, что понятие о предметах расходов смешано с понятием о размерах расходов. Указывается, что если допустить, что сборы и повинности устанавливаются каждым отдельным собранием, то нарушится государственная целостность «ибо праву этому нет пределов, и оно подрывает весь хозяйственный организм страны и народа» [1. С. 64].

Однако установление размеров расхода и обложения является правом местной власти. Неразделение этих понятий в законе, по мнению исследователя, явились верным отголоском сепаратистских настроений. «Если право обложения представляется уже раз и навсегда самим податным обывателям, то каждая отдельная группа местных жителей, по естественному чувству самосохранения стремится завладеть этим существенным правом, чтобы оградить свои ближайшие интересы от вмешательства других более крупных округов; и не только уезды, но волости, города и сельские общества, опасаясь одних неограниченной власти других, стараются выделить себя из этого кругового обложения» [1. С. 65].

Исходя из законодательства, исследователь признает, что пределы русского самоуправления достаточно шире по сравнению с европейскими законодательствами и что ни одно из них (исключая английское) «не открывает такого широкого поприща самодеятельности народов» [1. С. 59]. Земским учреждениям в России даются такие полномочия, которые в других странах, согласно их

законодательству, не относятся к ведомству местных властей. Беря для сравнения законодательство трех стран — Англии, Пруссии и Франции, исследователь приходит к заключению, что не в одном из этих государств не предоставлены такие широкие права местной власти, как в России.

А.И. Васильчиков отмечает существование разных систем для государственных налогов, от которых зависит объем предоставления полномочий местным учреждениям. Там, где подати разлагаются по числу душ или десятин земли, затраты на раскладку минимальны, сокращаются издержки взимания. Система официальных кадастров и известного процента с инвентарной ценности имущества предполагает простой арифметический расчет. При системе подоходных налогов раскладка государственных налогов является важнейшим предметом земских учреждений, оказывает влияние на всю государственную налоговую систему и на народное хозяйство. В данном случае сумма доходов каждого имущества определяется собраниями, и узаконенный процент взимается с доходности.

Подчеркивается, что в Англии податных сословий, обложенных по душам, дымам или промыслам, как таковых не существовало, и податными признавались не лица, а имущества, «кому бы они не принадлежали» [1. С. 156]. В России до начала XVIII в. все обложение происходило по земле, земельным угодиям «тягло лежало крепко на имуществе, не принимая в расчет личность владельца» [1. С. 163]. По мнению А.И. Васильчикова, высшее значение земского самоуправления заключается в том, что именно ему доступно учреждение законного порядка для решения местных социальных вопросов, обсуждение которых недоступно для центрального правительства «возможно только в местных собраниях и сходках, при участии всех обывателей» [1. С. 538].

Резюмируя, следует отметить важность и актуальность выводов, сделанных А.И. Васильчиковым, при этом теоретические умозаключения исследователя в контексте их адаптивного применения в процессе преобразования местного самоуправления современной России не теряют своей значимости. Важными и актуальными сегодня являются выводы о независимости форм правления от форм управления, то есть, вне зависимости от разновидности первых, вторые принимают либо форму общественную (например, земство, когда управление осуществляется местными жителями территориального образования), либо форму бюрократическую (когда местное управление осуществляется сторонними людьми), и в случае благоприятного развития высшей формой самоуправления должно стать народное представительство. Это представительство не должно быть независимо от местного самоуправления, ибо в случае смешения этих двух явлений произойдет нарушение допустимого властного предела, что может повлечь за собой неблагоприятные последствия для целостности государства.

Выделенные А.И. Васильчиковым периоды становления местного самоуправления (определение ставок и пропорций установленных государством налогов, составление смет, контроль над поступлением и расходованием средств, а также передача судебных функций на места) в современных моделях можно назвать принципами, определяющими сущность самоуправления в части ведения хозяйственных дел.

Таким образом, функции по установлению налоговых ставок, расходованию налоговых доходов и контролю над расходованием должны стать прочной основой для совершенствования функционирования местного самоуправления современной России. При этом важно учитывать мнение исследователя о том, что самоуправление должно иметь полную самостоятельность, но обязательно в установленных законодательством рамках.

Подходы в исследовании А.И. Васильчикова по вопросу преобразования общественной жизни страны путем изучения собственного исторического опыта и современных тенденций с использованием критического переосмысления опыта зарубежных стран, а также его мысли о роли и значении местного самоуправления для России не утратили своей актуальности на сегодняшний день и должны быть учтены при модернизации налоговых механизмов и принципов функционирования местного самоуправления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Васильчиков А.И.* О самоуправлении: Сравнительный обзор русских и иностранных земских общественных учреждений. В 3-х т. Т. 1. СПб., 1869. 352 с.
- [2] *Васильчиков А.И.* О самоуправлении: Сравнительный обзор русских и иностранных, земских и общественных учреждений. 3-е изд. Т. 2. СПб., 1872. 545 с.
- [3] *Матюхин А.В.* Администрация и самоуправление в проектах русского либерализма XIX в. // Земские учреждения и местное самоуправление: история и современность (к 150-летию учреждения земств в России): Материалы Международной научно-практической конференции. 21—22 апреля 2014 г. М.: Издательство Московского Университета, 2015. С. 226—227.
- [4] Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию от 12.12.2013 // Сайт Президента России. 12.12.2013. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19825>. Дата обращения: 15.09.2018.
- [5] *Шириняц А.А., Старостин А.Ю.* Князь Васильчиков — «Социалист в бархатном кафтане» // Земские учреждения и местное самоуправление: история и современность (к 150-летию учреждения земств в России): Материалы Международной научно-практической конференции. 21—22 апреля 2014 г. М.: Издательство Московского Университета, 2015. С. 306—323.

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-1-140-148

ON THE LIMITS OF STATE AND LOCAL AUTHORITIES IN THE IMPLEMENTATION OF THE TAX POLICY OF LOCAL SELF-GOVERNMENT: THEORETICAL VIEWS OF A.I. VASILCHIKOV

A.S. Zharov

Lomonosov Moscow State University
Vorobyovy gory str., 1, Moscow, Russian Federation, 119991

Abstract. The article is devoted to the analysis of A.I. Vasilchikov's theoretical views on the political traditions of the Zemstvo self-government regarding the definition of the limits of state and local authority in matters of taxation of local self-government, formed on the basis of understanding the experience

of the Russian Empire in the post-reform period in the second half of the 19th century and in foreign countries (England, Prussia, France, Switzerland, Belgium and the USA). The urgency of the analysis of the theoretical approach of the researcher is conditioned by the need to improve the local self-government sphere, in order to increase the efficiency of tax provision for municipalities. According to the results of the study, A.I. Vasilchikov formed a system of views on political traditions and the limits of state and local authorities in matters of the tax policy of local self-government. In particular the important conclusion of the researcher is that separation of state and Zemstvo (local management) should be a division not in the subjects of departments, but in the limits of power between the state and Zemstvo. This principle finds its confirmation in distribution of power between the supreme and local authorities. The first establishes the law and the tax, the second, in turn, applies and executes the established law through the functioning of local institutions. It should be noted that A.I. Vasilchikov's theoretical deductions do not lose their significance in the context of their adaptive application to the process of transformation local self-government of contemporary Russia, and could be useful in the process of improving the tax policy of local self-government.

Key words: A.I. Vasilchikov, Zemstvo, local self-government, tax policy, state power, local authorities

REFERENCES

- [1] Vasil'chikov A. I. *On Self-Administration: Comparative Review of Russian and Foreign Local Territorial Establishments*. Vol. 1. SPb.; 1869. 352 p. (In Russ.).
- [2] Vasil'chikov A. I. *On Self-Administration: Comparative Review of Russian and Foreign Local Territorial Establishments*. Vol. 2. SPb.; 1869. 545 p. (In Russ.).
- [3] Matuhin A.V. Management and Local Administration in the Projects of Russian Liberalism of the 19th Century. *Territorial Establishments and Local Administration: History and Modern Times (for the 150th Anniversary of Zemstvo in Russia), Materials of International Research and Practice Conference. 21—22 of April 2014*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo Universiteta; 2015: 226—227 (In Russ.).
- [4] State of the Nation Address by Russian President Vladimir Putin from 12.12.2013. *Official Site of the President of the Russian Federation*. Available from: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19825>. Accessed: 15.09.2018 (In Russ.).
- [5] Shirinyants A.A., Starostin A.Yu. Prince Vasilchikov: “A Socialist in a Velvet Frock”. *Territorial Establishments and Local Administration: History and Modern Times (for the 150th Anniversary of Zemstvo in Russia), Materials of International Research and Practice Conference. 21—22 of April 2014*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo Universiteta; 2015: 306—323 (In Russ.).

Сведения об авторе:

Жаров Артем Сергеевич — аспирант кафедры истории и теории политики факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (e-mail: artemseayandex.ru).

Information about the author:

Artem S. Zharov — PhD Student of the Department of History and Theory of Politics, Lomonosov Moscow State University (Russian Federation) (e-mail: artemsea@yandex.ru).

Статья поступила в редакцию 10.10.2018.

Received 10.10.2018.